

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2018

Том первый

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ • АНДРЕЙ УЛАНОВ •
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА • ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН
МАЙК ГЕЛПРИН • ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО
АЛЕКС ГРОМОВ • АНДРЕЙ АНГЕЛОВ

ОСНОВАТЕЛЮ
МОСКВЫ

Русская фантастика (Эксмо)

Василий Головачев

**Русская фантастика –
2018. Том 1 (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Русская фантастика – 2018. Том 1 (сборник) /
В. В. Головачев — «Эксмо», 2018 — (Русская фантастика
(Эксмо))

Во время раскопок студенты из Астрахани находят золотую статую коня, захороненную еще во времена хана Батыя. Перед молодыми археологами и руководящим ими профессором возникает непростая проблема... Молодой священник Борис Радостев приехал в Москву, чтобы добиться сохранения церкви в Ленинградской области, которую собираются снести. Случайно в руки ему попадает таинственный прибор, позволяющий батюшке наблюдать за грехами москвичей... Неспокойно было в западных русских землях в конце XV века. Некоторые из бояр, вместо того чтобы исправно служить царю-батюшке, выслуживались перед польским королем Казимиром IV. Таков был и боярин Роман, предавший велижского князя Друцкого. Изменнику мстит княжич Юрий, но ему не справиться с предателем в одиночку... Правда, на стороне юного Друцкого неожиданно выступают лесные оборотни... Василий Головачёв, Андрей Уланов, Дарья Зарубина, Майк Гелприн, Андрей Фролов, Андрей Ангелов и другие ведущие отечественные фантасты в традиционном ежегоднике «Русская фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Головачев В. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Безумные сказки	7
Андрей Ангелов	7
Андрей Ангелов	48
Послесловие	84
Тёмная засада	85
О'Рэйн	85
Татьяна Романова	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Русская фантастика – 2018. Том 1 (сборник)

© Ангелов А., Александер А., Богданов А., Бубнов Р., Гелприн М., Головачёв В., Громов А., Зарубина Д., Калиниченко Н., Лисьев А., Миллер А., Остапенко Ю., Пономарёва М., Романова Т., О'Рэйн, Стасова С., Уланов А., Федина Н., Шикарев С., 2018

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Безумные сказки Андрея Ангелова

Андрей Ангелов Золотая конина *Из серии «Безумные сказки Андрея Ангелова»*

1. Древняя находка

– Аха-ха-ха! – возникло в реке эхо и заметалось между косогорами.

Эхо случилось десятого августа, вне цивилизации. Солнце как раз склонялось к горизонту, а в неширокой речке плескалась парочка парней. Это были студенты из археологической экспедиции:

Михайло Васильевич Светоч – юноша, имеющий профессорский вид, гораздо разумный на науки. Закомплексованный очкарик, что боится девушек;

Джордж (он же Георгий) Гейзер – огненный юнец без комплексов, на все смотрящий через призму большого секса.

Классическая пара: ботаник и гремучая смесь. Ребята были лучшими френдами уже целых 20 лет, с самого детского сада. Именно благодаря разности характеров им удалось не только стать друзьями, но и сохранить дружбу.

– Э-ге-гей! – вновь крикнул Джордж, взбивая воду ладонями и задрав глаза к небу. – Тра-та-тушки!

– ...Ей... ушки... йушки... – поддакнуло эхо.

Насладившись эхом, Гейзер опустил голову от неба и недоуменно оглядел гладь реки:

– Михайло Васильевич, ты где?..

– Ужин через десять минут! – донеслось с берега. – Тебя ждать?

Ботаник уже стоял на теплом песке и отжимал плавки.

– Ждать, – крикнул Джордж и сам скоренько пошагал к берегу.

Ужин – это главный праздник в археологической экспедиции! Так же, как завтрак, обед и полдник! Тяжелый физический труд, постоянный свежий воздух, полуголые студентки – все это возбуждает аппетит. Не на шутку. Любой участник экспедиции всегда хочет есть, и, поскольку в сельский магазин не нагуляешься, с энтузиазмом питает организм в строго определенные регламентом часы.

Не дойдя полуметра до суши, Гейзер вскрикнул и заплясал на одной ноге.

Светоч щелкнул резинкой трусов, надел очки с круглыми линзами, спросил равнодушно:

– Ногу ушиб, да?

– Заметно? – простонал Гейзер, кривясь от боли. Он наклонился и достал из-под воды увесистый булыжник – причину своей боли. – Сволочь! – обругал камень Джордж и с размахом его швырнул.

Булыжник описал в воздухе небольшую траекторию и врезался в обрыв.

Гейзер, прихрамывая, вышел на берег, сел на песок и разглядел большой палец на ноге. Палец неплохо вспух.

– У-у-у! – поцокал Джордж языком. – Вряд ли я теперь работник на раскопе. На кухню дежурным проситься? Как думаешь, Михайло Васильевич? – спросил он и покосился вбок.

Френда Гейзер не увидел. Зато со стороны косогора раздался жизнерадостный голос:

– Георгий, иди-ка сюда! Кажется, благодаря твоей ушибленной ноге мы нашли золото!

– Золото! – подскочил Джордж, забыв про ногу.

Гейзер прямо-таки подбежал к обрыву на всех парах.

Светоч стоял возле места, куда стукнулся камень. Под ногами лежала кучка осыпавшейся глины. Выходит, камень ударил в косогор, от удара осыпался грунт, обнажив кусок монолитной болванки тусклого желтого цвета, с утолщением на конце. Около двенадцати сантиметров в диаметре, длиной столько же.

Вероятно, раньше речка была рекой, но постепенно мелела, все большую территорию уступая степи. Косогор – часть берега, что со временем ветшал и рушился, обнажая глубинные пласты. Вместе с предметами, в них скрытыми... Закон природы.

– Это золото! – возбужденно прыгал Светоч. – Так сразу не скажешь, конечно... пятьсот, а то и больше лет во влажной почве – приличный срок... Но это золото, ручаюсь!.. Только что за изделие, не ясно!

Гейзер основательно провел пальцами по желтому монолиту, сметая глиняную пыль. Исследовал болванку опытными пальцами, привыкшими тонко ощущать чувствительное женское тело, и уверенно заявил:

– Я скажу, что за изделие! Это то самое, о чем профессор рассказывал намедни ночью.

– Да ладно! – поразился Светоч. – Я не верю в легенды, а рассказ профессора – легенда.

– Общий вес легенды, которую мы сейчас трогаем... тонны полторы, – усмехнулся Гейзер. – Кажется, у Шера звучало такое число?..

* * *

– ...И вот хан Батый из награбленного золота отлил двух коней в натуральную величину! Дабы доказать всему миру свое могущество, богатство и значимость, – рассказывал профессор намедни ночью. – Этих коней он поставил у ворот своей столицы – Сарай-Бату.

Профессор Шер, сорокачетырехлетний мужчина с черными усами, носил очки спрямоугольными линзами, скрывающими взгляд с грустной искринкой. Он сидел у ярко пылающего костра, пыхая трубкой. Рядом расположился десяток студентов-археологов, а на огне, на двух рогатинах, висело ведро с чаем.

– Ханы смертны. В положенный срок Батый умер, власть в Орде перешла к его младшему брату Берке. Он воздвиг новую столицу и назвал ее Сарай-Берке... – Профессор затаился последний раз и стал выбивать трубку о землю. – Данный город находится в пяти километрах от нас. Как известно...

– Там все давно уже выкопали! – с важностью сказала отличница Люся.

– Московские и французские археологи! – с превосходством дополнила отличница Лада.

– Поэтому удел провинциальных археологов – копать курганы-могильники, – грустно вздохнул Тимофей Рыжиков.

– Коих в окрестностях тьма, – авторитетно поддержал Гриша Масленкин.

Длинный Вася молча переводил рыбий взор с одного на другого. Олесия Магнитсон и Настя Тихонова вполголоса шушукались.

– Не съезжайте с темы! – вознегодовала Томочка Любимая, весьма ехидная особь женского пола, и спросила с придыханием: – Профессор, а что было дальше с золотыми конями?

Шер снял очки, потер утомленные глаза, вновь надел и принялся набивать очередную трубку.

– Берке перевез золотых коней в свою столицу. Шло время, менялись правители, кони переходили от одного хана к другому... Скончался хан Мамай, и его погребли под стенами Сарай-Берке, а в могилу опустили одного коня. Через несколько лет полчища Тамерлана разгромили город. Конь из могилы бесследно исчез.

– А вторая конина? – зачарованно спросил Джордж Гейзер.

Профессор прикурил от головни, с удовольствием пыхнул. Потом с улыбкой оглядел студентов.

– Судьба второго коня немного драматичней. В год смерти Мамай отряд русских головорезов напал на Сарай-Берке. Русские отлично пограбили! В числе трофеев унесли и золотого коня, которого сдернули с его постамента у ворот. Монголы очухались, собрали армию и пустились в погоню. Поняв, что им не удрать, русские утопили коня в реке, что встретилась на пути. Возможно, в той самой, что течет рядом с нашим лагерем... А сами приняли бой и все до единого там погибли. Так и ушла в небытие тайна клада.

У костра воцарилась глубокомысленная тишина.

– Сколько мог весить один такой конь? – деловито спросил Михайло Светоч.

– Тонны полторы или около того, – пожал плечами профессор. – Однако золотые кони Батыя не более чем красивая легенда. Миф. Если хотите, фольклор.

* * *

– Да иди ты! – выдохнул Светоч и ошалело взглянул на Гейзера, потрогав монолитную болванку, торчащую из косогора. – Значит, это копыто, и конь зарыт здесь... Это же грандиозное открытие! Если эта твоя гипотеза верна... а эта твоя гипотеза верна, то... надо идти быстрее к профессору и все рассказать! Других участников экспедиции будет глотать вечная зависть! И не только их! Вероятно, коня искали, несмотря на его легендарность. А открылась находка нам!

Гейзер прослушал речь друга со снисходительным видом и внушительно произнес:

– Золото открылось нам, Михайло Васильевич. В этом ты прав! Только не прав по поводу его судьбы. А судьба золоту светит одна – владеть металлом будем мы. Двое – ты и я!

– Конь – наследие государства! – не согласился Светоч. – Умолчав о нем, мы совершим уголовное преступление...

– Ха-а-а! – прямо в лицо ему рассмеялся Гейзер. – Вот скажи-ка мне, что такое государство? Давай-давай!

– Ну-у, – озадаченно протянул очкарик. – Государство – это политическая организация общества во главе с правительством и его органами, с помощью которых...

– Государство – это кодла жадных чуваков, грабящих тебя и меня! – перебил Гейзер. – Так было, есть и будет. Если мы сообщим о животном, его потащат в столицу, где оно просто исчезнет. Бесследно, типа как другая конина из могилы Мамай. На голову чиновники срубят себе виллы, ноги станут яхтами, туловище... тупо банковским счетом!

– Вполне возможно, золотого коня поставят все же в музей, – задумчиво изрек Светоч. – И тогда... нам с тобой дадут прибавку к стипендии!

– Или не дадут! – усмехнулся Гейзер. – Ученые будут конину изучать, публика глазеть. И те, и те будут стараться умыкнуть по кусочку.

– А на скрижалях истории будет отбито, что реликт отрыл профессор Шер, – с печалью сказал Светоч. – Про нас никто и не узнает... – Михайло решительно повел узкими плечами: – Командуй, Георгий!

Гейзер удовлетворенно кивнул и побрел к одежде, чуть прихрамывая. На ходу подытожил:

– Надо придумать план по незаметной доставке лошади в цивилизацию.

– Это конь, Георгий! – крикнул Светоч в спину френду. – Профессор сказал, что Батый отлил коня!

– А есть разница?.. – озадачился Джордж, остановившись.

– Вообще-то да! – ехидно заметил очкарик.

Гейзер вернулся к косогору, вплотную подошел к Светочу. С непривычно серьезным выражением лица он сказал чуть с запинкой, подбирая слова:

– Такой момент, Михайло Васильевич... Монголы отлили конягу. И я не думаю, что они отлили коняге половые признаки. Пусть каждый называет конягу, как желает. Если тебе нравится слово «конь», то называй «конь». Мне... мне фиолетово, как называть кусок аурума, зарытый на берегу реки! И я его назвал лошадью только потому, что надо было его как-то назвать! Первое название, которое дернуло сейчас мой язык, было слово «лошадь»! Надеюсь, данную тему мы прояснили раз и навсегда?

Михайло посмотрел на лучшего френда сквозь круглые очки, не мигая, и произнес с невозмутимой иронией:

– Хорошо. Только вот... стоит ли говорить столько слов по поводу пустяка?..

– Для тебя полторы тонны золота – пустяки?.. Правда?.. – Улыбка Гейзера мало походила на улыбку. – А вот для меня полторы тонны золота – не пустяки!.. Представляешь?!

Джордж хлопнул френда по плечу, поднял с песка одежду и стал одеваться. Михайло строго смотрел вслед, от иронии на лице не осталось и следа.

2. Как взять клад

Лагерь представлял собой прямоугольную площадку площадью около двухсот метров. Вдоль одной стороны прямоугольника стояло десять палаток, такого среднего размера. Напротив палаток отвели место для лопат-ломов-топоров.

Палатка профессора, похожая высотой и формой на небольшой шатер, возвышалась особняком. Она стояла так, что из нее отлично просматривался весь лагерь.

Напротив профессорской палатки темнело костровище, посреди которого тлел костер, который денно и ночно поддерживали дежурные по кухне. Дежурных археологи назначали сами, по принципу очередности. Здесь же лежала посуда – общественная, в которой варили еду, и кружки-миски для личного пользования. Чуть поодаль стоял грубо сбитый из досок трехметровый обеденный стол, врытый в землю.

После сытного ужина археологи затеяли подкидного дурака. Дежурные Люся и Лада мыли ведро из-под чая и участия в игре не принимали. К слову, отличницы не одобряли карточных игр, даже самых безобидных. Джордж и Михайло отошли в сторонку и, делая вид, что интеллигентно кушают ириски, обменялись репликами. Для конспирации они действительно съели по конфетке, и Гейзер попросил Светоча немного подождать. Джордж только...

– Я только удовлетворю позывы своей задницы, а потом сядем и основательно пораскинем мозгами, как дальше быть с золотом. Хорошо?

– Попы, – странно отреагировал Михайло.

– Ч-что?

– Ну-у... нужно говорить – «попа» или «анальный проход», – пояснил ботаник. – То слово, которым ты обозначил часть своего тела, грубое, точнее, не совсем этичное.

Гейзер озадаченно нахмурился.

– Хмм... Не ведаю, что у тебя, Михайло Васильевич, находится под спиной, но у меня там задница! И тебе нужно запомнить – как задницу ни обзови, она все равно останется задницей и ничем иным!..

Джордж отошел в кусты, обронив напоследок:

– Буду через десять минут!

Михайло повернулся почувствовав на себе пристальный женский взгляд. Его рассматривала Олесия Магнитсон. Девушка стояла в другом конце лагеря, дабы не привлекать к себе внимания археологов, и манила Светоча нежным пальчиком.

– Пойдем к тебе в палатку, – почти телепатически услышал Михайло ее ласковый голос.

* * *

Гейзер положил лопух на желтую кучку, встал, натянул штаны, почесал зад и пошел по тропке к лагерю.

На порядком истоптанной траве проступали буквы: «Г. Д.!». Восклицательный знак осталось выложить наполовину.

Джордж вернулся в лагерь и увидел здесь ту же самую картину. Время на природе течет неспешно, и мало что меняется. Это в городе, идя в магазин, ты видишь целую машину, а идя из магазина – машину разбитую. Чем меньше рядом цивилизации – тем меньше рядом перемен!

Дежурные Люся и Лада все мыли посуду, только уже ведро из-под каши. Археологи за столом все играли в карты. Только Светоча не наблюдалось.

– Михайло Васильевич! Ты куда ушел?! Отзовись! – крикнул Гейзер во весь голос.

– Тише, Джордж, – потушил Гриша Масленкин. – Михайло Васильич уединился в палатке с Олесией.

– Наконец-то решился потерять невинность! – поддержал Тимофей Рыжиков.

– Ага! – ехидным смехом прыснула Томочка Любимая.

Длинный Вася переводил рыбий взор туда-сюда.

– Вы что, не рады за Светоча? – неожиданно сказала Настя Тихонова.

Она демонстративно встала и отошла, бросив свои карты.

Гейзер как само собой разумеющееся воспринял все реакции археологов, но реакция Насти его удивила. И заинтересовала, вот и удобный повод с нею поболтать. Просто поболтать. Эх, если б не срочное дело, связанное с золотом!.. Сейчас нужен Светоч, а Настя подождет.

* * *

Михайло Васильевич Светоч впервые в жизни сосредоточенно совершал телодвижения, необходимые для продолжения рода человеческого. Очки с круглыми стеклами лежали на женских трусиках – не遠деке. Под Светочем сладко стонала Олесия Магнитсон. Топик девушки был задран к подбородку, груди свободно подпрыгивали при каждом толчке.

Рядом раздался деликатный кашель.

Светоч немедленно прекратил фрикции. Олесия страстно схватила его за бока:

– Давай-давай, Миша! Ну ты чего?!

Светоч, близоруко щурясь, смотрел вбок. Олесия тоже посмотрела вбок. В полуметре от любовной парочки сидел Гейзер. Он сказал просто, подчеркнуто обращаясь к Светочу:

– Я уже целых пять минут сижу. Жду, когда ты закончишь.

– Ты, Гейзер, совсем спятил! – визгливо крикнула Олесия. – Слезай, чего разлежся! – пихнула очкарика.

Тот неловко сполз с девушки, подхватил очки. Дужки запутались в кружевах трусиков.

Олесия натянула топик, оправила юбку, метнулась к выходу, прошипев:

– Скотина ты, Джордж!

Светоч разъединил дужки и кружева, надел очки, натянул спущенные трико и кротко сказал:

– Ты испортил наши с Олесией отношения. Надеюсь, ты это понимаешь и тебе стыдно. Просвещаю, я хочу на ней жениться!

– Да ладно? – усмехнулся Гейзер. – На Леське? И когда же ты принял такое решение? За те полчаса, что мы не виделись?

– Еще год назад, – с превосходством ответил Светоч. – Олесия мне давно нравилась, просто не знал, как к ней подступиться.

– Просто подошел бы и предложил переспать, – просветил Гейзер. – Что у Леськи отличная давалка, знает половина исторического факультета!

– Ч-что?.. Ты мне ничего об этом не говорил!

– Ты ведь не спрашивал, я и не говорил, – озадачился Гейзер. – И еще я думал, что ты в курсе.

– Я не в курсе, – погрустнел ботаник.

– Зато теперь... в курсе, – утешил Гейзер. – Леська, видно, совсем оголодала на раскопках. Даже на такого, как ты, кидается!

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Светоч.

Гейзер немного смутился. Полез в карман за ириской. Ничего не ответил.

– Что, блин?! – наезжал Михайло, расправив узкие плечи. – Что хотел сказать?..

Гейзер прожевал конфетку, с наслаждением прикрыв глаза. Потом резко глаза открыл и задумчиво ответил:

– Я хочу сказать, что... как ты можешь спокойно прыгать на дефке¹, когда невдалеке лежит золотая лошадь весом в полторы тонны! И знаем о ней только мы. К нашему взаимному счастью, я не занимался ерундой, и мой мозг усиленно работал. В голову пришли мысли, и я хочу поделиться ими с тобой!

Очкарик вытащил у френда из кармана ириску, основательно зажевал. Всучил Джорджу фантик и заметил:

– Нельзя коня оставлять здесь долго. Его еще найдут! Восемьсот лет золото лежало в земле, но сейчас, похоже, настал момент находок.

Джордж раскрыл полы палатки и выкинул фантик. Светоч успокоил нервы и готов к диалогу. Вперед!

– Надо отдербанить копыто, что торчит из косогора. Оно слишком бросается в глаза. Встает тактический вопрос – как это сделать? – спросил Джордж. И сам же и ответил: – Можно взять кувалду и бить по копыту до тех пор, пока оно не отломится!

– Золото – мягкий металл, – выдал справку Светоч. – Он не ломается, а гнется.

– Черт! Тогда... я придумал отпилить ногу. Только у нас нет ножовки по металлу.

– Зато есть у профессора, – просветил ботаник.

– Отлично! Надо украсть инструмент.

– Не надо. Профессор даст по моей просьбе. Навру ему чего-нибудь...

– Договорились, – кивнул Гейзер. – Ночью произведем отпил. Золотое копыто спрячем в вещах. Стену косогора, где лежит основная туша, заделаем мокрой глиной. А потом... надо отпроситься у профессора домой, типа заболели.

– Экспедиция и так уедет домой, – поправил Светоч. – Через два дня. Поэтому не вижу причин для лишних сложностей...

– Как это? – удивился Гейзер. – Нам еще неделю здесь париться. Курган выкопан только наполовину, а пока не отроем его весь и не вскроем могилу монголо-татарина, ни шагу в город!

---

¹ «Девушка» – на молодежном «диалекте». Здесь и далее звучат слова, взятые из молодежного жаргона («по-любасу», «канешн», «френд» и т. д.) – *Примеч. автора.*

– Положись на меня, – попросил Светоч. – Через пару дней экспедиция уедет в город, я гарантирую!

Джордж испытующе глянул на очкарика. Светоч не похож на парня, способного что-либо гарантировать. Кроме гарантии положительной отметки в зачетке. Если, конечно, ты у него списал ответ на билет. Однако золото меняет не только людей, но и отличников... К тому же Михайло Васильевич хлипок внешне, да крепок внутренне. Самые «продуманные» парни – это ботаники, на самом-то деле!

– О'кей, – решил довериться интуиции Гейзер. – Мы увозим копыто в Астрахань! Там золото продаем дельцу, который не задает вопросов. На вырученные деньги покупаем тачку, приезжаем, пилим коня бензорезом. Все так?

– Все так, – подтвердил очкарик. Рука нечаянно тронула трусики, забытые Олесией... медленно сжала. Мысль перестроилась на другую волну.

– До ночи! – подмигнул Гейзер, намереваясь вылезти из палатки.

– Пстой! – попросил Светоч, тиская кружева. И быстро спросил: – Ты Олесию... любил?

Гейзер захотел соврать, но понял, что врать в итоге не хочется.

– Нет, – вымолвил он с неохотой. – Мы с Леськой лютые враги.

«С тех самых пор, как она отказала! Единственная из тех, у кого он просил. Весомый повод, чтобы записать девушку во враги!» – шепнула совесть Джорджа.

Но мысли, продиктованные совестью, станут озвучивать только психически больной. Даже лучшему френду...

– Сегодня Олесия второй раз меня заметила! – поделился радостью Светоч. – За все время знакомства...

– А первый раз когда? – без интереса спросил Гейзер.

– В прошлом году! Спросила годы правления Ивана Калиты!

Джордж отбросил дурацкие мысли о своей мужской несостоятельности. Ухмыльнулся в привычной манере.

– Если бы я страдал из-за каждой дефки, то давно бы наложил на себя руки! – провозгласил он и вышел из палатки.

– Ты легко относишься к половым связям, – пробормотал Светоч. – А я девственность берег именно для жены.

3. Досадная случайность

Окрестности окутала ночь, луна стояла во второй четверти.

Даша открыла калитку усадьбы и выкатила за ограду велосипед. Легко прыгнула на сиденье и методично заработала ногами. Поехала по неширокой сельской улочке мимо магазина, потом свернула к бескрайним полям.

За Дашей пристально наблюдала баба Васа – соседка. Проводив женщину плотоядным от любопытства взором, Васа намылилась бежать к подружкам, дабы поделиться...

– Девчонки, а Дашка-та опять ныне укатила к своему ентому хахалю! – обычно так начинался рассказ Васы.

Но Васа вовремя вспомнила, что ночью деревенские старухи спят. Это ей приспичило проверить свеклу на предмет целостности и сохранности от местной алкашни! И Васа отложила побегушки до утра.

Примерно в это же время в лагере археологов из палатки вылез профессор. Воровато оглядевшись и никого не заметив, он повернулся спиной к ряду палаток, задвигал руками. А, вот что! – он всего лишь сходил в туалет, о чем тайные наблюдатели догадались по шелесту травы в траве.

Облегчившись, Шер постоял немного, задрал голову к звездному небу.

– Эх, красота! – сказал негромко.

Взглянув на наручные часы, профессор направился к леску. Из темнеющей в строю таких же палатки за ним следили чьи-то глаза.

* * *

– Мы похожи на Балаганова и Паниковского, – вымолвил Светоч, жуя ириску.

– Они пилили чугунные гири, а чугун легче поддается пилке. Поверь. Золото очень вязкий металл, так тяжело идет!

Гейзер пыхтел и плевался, елозя ножовкой по конской ноге. Золотые опилки мелкой стружкой сыпались в полиэтиленовый пакет, предусмотрительно положенный на землю под местом распила.

Берег реки обнимала все та же ночь, лунный свет тускло освещал сцену. Пространство рядом с косогором наполнял жужжащий звук распиливаемого металла. Негромкий и внятный.

– Давай-ка теперь ты, – пропыхтел Джордж и отставил ножовку.

Он отошел в сторонку, вдыхая воздух полной грудью. Михайло взял одной рукой инструмент за ручку, а другой рукой обхватил ножовку сверху. И начал пилить!

– Профессор спрашивал, зачем ножовка? – словно невзначай спросил Гейзер.

– Да, – ответил очкарик. – Я сказал, что острие лопаты постоянно загибается, решил его отпилить.

– И Шер поверил? – удивился Джордж. – Знаешь, сделать это с лопатой почти нереально. Лучше отломать.

– Не знаю, поверил он или нет. Но дал ножовку. Что нам и требовалось. Не так ли?

Летом ночи короткие, а золотая конская нога имеет свойство заканчиваться. Металлический скрежет прервался, когда на небосклоне показалось красное солнце.

– Часа три пилили, – заметил Гейзер.

Друзья заделали место отпила мокрой глиной (из косогора торчало продолжение ноги в три сантиметра длиной), взяли пакет с опилками и собственно копыто и потихоньку направились к лагерю. Светоч осторожно выглянул из-за деревьев, оглядел досыпающую последний часик поляну с палатками. И прошептал:

– Все дрыхнут. Вперед, – скомандовал он и сделал два шага к лагерю. На интуиции, не уловив за собой шагов френда, обернулся. Недоуменно вскинул брови: – Георгий? Ты где?..

Не одному тебе внезапно исчезать, ботаник! А тишина нам не отвечает, как известно. Очкарик поспешно шагнул назад, тиская пакет с золотыми опилками и ножовку.

– Ау, Георгий!

Из-за ближайшего куста раздалось пуканье и голос Джорджа:

– Ну чего орешь? погоди минутку.

Светоч чуть прогнулся в сторону, увидел голову присевшего Гейзера:

– Посмотри лопушок, я поблизости все вырвал, – попросил лучший френд.

– В таких делах я не помощник, – отказался очкарик. – Увидимся.

Он повернулся и отошел к лагерю.

– Эй! А если я больной попрошу стакан воды? Тоже не подашь?! – возмутился Джордж.

– Сравнил, – донеслось с тропки. – Воду для болящего и анус засранца.

– Заметь, богатого засранца, – проворчал Гейзер и поднялся, осматриваясь в поисках лопушка.

* * *

Палатка профессора была такой высокой, что позволяла стоять в полный рост. Если гость желал постоять или не смел сесть, к примеру. Сам хозяин палатки обычно сидел, поджав по-турецки ноги. Этим утром тоже. Шер пристроил зад на подушечку-думку и вносил записи в «Полевой журнал». Тетрадь покоилась на планшете, а планшет на скрещенных коленях ученого. Снаружи послышался робкий голос:

– Виталий Степаныч, вы дома?

– Заходи, Михаил.

В палатку пролез Светоч. Не сел, а с порога подал ножовку:

– Возвращаю.

Профессор взял инструмент и положил его рядом с собой.

– Виталий Степаныч... – начал, помявшись, Светоч. – Студенты... они хотят домой...

Ну измотали полевые условия! Это я с вами не первый год, а ребята... с непривычки.

Взрослый ботаник молча смотрел на юного ботаника.

– В общем, ребята готовы ударно поработать сегодня, во имя Науки. Сделав тройную норму. Чтобы с чистой совестью укатить домой не позднее, чем послезавтра. Вот как-то так...

Повисла тягостная пауза.

Профессор не мигая смотрел на студента. В глазах его плавала легкая досада. Дурацкий человеческий фактор – зачастую, увлекшись любимым делом, мы забываем, что люди имеют обыкновение уставать. Юноши с привычками трудных подростков – не люди, они хуже.

Студент, помаргивая, смотрел на профессора. На губах повисла невинная улыбка гонца, передающего коллективную просьбу.

– Михаил, назначаю тебя старшим на сегодняшний день, – наконец вымолвил Шер. – Последний день экспедиции. Сейчас я задержусь, что делать на раскопе – ты знаешь.

– Ура! – воскликнул Светоч. – То есть... я все понял, – отрапортовал очкарик и поспешно вышел из палатки-шатра.

Шер немного удивленно посмотрел ему в спину и вновь склонился над записями.

Светоч направился к костровищу мимо ряда студенческих палаток.

– Стой! – окликнул, вылезая из палатки, Джордж.

Дальше двинулись вместе.

– Отдал?

– Да.

– А он?

– Взял.

Поварихой сегодня была Настя Тихонова, а помогал ей длинный Вася с рыбьим взором. Возле костра стояла общественная посуда с завтраком (казан с кашей и ведро с чаем). Личная посуда, чашки-ложки-кружки, лежала чуть в сторонке, под куском брезента. На деревянную чурку присела, позевывая, повариха. Ее помощник бухнул рядом с костром охапку дров, взял чашку каши и отошел к обеденному столу. Подошли лучшие друзья, тоже стали брать завтрак.

За обеденным столом сидели археологи, ковыряя кашку и попивая ароматный чайк. Томочка Любимая с превосходством рассказывала:

– Ночью я проснулась, хотела вылезти «попудрить носик». Гляжу, стоит Шер и делает пи-пи. Потом... профессор двинул к лесу. Я следом, страшно, конечно, но... интересно же, куда по ночам ходит Шер!

Томочка нарочито сдавленно прыснула, нарываясь на вопрос, и замолчала.

– И куда же ходит Шер по ночам? – Длинный Вася озвучил любопытство всех. Археологи благодарно на него взглянули.

– Наш уважаемый и ученый профессор сегодня ночью ходил... на секс с деревенской дефкой! – Томочка ехидно рассмеялась. – Лично видела, как профессор повалил Дашу на траву и отлюбил!

Незамедлительно последовала реакция на данные слова. Слова – это вообще такая материя, которая часто вызывает реакции...

– Профессор тоже имеет право, – размыслила Люся.

– А может, у них любовь, – предположила Лада.

– Да ладно! – подмигнула Томочка. – Лесбиянки, канешн, глубоко лиричные дефки! – она подмигнула.

Подколку, вопреки ожиданиям, никто не поддержал.

– Ты, Томка, думаешь только о пошлостях, – заявила Олеся Магнитсон.

– Томка, ты глупа, даром что имеешь большие сиськи, – пожурил Тимофей Рыжиков.

Длинный Вася в знак протеста демонстративно отошел, захватив посуду с едой.

– Дура, – заключил Гриша Масленкин.

Ситуацию ликвидировал вовремя подошедший Михайло Светоч. Он встал во главу стола и три раза стукнул ложкой по кружке:

– Граждане археологи. Секунду внимания.

Длинный Вася вернулся. Студенты воззрились на однокурсника. Насладившись всеобщим вниманием, очкарик произнес пламенную речь:

– Объявление! Шер дал ценное указание: нам за сегодня надо сделать все то, что мы хотели растянуть на неделю! На кургане, который копаем в поиске могилы монголо-татарина. Стратегический план таков! Утром снимаем остатки культурного слоя – это около двух штыков земли. Днем, как всегда, отдыхаем. Вечером чистим и метем дно раскопа, готовя могилу к вскрытию. Профессор вскрывает могилу, мы достаем из нее все то, что может там оказаться. Утром профессор сделает последнюю фотосъемку, мы пакуем найденные предметы старины и уезжаем в Астрахань – домой.

Судя по виду археологов, никто не ожидал таких раскладов от ботаника. Но археологи молчали. Поездка на раскопки – дело добровольное, и коли ты приехал, то будь ласков подчиняться приказам руководителя. Светоч у профессора в любимчиках, и логично, что именно его просили донести информацию... А город есть город, по-любасу, если сравнивать с селом!

– Да... меня профессор назначил старшим! – вспомнил Светоч. – И кто меня не будет слушать, тот пожалеет, что сюда приехал. Через пятнадцать минут выдвигаемся на раскоп. Все.

– Браво, Михайло Васильевич, – вознес хвалу своей интуиции Гейзер, подходя с завтраком и садясь за стол.

* * *

Шер дописал последнее слово, поставил точку, отложил тетрадь с планшетом, с наслаждением потянул руки вверх:

– Теперь можно и чайку глотну-у-уть!..

Удовлетворенный взгляд зацепился за ножовку. Профессор взял инструмент, провел пальцем по зубцам пилки. Они почти стерлись.

– Я ж давал почти новую, – подражая скряге, проворчал Шер. – Он что, пилил металлическую сваю?..

Ученый муж подтянул к себе брякающую полевую сумку, порылся в ней, достал новую пилку. Стал откручивать от ножовки зажим, собираясь пилку заменить. Из пазов, между пилкой и основанием ножовки, пролилась струйка желтых крупинок. Прямо на колени, согнутые по-турецки! Профессор нахмурился, отложил ножовку... Снял очки... собрал крупинки в ладонь... взгляделся и обнюхал...

– Золото?! – в шоке пробормотал Шер.

4. Дилеммы Шера

Большую часть раскопа занимала круглая яма полтора метра глубиной и диаметром около 15 метров. Со всех сторон его окружал отвал, кучи земли, лишь в одном месте был оставлен проход двухметровой ширины.

Студенты по очереди прошли в проход и спрыгнули в раскоп.

– Пожалуйста, подойдите ко мне, – попросил Светоч.

Археологи сгруппировались вокруг очкарика, и тот воодушевленно заговорил:

– Что такое усыпальница монголо-татарина?.. Это земляной курган, в глубине которого покоится собственно могила. Речь, конечно, о знатном монголе, простых хоронили менее помпезно... Когда знатный воин умирал, ему рыли персональную могилу, а вокруг копали ров. В назначенный день мертвеца закапывали вместе с его конем, оружием, утварью, драгоценностями. После этого родственники и друзья рассаживались вокруг могилы и устраивали поминки. Резали коней, быков, баранов, жарили мясо, пили кумысную водку. Поминки могли продолжаться несколько дней... Объединенные кости кидали в ров, чтобы не осквернять могилу. Языческий обряд.

– После того как похороны свершались, по месту захоронения прогоняли табун лошадей, – дополнила Люся.

– Для того чтобы никто не мог найти могилу, – расшифровала Лада. – На предмет грабежа ценностей знатного воина.

– Тем не менее большинство таких могил все же разграблено, – грустно усмехнулся Тимофей Рыжиков.

– Еще в средние века, – поддержал Гриша Масленкин.

– Большинство – не все, – подмигнул Гейзер. – Вполне возможно, что эта могила не разграблена. – Он топнул ногой по дну раскопа.

– Кому что делать-то? – нетерпеливо спросила Томочка.

– Сейчас распределяю, – пообещал Светоч и... нахмурился: – А где Олеся Магнитсон?

* * *

Из шатра-палатки быстро вышел Шер. Сделал несколько уверенных шагов, встал на месте и бросил два точных взгляда.

У костра, спиной к профессору, сидел длинный Вася. Поварихи Насти не наблюдалось.

На расстоянии видимости чернел раскоп, из него взлетали комья земли – работа явно кипела.

Шер опустился на корточки и юркнул внутрь палатки Светоча. Обшарил внутренность опытным взглядом... подтянул в себе рюкзак студента... запустил туда руки. Вытащил увесистый полиэтиленовый сверток, развернул. Мутно блеснула солидная желтая кучка!.. Профессор снял очки, взял добрую щепоть, помял ее в пальцах.

– То самое золото. И это... опилки, мамой клянусь! – пробормотал Шер и широко открыл глаза: – Золотые опилки?!

Профессор напялил очки, лихорадочно оглядел палатку:

– Но где же то, что Михаил пилил?

* * *

На раскопе работа ладилась. Все были в мыле и довольные. Труд на ниве археологии – благодарное занятие! Он создает иллюзию славы и богатства, в 20 лет особенно.

Светоч задвинул свою подборку в земляную кучу. С целью землю подобрать и кинуть ее за раскоп. Возле кучи нарисовались точеные ножки, рядом с ножками – штыковая лопата. Михайло поднял взгляд по ножкам, выпрямляясь сам. И увидел Олесию Магнитсон. На уже упомянутых ножках – эротичные шортики, в страстных ручках – лопата.

– Миша, я ходила «попудрить носик». И вот – вернулась! – маняще улыбнулась Олесия. На самом деле любая девушка знает, что хороша, если она хороша. Закон биологии.

Светоч полностью выпрямился. Упер руки в бока. Просверлил девушку холодным взглядом сквозь очки. К слову, через очки взгляд всегда холодный, а если очкарик смотрит на тебя холодно сам по себе – то холодность превращается в неприязненность... В общем, Светоч одним своим видом доказал, что закон биологии на ботаников не действует, бездействует закон этот в отношении ботаников.

– Олесия! – резко начал очкарик. – Позволь напомнить, что ты приехала на раскоп. Во всем мире его обозначают тремя понятиями: «лопата», «земля» и «копать». Ничего нового здесь не изобрели и вряд ли изобретут. Поэтому! – не тыкай мне в глаза свои сексуальные ноги... Не держи лопату, будто член... Не трясись полными грудями перед моим носом... А вставай-ка к Люсе и Ладе и начинай делать то же самое, что они!

Отличницы оторвались от копки. Опасливо глянули на Светоча и зашептались.

Остальные были увлечены разговором и ничего не слышали. Томочка Любимая сосредоточенно скребла дно раскопа, ни на что не обращая внимания.

– А ты мужчина, Миша! – с чувством сказала Олесия. – Не знала, что ты так можешь... даром что мы на одном факультете.

При слове «факультет» очкарика перекошило. Он отставил свою лопату и отошел, рывкнув на отличниц:

– Всем копать!

* * *

Джордж Гейзер и Грибковы стояли кружком, перекусывая ирисками. Их лопаты стояли тут же.

– Знаете, почему я хочу домой? – спрашивал Гейзер. – Я не желаю больше страдать половым воздержанием. Охота пойти в ночной клуб и кого-нибудь полюбить!

– Ты никого не любил в экспедиции? – поразился Масленкин.

– Джордж, ты ли это? – засомневался и Рыжиков.

– Моей вины в том нет, – смущенно потупил глаза ловелас Гейзер. – В лагере всего пять особей женского пола. Люся с Ладой лесбиянки. Томочка – ехидная змейка, на таких змеек у меня хронический нестойак. Олесия Магнитсон... у нас с ней напряженные отношения. То есть мы враги и все такое, – смутился Джордж.

Масленкин и Рыжиков согласно и глубокомысленно покивали. С серьезными выражениями лиц! Как ныне любит делать молодежь, считая такие жесты очень глубокой иронией.

– Настя Тихонова – очень оригинальная особа, – закончил Гейзер. – Вроде скромница, но за данной скромностью скрывается пылливый ум и нежное тело. Грудь – персики, поверьте, я знаю толк в женских грудях! – вдохновенно пел Джордж. – А спинка...

– Так в чем же дело? – подмигнули Грибковы.

Гейзер прервал свою песнь и грустно вздохнул.

– Настю любит здоровенный тип, у которого глаза похожи на яйца – такие же продолговатые, и их не видно за кожными складками, – неохотно уронил Джордж. – Я его лично видел, он подвозил Настю в институт на серой иномарке. И не раз...

– Тип с габаритами семь на восемь, восемь на семь? – любопытствовал Масленкин.

– Косая сажень в плечах, бритая голова? – с интересом спросил Рыжиков.

– Да, – подтвердил Гейзер. – А в правом кармане у него, кажется, пистолет.

– Парня зовут Митей, он – родной брат Насти. Окончил институт с красным дипломом, крутой программист, – заржали Грибковы. – Мы его неплохо знаем, брали консультации по компьютеру.

– Если честно... я Настю давно хочу, а со вчерашнего дня и люблю, – признался Джордж. – Спасибо, пацаны, за инфу... теперь смело можно к Насте пристать!

Подошел Светоч, зловещий вид которого не сулил тунеядцам ничего хорошего.

– Я как раз объяснял пацанам, почему я хочу домой! – ухмыльнулся Гейзер на молчаливый упрек Светоча.

Джордж поплевал на руки, взял лопату и вогнал ее в землю.

Грибковы последовали примеру...

* * *

Шер отказался от завтрака. Он взял кружку крепкого чаю и сидел все утро за обеденным столом. В голове копошились ворохи идей, словно каждая мысль рождалась не сама по себе, а в компании других. Профессорский мозг пытался отделить здравые мысли от никчемных, выстраивая причинно-следственные связи между фактами и предположениями.

«...Значит, мой любимчик Светоч пилил ночью золотое изделие. Оно явно большое, иначе бы он не пилил... Скорее всего, Михаил был не один, а со своим френдом – сексуально озабоченным Джорджем. Вероятно, френды сделали находку, решили науке ее не отдавать, а по частям вывезти в цивилизацию. Иначе объяснений нет. Сам Светоч бы так не поступил... Наверняка это все придумал Гейзер – чертов троечник!»

На профессора неоднократно с удивлением поглядывала повариха Настя Тихонова, хлопоча на костровище, но подойти без явной причины не решалась. Длинный Вася отпросился у Насти купаться и Шера не видел.

«Что же они нашли?... Впрочем... неважно. Пусть... большой кусман золота, припрятанный монголами, когда русские их погнали... Мне-то что делать – вот что важно!...»

Ученый муж оглядел ряд одинаковых палаток.

«Надо обыскать жилище Гейзера, наверняка отпиленное там! Только... где его палатка?... Никогда не обращал внимания».

Профессор в задумчивости отхлебнул темного ароматного чаю и неожиданно представил себя в белом костюме на палубе яхты.

Яхта быстро плыла по синей морской глади. Профессор сидел в шезлонге, с бокалом коктейля в руке, и блаженствовал. Рядом, на палубе, загорал квартет рыжих девушек топлес.

Мягкой поступью приблизился секретарь, спросил, прогнув торс:

– Хозяин, через два часа ваша яхта бросит якорь в Марселе. Капитан спрашивает, будут ли особые указания?

– Я буду ждать капитана через полтора часа в бильярдной, – томно потянулся Шер. – А сейчас хочу опробовать этих рыженьких, – профессор кивнул на загорающих. – Новенькие... свеженькие... сладенькие...

– Я понял, – кивнул секретарь. – Но у меня есть личный вопрос: сколько банок тушенки можно взять в вашей палатке?

– Ч-что?.. – погрузнел и как-то сник Шер.
Видение исчезло. Перед профессором стояла Настя Тихонова – дежурная повариха.
– Вы здоровы, Виталий Степаныч?..
– Да... здоров... – Шер с усилием помотал головой, трезвея, гоня мечтания. – Что, Настя?
– Сколько банок тушенки можно взять? – повторила повариха, смущенно топчась.
Вроде бы лучше отойти, и нельзя...
– А сколько осталось?
Настя пожалела, что не отошла.
– Откуда мне знать? Тушенка у вас в палатке, а не у меня.
– Ну да, ну да... – согласился профессор. – Вот что, Настя, возьми пять банок.
– Обычно три или четыре, – удивилась девушка.
– Я вспомнил, что остался почти ящик, – разъяснил Шер. – Завтра уезжаем, не назад же везти.
– Уезжаем завтра?! – моргнула Настя, слыхом не слыхавшая о «скором отъезде по просьбе измученных раскопками студентов».
– Да, – рассеянно кивнул профессор. – По настоящему повелению моей жены.
Настя хорошо знала, что профессор не женат, но плотно стиснула зубы. Больным людям лучше не перечить...
– Ладно. Так я возьму сама?
– Возьми.
И Настя тихо отошла за тушенкой в профессорскую палатку.

5. Михайло и Олесия

– Уважаемый Виталий Степанович! Мы сняли два культурных слоя, иначе – два штыка земли. Последние полметра. Зачистили поверхность раскопа. В наличии могила монголо-татарина, как и предполагалось. Сегодня вечером вы могилу вскрываете, а завтра утром экспедиция уезжает домой! – декларировал Светоч, стоя по струнке перед профессором.
Шер по-прежнему сидел за столом, расслабленно куря трубку.
– Ну-ну, – пробормотал профессор и неожиданно подмигнул студенту правым глазом.
Светоч недоуменно открыл рот.
Профессор подмигнул левым глазом, а потом двумя глазами сразу.
Светоч растерянно поводил головой по сторонам, затем изумленно взгляделся в профессорское лицо.
– Михаил! – вдруг рявкнул Шер, прекратив подмигушки.
Ботаник вздрогнул и сделал шаг назад. Профессор поднялся и поманил Светоча пальцем. Тот отрицательно покачал головой. Профессор постарался любезно улыбнуться и снова поманил ботаника согнутым пальцем. Светоч подумал и сделал шаг вперед.
– Я нашел в твоём рюкзаке полиэтилен, в который завернуто полкило золота, – садистски прошептал профессор. – Нашел и забрал.
Светоч беззвучно открыл и закрыл рот, как будто ему не хватало воздуха.
– Давай иди к своему френду, – попросил Шер, не убирая улыбку. – Расскажи ему про сукиного сына профессора.
– Ага... сейчас, – ошалело вымолвил ботаник. Он быстро повернулся, прямо-таки подбежал в палатке Джорджа, сел на корточки и оглянулся. Профессор помахал ему ручкой. Светоч споро нырнул в палатку и закричал с порога:
– Георгий, копыто на месте?!

Джордж сидел спиной к входу и как раз вертел в руках золотое копыто. Лучший френд чуть покосился на ботаника и заухмылялся:

– Ко мне в палатку никто не ходит. Я не секс-агрессор... – Он погладил копыто. – Килограммов двенадцать. Это мы удачно съездили в экспедицию.

– Фу, – облегченно выдохнул Светоч, увидев копыто. – Фу, дай-ка!

– Держи. – Гейзер осторожно передал золотой кусок очкарику.

Тот его перехватил, прижал к груди, как любимого ребенка. И стал баюкать, прикрыв глаза:

– Баю-баю-баю-бай...

По внешнему виду Гейзер напоминал самого ботаника пять минут назад! Светоч преврал колыбельную, открыл глаза, глянул ясно:

– Теперь я в норме! – опустил копыто на полотняное днище, снял очки, подул на круглые стекла, вновь надел. И апатично вымолвил: – Шер знает о том, что мы нашли золото.

– Откуда? – мгновенно среагировал Джордж.

– Не знаю, зачем он полез ко мне в палатку, но он нашел и забрал золотые опилки!

– Так-так-так... – протянул Гейзер. За отсутствием дополнительной информации и сказать-то больше нечего.

– Вообще... подвох почуяла моя попа, – стал вспоминать Светоч. – Почти сразу после начала разговора с профессором... Моя попа очень чувствительна к опасности.

– Любая чувствительная задница может ошибиться, – не согласился Джордж. – По фактам же следующее. – Гейзер ненадолго задумался: – Под берегом лежит полуторатонная золотая туша, о которой знаем только мы с тобой. Факт подлежит сомнению?

– Вряд ли, – молвил Светоч, – это раз. Шер спер у меня из палатки полкило опилок – это два.

– Золотое копыто у меня – это три, – закончил Гейзер. – Факты, что есть. Теперь надо понять, что же было. Тогда станет ясно, что делать дальше.

– В том, что профессор полез ко мне в палатку, нет ничего сверхъестественного, – озвучил Светоч. – Возможно, хотел взять карандаш или лист бумаги.

– Залезть в палатку к студенту – это не то же самое, что залезть к нему в квартиру, – усмехнулся Джордж.

– Да. Опилки лежали в рюкзаке прямо рядом с карандашами и бумагой, – пояснил Светоч. – И не найти их было сложно.

– Копыто будет найти сложно, – заявил Гейзер. – Я спрячу его так, что сам потом с трудом найду!.. – Джордж вдруг нахмурился. – Копыто просто лежало под подушкой... Слушай, а почему профессор не нашел и его?

– Потому что Шер в твоей палатке не лазил, – объяснил Михайло. – Не успел или не догадался... кто знает?

– Знает сам профессор, – перебил Джордж. – Он знает, что Гейзер и Светоч – лучшие френды, а такие френды делятся друг с другом всем, кроме девушек. Так что будем делать?..

– Ждать, – произнес очкарик. – Шер обязательно продолжит разговор.

– Наверняка проявится, – согласно кивнул Гейзер. Он подтянул рюкзак, достал оттуда нож-складник и саперную лопатку. – Ты уходи пока, Михайло Васильевич, а я копыто спрячу.

– Да-да. – Светоч вознамерился вылезти.

– Пусть твоя задница рассуждает, не мешай ей, – напутствовал Гейзер. – Может, чего подскажет. Мне бы такую чувствительную. – Джордж завистливо сглотнул.

– Хорошо, – усмехнулся ботаник, покидая палатку френда.

Джордж выкинул лезвие ножа, сдвинул к краю тюфяк-матрац. Трижды полоснул лезвием по полотняному днищу, отогнул квадратный лоскут материи. Отложил нож и воткнул саперную лопатку в землю. Он решил сделать золотой схрон прямо под палаткой.

* * *

Михайло Светоч лежал у себя в палатке и делился планами сам с собой. Вслух. Это вполне нормально, если ты нашел клад! Интриги профессора, организационные непонятки, бытовая суeta, первый в жизни секс – все это мышинная возня. Полторы тонны древнего золота – вот что серьезно!

– Я стану богаты-ы-ым!.. Перво-наперво... что? Так... Конечно, я посвящу себя Гос-поже Археологии. Лично буду возглавлять экспедиции... За свой счет! Когда есть деньги, то хочется славы... Поеду в Египет и найду еще одного Тутанхамона. Или?.. Это уже детали. Так... Значит, так.

– Миша, ты дома? – донесся извне женский голос.

Полотнища палатки нетерпеливо разошлись, внутрь просунулась голова Олесии.

– Дома! – обрадовалась девушка, просовывая в палатку и обольстительное тело.

Очкарик нашарил журнал «Археология», развернул и демонстративно вскинул его к лицу. Типа читая.

– Миша. – Олесия рукой прижала журнал к груди ботаника. Села рядом с тюфяком, на коем лежал Светоч. – А ты у меня никак из мозгов не выходишь!

Светоч глянул гневно. Вернул журнал на место – к своим глазам:

– Я занят!

Когда избранник красивой девушки – ботаник, она может почуять неприязнь. Она честно поверит, что ботаник действительно занят и не в силах ей, красе писаной, уделить время. Есть биологический вид «мужчина», а есть биологический вид «ботаник».

– Займись лучше мной, – проворковала Олесия, убирая от лица избранника журнал и пытаясь стащить с него очки.

– Хочешь рассказать про половину факультета?! – яростно вскричал Светоч.

Олесия опустила нежные ручки. Состроила недоуменную гримасу и спросила:

– О чем ты, Миша?

– О том, что ты спала с половиной факультета! – выпалил Светоч в лицо Олесии.

Магнитсон с сожалением глянула на любовника. Немного поколебалась – сразу его послать или не сразу?.. Впрочем, можно сделать скидку на ботанство персонажа, по мелочи разъяснив и в избранниках оставив... Или все-таки послать?..

– Рекомые сведения... Михайло Васильевич Светоч почерпнул у френда своего, раннего жеребца, чья тонкая душа до сих пор не может забыть отказа девушки, – усмехнулась Олесия. – Так?

– Неважно, – смутился очкарик, гася взор и обращая его к стене.

– Нет, важно! – крикнула Магнитсон. Она развернула очкарика к себе, заставила посмотреть в глаза. – И ты меня выслушаешь!..

Светоч не привык быть участником сцены-мелодрамы и окончательно растерялся. Внешне растерянность выглядела испугом.

– Было два парня, с которыми я спала! – отчеканила Олесия. – Мне двадцать лет, и нормально, когда молодые люди встречаются и спят. Но если отношения не получили продолжения, значит, девушка – шлюха и будет носить этот эпитет всю жизнь? Так?

– Ну почему так?.. – вяло заворочался ботаник. – Вовсе не... так.

– Так хочется любви, – Магнитсон всхлипнула. – Я не Золушка, но и принцем может стать не каждый!

Девушка повернулась к выходу, ожидая, когда же прозвучит возглас...

– Олесия! – окликнул очкарик. – Я хочу предложить тебе выйти за меня замуж!

Черт возьми! Замуж не планировалось! Но второй раз могут и не предложить, тоже верно. Магнитсон ощутила на своих плечах мягкие руки очкарика.

– Свадьбу предлагаю сделать на Соломоновых островах, – шепнул Светоч. – Местные туземцы выступят свидетелями, а лимузин привезем с собой.

– А... – удивилась Олесия.

– Я стал богатым ботаником! – серьезно ответил очкарик на невысказанный вопрос. – Ничего не спрашивай, скоро сама узнаешь, так как будешь мне помогать озолотиться!

* * *

Пока парочка любовников выясняла отношения, Джордж спрятал золотое копыто в самолично сооруженный схрон под днищем палатки. Полотно днища он зашил суровыми нитками, сверху надвинул тюфяк. Удовлетворенно потер ладони:

– Как тут и росло!

Гейзер вылез из палатки. Зажевал ириску, глянул вправо. Увидел Шера: с полевой сумкой и с фотоаппаратом профессор удалялся в сторону раскопа. Вероятно, делать фотосъемку и замеры для отчетов. Археология, как и почти каждое дело, – это сначала куча бумаг, а потом уже собственно изыскания. Для руководителей экспедиций!

Гейзер глянул влево, потом прямо, оглянулся – и не увидел больше ни души. Южнорусская сиеста – археологи по палаткам или на речке. Джордж зевнул. Ага, у костровища появилась повариха Настя. То есть не повариха, а «очень оригинальная особа», которую Джордж почти любит... Гейзер сделал несколько плотоядных шагов к костровищу и разочарованно остановился. К костру вышел длинный Вася, стал снимать с костра казан с супом.

– Ах-ах-ах!... – из палатки рядом донеслись сладострастные женские стоны.

– Давай-давай, Михайло Васильевич! – процедил Джордж, переключая внимание на эту палатку.

Послышались «археологический гонг» – стук ложки о железную тарелку – и крик Насти:

– Археологи, обед!

Стоны не утихли, а даже стали немного громче. Гейзер положил в рот ириску и двинулся к костровищу.

6. Джордж и Настя

Обед на раскопках – это суп с тушенкой и ягодный кисель. В ста случаях из ста! В любой экспедиции, на разных континентах и во все времена. Кушать суп с киселем в тридцатиградусную жару способны только бродяги и археологи! Развлекал студентов Гриша Масленкин, рассказывая о том, как он болел. Самые востребованные темы во время коллективного обеда – это, конечно, рассказы о болезнях, смертях и туалете... Как известно.

– Проболел я ангиной восемь дней. Дома... Потом лечащий врач заподозрил у меня пневмонию, и я лег на обследование в больничку, на пару дней. Утром лег, в общем, бодренько, а вечером чуть не умер. – Гриша театрально вздохнул. – Тошнота, головокружение, температура... Короче, заразился гепатитом А, желтуха по-простому.

Археологи молча внимали рассказчику. Время на природе длинно и отчасти скучно – нет Интернета, мобильная связь не работает, поднадоели, откровенно говоря, одни и те же лица. И послушать занятную байку всегда в кайф!

– Зараза, как позже выяснилось, таилась в больничной воде, – объяснил Масленкин. – В итоге я провалялся в больнице сорок два дня!

– Значит, ты лег в больницу, чтобы заболеть, – констатировала Люся.

- Глубокомысленная история, – покивала Лада.
- Ха-ха, – сказал, именно сказал, длинный Вася.
- Действительно... – удивился другой Грибков.
- Надо взять на вооружение перед зимней сессией! – предложила Томочка Любимая.

Настя Тихонова и Джордж Гейзер разместились у костра. Повариха аккуратно кушала, сидя на чурке, а Джордж рассеянно ковырял прутиком в золе. Аппетит у Гейзера пропал напрочь, то ли в связи с золотой находкой, то ли из-за влюбленности, то ли «два в одном».

- Насть, пошли купаться? – Гейзер говорил, не поднимая взгляда.
- Решился мне открыть «чудесное местечко с отпадным дном»? – усмехнулась повариха. – То самое, куда не ступала ничья нога, кроме твоей?
- Нога Светоча там тоже ступала, – дополнил Джордж. – Знаешь... мне надо сказать тебе важную вещь.

- Я слушаю. Обожаю важные вещи!
- Скажу наедине... Вещь не просто важная, а очень важная.

Настя вылила остатки супа в костер, встала и... снова села. Сказала требовательно:

- Георгий, посмотри мне в глаза!

Гейзер поднял очи, искоса бросил быстрый взгляд. Настя нетерпеливо вздохнула. Гейзер бросил еще один косой взгляд. Настя рассерженно кашлянула. Тогда Джордж собрал волю в кулак и прямо взглянул на девушку.

Настя заглянула в глаза парню и увидела там солнечных зайчиков. Зайчики застенчиво хмурились. Зрелище было таким забавным, что Настя улыбнулась. Мужчина, который вызывает улыбку, не вызывает страха!.. Но и улыбаться мужчине девушка не должна слишком часто, чтобы не сойти за умалишенную либо за честную давалку... Повариха попридержала вторую улыбку и удовлетворенно кивнула:

– Я пойду с тобой купаться. Если обещаешь ко мне не приставать. Не пользоваться тем, что мы одни.

Сексуально озабоченный троечник несказанно удивился:

- Купаться с красивой девушкой и к ней не приставать?! Как это?
- Угу, – кивнула Настя, все-таки поднимаясь. И крикнула, призывая помощника по кухне: – Вася! Подойди, пожалуйста!

Шер сидел на корточках на отвале земли, огораживающем раскоп, и в бинокль смотрел на лагерь. Профессора интересовали две диспозиции: палатка Светоча, что слабо шевелилась от движений Светоча и Олесии; костер, у которого болтали Гейзер и Тихонова.

В какой-то момент Шер увидел, что к костру подошел длинный Вася. Повариха показала ему на пустой казан из-под супа, что-то сказала. Вася покорно кивнул. Настя махнула Джорджу и пошла прочь от костра – по направлению к лесу, за которым текла речка. Гейзер пошел следом. Вася скорбно опустил плечи, поднял с земли «Жидкое мыло» и с отвращением глянул на грязный казан...

Профессор отнял бинокль от глаз, достал из нагрудного кармана рубашки очки с прямоугольными стеклами. Надел. Спрыгнул в раскоп. Френды крутят любовь-морковь и никаких движений в отношении золота делать не планируют. До вечера наверняка! Профессор, конечно, надеялся, что дружбаны сразу начнут делать глупости, поняв, что Шер знает о кладе. Но они уже сделали глупость, не прочистив ножовку, а все другие глупости роли не играют. Так-то. А пока надо бы и делом заняться, однако. Поверхность раскопа была ровно выскоблена до желтого глиняного цвета. Лишь посредине чернело пятно овальной формы в два с половиной метра в поперечнике – сама могила. И по всему периметру протянулась полуметровая в ширину черная полоса – ров.

Шер достал из полевой сумки фотоаппарат, нацелил объектив на раскоп, сделал снимок. Потом еще один... Вынул из сумки рулетку и компас, погружаясь в Науку.

* * *

– Рассказывай про важную вещь, – попросила Настя, требовательно глянув на Джорджа.

Парочка только что искупалась в свое удовольствие и теперь одевалась. Если точнее, то девушка натягивала через голову юбку, потом ее застегивала. Далее топик и шлепанцы и, конечно, крем на ручки и на ножки... Гейзер с наслаждением наблюдал, предусмотрительно надев шорты и сунув руки в карманы!.. «Это все мое и только мое!» – шептало парню его эго.

Поймав взгляд девушки, Джордж улыбнулся во всю ширь лица и сладко проговорил:

– Представляешь, я только сегодня узнал, что тебя в постели никто не любит!

Настя положила бутылек с кремом в карманчик и дала Гейзеру пощечину. Тот потрогал щеку и выдал пламенную речь:

– Я хочу сказать, что ты девушка-мечта! И я хочу на тебе жениться! Фишка в том, что я стал богатым красавчиком! На пару со Светочем, у которого амур с Леськой Магнитсон. И вот мы... покупаем два дома у моря: один для нас с тобой, другой для них. Будем слушать шум прибоя, дружить семьями, вздыхать при луне, любить друг друга каждый день!.. Конечно, откроем свое дело, например, я не прочь делать сыр. А ты...

Как мало надо для того, чтобы баловень женщин заговорил так, как заговорил! Всего-то одна пощечина... Однако данный разговор совершенно неуместен по той причине, что...

– Мы совсем друг друга не знаем, – резонно и мягко перебила девушка. – Я согласна с тобой дружить, Георгий. Шансы у тебя есть. Только... спать мы до свадьбы не будем, железно! Если тебя это не пугает, то начинай ухаживать.

– Как это не спать?! – несказанно удивился Гейзер. – Нам ведь хочется!

– Мне не хочется, – усмехнулась Настя. – Потому что я не знаю, что такое секс.

– Круто! – брякнул Гейзер. – Джордж, тебе повезло!

И тут же он получил вторую пощечину. Настя отошла к кособоку, стала подниматься по тропке – к лесу. Гейзер недолго постоял на месте, соображая, и двинулся за Настей.

7. Лесбиянки

Длинный Вася возился у хорошо горящего костра – подкладывал дрова и следил, чтобы ровно горели. Привычная до умиления картина. В висащем на двух рогадинах ведре закипал чай, из-под брезента выглядывал ящик с пряниками. Наступал полдень!

В трех метрах от костра, за обеденным столом, на лавочке сидели девочки: Люся и Лада. За их спинами к лагерю, от раскопа, шел профессор. Более никого не наблюдалось.

– Вот объясни мне, – настойчиво попросила Лада, – зачем в экспедиции ты пустила слух, что мы лесбиянки?

– Но мы ведь и есть лесбиянки, – разъяснила Люся.

– Не обязательно, чтобы о нашей любви знали другие! – отчитала Лада. – Лично я смущаюсь. А Томочка теперь разнесет по всему городу.

– Гениальная идея, – возразила Люся. – Никто из противных парней к нам здесь не пристаёт! И в городе не пристанет, если Томочка не оплошает.

– К нам и так никто никогда не приставал, – грустно сказала Лада. – Даже не смотрел в нашу сторону...

– Когда-то это все равно бы случилось! – прозревала Люся.

К девочкам на лавочке подошел Шер. Изображая беспокойство, он спросил:

– Куда ушла повариха? Вот-вот полдень, а она где-то ходит!

– Настя ушла купаться, – рассказала Люся. – С Джорджем.

– У Джорджа есть «чудесное местечко с отпадным дном», – развила тему Лада. – Там, за лесом. На пару со Светочем...

– Френды никому свой пляжик не показывали! – продолжила Люся.

– Боялись, что загадим! – с обидой дополнила Лада.

Если ты начальник и хочешь узнать новости в коллективе – спроси у авангарда! Узнаешь все, и даже чуть больше.

– А сегодня Джордж пошел на пляжик в компании с Настей, – не унимались подружки. – Нам об этом сказал длинный Вася!

Шер не слушал девчонок, устремив пытливый взор на лес, за которым текла речка. «Понятно... где... золото», – молотом стучало в его голове. Впрочем, и девочки на лавочке уже забыли про профессора, играя друг с дружкой в «вопрос-ответ».

– Может, Гейзер и Настя спелись?

– Вряд ли. Скорее всего, Джордж сегодня влюбился.

На лесной опушке показалась обсуждаемая парочка – парень и девушка шли к лагерю, держась за руки.

8. Профессорские шифровки

Шер взял из кучи лопат две штыковки и застучал ими друг о дружку, крича:

– Студенты, на раскоп!

Студенты начали вылезать из палаток, где коротали обычные полчаса между полдником и вечерней работой.

Работа в археологической экспедиции производится два раза в сутки: утром – до солнечека, и вечером – после спада дневного жара.

Археологи разобрали лопаты и выдвинулись на раскоп.

– Вы нарезали веток для веников? – придержал Грибковых профессор.

– Вчера вечером еще, – откликнулся Гриша Масленкин.

– Сразу, как вы распорядились, – кивнул Тимофей Рыжиков. – Они в лесу.

– Перенесите их на раскоп, – распорядился Шер.

– Ладно. – Грибковы отошли.

Остальные, включая парочку Светоч – Гейзер, уже шли к раскопу. Спина к Шеру.

Профессор оглядел отходящих студентов, нагнулся, поднял с травы еловую шишку и запустил ею в Светоча. Шишка точно стукнула ботаника между лопаток. Михайло Васильевич в удивлении оглянулся. Профессор садистски улыбнулся и поманил его пальцем. Джордж тоже оглянулся, оценил расклады и пихнул друга в бок:

– Чего застыл-то? Сходи к профессору, коли зовет...

Светоч сделал несколько нетвердых шагов в направлении Шера. Когда профессор так изгаляется, надо готовиться к неприятностям. Шер – «реально продуманный» сукин сын, помнится, шпаргалки находил у девушек в интимных местах. И не стеснялся прилюдно эти шпаргалки доставать, наплевав на девичий стыд. Что же он хочет: свою долю или обогатить Науку?.. Но не спрашивать же прямо!

Как только ботаник приблизился, профессор положил ему руку на плечо и торжественно сказал без грамма ухмылок:

– Михаил, назначаю тебя снова старшим! Как Грибковы принесут ветки, выметете раскоп. Я подойду через полчаса, соберу инструмент для выемки могилы. Иди.

– Есть! – Светоч издевательски отдал честь и отошел ироничным строевым шагом. Мечты, мечты... В реальности Светоч понуро кивнул френду и с облегчением вернулся на место.

Парни молча двинулись к раскопу. Гейзер ничего не спрашивал – надо будет, Светоч сам расскажет. Однако почти у самого раскопа Джордж придержал ботаника:

– Стой, Михайло Васильевич!

Оба встали. Зажевали по ириске. Гейзер в раздумье почесал темя и заявил:

– Я тут подумал... Процесс извлечения и разделки золотой туши займет у нас время. И может привлечь стороннее внимание. Конечно, гипотетически, но такое может случиться. Так?

– Ты хочешь позвать на помощь Шера? – предположил Светоч.

– Нет, – смутился Джордж. – Я пригласил Настю Тихонову. Мы с ней почти муж и жена, вот в чем штука!

Очкарик неожиданно улыбнулся и протянул френду «пять». Гейзер с удовольствием пожал ладонь, изгоняя смущение.

– А я женюсь на Олесии Магнитсон! – похвастался очкарик. – И я пригласил ее помочь в разделке коня!.. Слушай, как отлично все складывается? Мы выкопаем золото и женимся на девушках. Уедем к морю, купим там дома по соседству. Будем дружить семьями! А?

– Да! – довольно покивал Гейзер. – Наши мысли параллельны.

– За работу, – скомандовал очкарик.

Лучшие френды прыгнули в раскоп. Грибковы как раз принесли две большие охапки веток. Студенты нетерпеливо переминались. Олесия Магнитсон стояла в сторонке и красила губки.

Светоч кашлянул, притягивая к себе внимание. И громко сказал:

– Граждане археологи! Я вновь назначен старшим на кургане. Разбираем ветки, каждый вяжет импровизированный веник и метет дно раскопа. Очищая искомое дно от пыли. Профессор в данный момент копается в моей палатке и в палатке Джорджа. Ищет то, что хочет украсть! Подойдет через полчаса...

Гейзер толкнул докладчика в бок и прошипел:

– Ты чего несешь?

– Ой! – смутился очкарик. – То есть... профессор в данный момент собирает инструмент для выемки могилы.

Однако-однако. В действительности Шер был занят тем, что переминался у костра, зло поглядывая на Настю и Васю. Дежурные по кухне хлопотали по надобностям костровища: Вася, как всегда, возился с костром, а Настя ополаскивала чайные кружки.

Шер суетливо достал трубку и табак, не спеша принялся набивать курительный прибор. Спросил вкрадчиво:

– Сейчас будем вскрывать могилу. Хотите посмотреть?

Рыбий взор Васи отразил человеческие эмоции. Вася явно хотел!

– Виталий Степаныч, мы дежурные по кухне, – констатировала повариха. – А дежурным запрещено покидать лагерь. Ваше собственное распоряжение!

– Сегодня торжественный день! На раскопе произойдет то, ради чего мы сюда и приехали! Поэтому я разрешаю сходить и посмотреть, – не смутился ученый муж и чиркнул спичкой, прикуривая.

Длинный Вася молча рукоплескал профессору. Настя восприняла информацию, не более:

– Спасибо, Виталий Степаныч. Обязательно насладимся вскрытой могилой. Попозже. Шер сердито пыхнул трубкой.

– Позже надо будет варить кашу на ужин. Идите прямо сейчас.

– Хорошо, домою только кружки, – согласилась повариха.

– Немедленно, Тихонова! – рявкнул профессор.

Вася вздрогнул и изгнал из своих глаз эмоции человека. Так спокойней, с рыбьим-то взором...

– Почему вы кричите? – обиженно спросила Настя.

– Разве я кричу? – удивился Шер, чуть сбавляя тон. – Марш на раскоп, студенты!

Вася вопрошающе смотрел на свою непосредственную начальницу – повариху. Как она скажет, так и будет... Повариха отшвырнула тряпку и кружку:

– Идем, Василий!

Дежурные по кухне пошли к раскопу, и по дороге Вася сказал столько слов подряд, сколько не сказал за всю жизнь.

– В начале работ профессор отдал приказ – лагерь без присмотра не оставлять, – начал он, – и возложил исполнение на дежурных по кухне. Мол, кто-нибудь может прийти и пожить. Как пример, рассказал прошлогодний случай, когда деревенские мальцы украли в лагере двое часов и бинокль. А тут! – Вася на ходу оглянулся и... остановился: – Смотри!

Повариха тоже оглянулась. Пошарила недоуменным взглядом по лагерю.

* * *

Студенты старательно дometали раскоп. В яму спрыгнули дежурные по кухне.

– Шер исчез! – крикнула Настя.

– Что?! Куда?! – археологи окружили неожиданных гостей.

– Профессор курил трубку. Мы отошли от лагеря на десять шагов, – пояснила Настя. – Оглянулись, а Шера нет. Он физически не успел бы куда-то переместиться вне видимости! Ни в любую из палаток, ни в лес...

– Когда профессор курит, он куда и не перемещается, – выдала справку всезнающая Томочка. – Железно! Поэтому, скорее всего, его забрали инопланетяне.

Студенты не успели ни обсудить предположение Тома, ни поделиться свежими мыслями. В раскоп спрыгнул профессор. На шее его болталась фотокамера, в руках он держал полевую сумку и кожаный футляр с инструментами для вскрытия могилы. Обмазанный изумлением, будто торт кремом, Шер вышел на середину раскопа и остановился возле черного пятна, собственно могилы. Он деловито вынул из сумки кусок картона и компас, протянул Светочу:

– Положи.

Очкарик открыл компас и пристроил его на край могилы. Рядом опустил картон с надписью: Север/Nord. Ученый муж наставил фотокамеру на могилу, щелкнул два раза подряд. Зашел с другого бока, еще щелкнул и еще, по ходу звучно произнося:

– Сейчас я вскрываю могилу монголо-татарина. Вы все копаете ров. Найденные кости животных кладите против места, где их нашли.

Профессор отложил фотокамеру и сумку, открыл кожаный футляр с инструментами для вскрытия могилы.

– Ну, приступим! Да, а дежурных по кухне прошу вернуться в лагерь.

Шер опустился на корточки перед могилой, кряхтя, перевалился на колени. Вытащил из футляра лопатку с узким штыком.

– Вы же разрешили нам присутствовать! – вознегодовала Настя.

– Настоятельно! – подчеркнул длинный Вася.

– Я передумал, – просто ответил профессор.

Изумление уступило место презрению. И если изумлением мажут, то в презрении купают. Дежурные по кухне хорошенько Шера выкупали и прополоскали. Они оглянулись в поисках поддержки или хотя бы разделения взглядов, но случилось наоборот. Студенты смотрели на дежурных осуждающе! Капля сочувствия от Гейзера – не в счет. Да, возможно,

профессор перегрелся на солнце. И что? Так бывает. Только ужин никакое солнце отменить не в силах, дорогие наши повара!..

Настя Тихонова чуть не заплакала от обиды, повернулась и пошла прочь. Обладатель рыбьего взора уныло поплелся следом.

* * *

Через полтора часа могила монголо-татарина была вскрыта, а ров выкопан на полметра в глубину. Там и сям возле рва лежали кучи костей.

Археологи столпились у выкопанной могилы (глубиной один и семь десятых метра). Профессор, находясь в могильной яме и ловко орудуя инструментами, вынимал предметы быта. Так продолжалось около получаса.

Убедившись, что в могиле больше ничего нет, Шер вылез с помощью Грибковых из ямы. Поднес к губам диктофон и надиктовал в него несколько фраз для отчета.

– Говорит Виталий Степанович Шер – доктор исторических наук, профессор Астраханского университета, руководитель археологической экспедиции Шабаново-10. Итак, сегодня, одиннадцатого августа, около семи часов вечера, мы вскрыли могильный курган, что находится в двух километрах к югу от деревни Шабаново. И обнаружили там следующие предметы:

- человеческий череп и фрагментарные кости скелета, принадлежащие, по всем признакам, монголоидной расе;

- девять костяных наконечников от стрел. А также остаток берестяного колчана. Сам боевой лук, вероятно, сгнил;

- ремни конской упряжи, сильно погнившие;

- серебряный рог, идеально сохранившийся;

- пять серебряных монет.

Монеты, – продолжал Шер, – не отлиты в форме, а обрублены, как делали на Руси вплоть до пятнадцатого века. На двух монетах отчетливо проступает имя – Даниил. Скорее всего, Даниил – один из великих князей того времени. В целом же, судя по количеству и качеству находок, курган подвергся разграблению лет пятьсот назад.

Археологи с интересом слушали.

Наконец профессор отнял диктофон от губ и дал последние указания:

- Берите могильные находки, после ужина их зачистите и упакуете. Кости животных не трогайте.

- Виталий Степанович, а что с раскопом? Так и оставим?

- Пока да. На днях позвоню фермеру Гоше, попрошу, чтоб зарыл курган трактором.

Студенты разобрали находки и стали с раскопа уходить.

- Светоч и Гейзер, задержитесь, – небрежно обронил Шер, присаживаясь на край раскопа и набивая трубку.

Лучшие френды переглянулись, отбросили никчемные кости монголо-татарина. Сделали по шажку к Шеру. Зажевали по ириске. Наконец-то профессор, что называется, дозрел!

- Слушаем вас, – несколько развязно вымолвил Джордж.

Профессор молчал, сосредоточенно приминая пальцами табак. Молчал, не поднимая глаз, и думал: «Мне сорок четыре года. За двадцать лет службы я заработал гастрит, несколько значков и уважение коллег. Что еще?.. Ах да, жена! Она ушла от нищего доцента... Я раскопал двадцать курганов с костями, остатками сбрауи и прочим мусором... В мировую науку не пробиться!.. Или пробиться? Не обманывай себя, туда без санкции не пускают!.. Всегда есть место Чуду, конечно, но... чудеса вне жанра данного сюжета. Наверняка».

– Чего же вы хотите? – не выдержал паузы Светоч. – Обогащать Науку или обогатиться самому?

«Хороший вопрос, чего же я хочу? Хочу ли я и дальше прозябать в заштатном институте?... Брать мелкие взятки за экзамены, облизываться на смазливых студенток и познавать Большую Жизнь с экрана ТВ. Чужую».

Профессор поднял глаза на студентов и пафосно сказал:

– Соккрытие исторических ценностей от государства уголовно наказуется!

Шер чиркнул спичкой, прикуривая. С наслаждением пыхнул трубкой. Встал. Ухмыльнулся прямо в лица парочки. И сладким голосом добавил:

– Вы не увезете отсюда золото! Ни грамма!

Профессор чмокнул губами раз и другой, отсылая каждому френду персональный воздушный поцелуй. Улыбнувшись, прошел между ребятами, прыгнул на отвал. Овернулся, помахал ручкой и скрылся за земляным валом.

– Вот и дождались, – процедил Гейзер. – Что будем делать?

– Держать коллективный совет, – ответил Светоч. – Квartetом: я, ты, Олесия и Настя.

* * *

По вечерам студенты обычно собираются в ночных клубах, на дискотеках или сидят в Интернете. Так в городе. На природе, а точнее, в археологической экспедиции единственное место тусовки – это костер. Как сто и тысячу лет назад. Археологи рассаживаются вокруг ярко пылающего огня, попивают чаек и разговаривают разговоры.

Эта ночь не явилась исключением. Присутствовали все до единого, кроме профессора. Костер полыхал жаром, выборочно освещая фигуры и лица. Гейзер банковал, разливая лимонад по железным кружкам.

– За окончание раскопок! – поднял свою кружку Джордж.

– Гип-гип, ура! – крикнул длинный Вася.

Выпили. Занюхали рукавами и прическами соседей.

– Хотите сказку? – спросил Джордж, поддерживая звание заводилы.

– Валяй, – разрешили Грибковы.

– Только не пошлую, – попросили лесбиянки.

– Лучше пошлую, – не согласилась Томочка Любимая.

Настя Тихонова и Олесия Магнитсон тактично промолчали.

– Я знаю всего пару сказок, – усмехнулся Джордж. – «Репку» и «Не репку».

– «Репку» мы и сами знаем, – проинформировал Светоч.

Гейзер согласно кивнул и начал рассказывать свою сказку с небольшими, но очень значительными паузами.

9. Сказка от историка

– Как в каждой порядочной сказке – было у отца три сына. Первый умный был детина; средний был и так и сяк; младший вовсе был дурак.

Сдохла как-то у отца корова. Погоревал отец, погоревал, но делать нечего, стал на новую корову деньги откладывать. За год накопил три рубля. А надо заметить, животное сдохло в 1720 году, и столько она тогда и стоила.

Накопил мужик деньги, вызывает старшего сына. «Иди, – говорит ему, – в стольный град Санкт-Питербурх, купи корову».

Старший сын взял палку, повесил на нее узелок с куском хлеба и луковкой, три рубля зашил в порты и двинул в Питербурх. Шел он весь день и всю ночь, через сутки добрался,

видит, у заставы стоит кабак. Дай, думает, зайду, выпью вина, отдохну и пойду на рынок за коровой. Как словом, так и делом. Заказал в кабаке кувшин, сидит, потягивает вино. А за соседним столом деваха сидела, страшная проститутка и кидала. Звали ее Оля.

И видит Оля старшего сына. Смекает, что парень деревенский, рожа наивная, простецкая. Подкатывает к нему, мол, кавалер, угости даму. Тот ей в ответ: «Конечно, давай выпьем за знакомство». Ну выпили, разговорились. Оля без проблем вытянула из парня, зачем он пришел в город и с чем. А потом, когда старший сын был уже изрядно пьяный, предложила: «Давай, – говорит, – пойдём ко мне и ляжем в постель. Но не просто так ляжем, а на уговор. Если ты меня за вечер отлюбишь десять раз подряд, то я дам тебе три рубля, в придачу к корове телка купишь. А если не сможешь, отдашь мне все свои деньги. Идет?» – и ласково так трогает старшего сына между ног. Ну парень холостой, молодой, горячий, застоялось у него. Да к тому же пьяный. «Давай», – отвечает.

Пришли к Оле домой, он завалил ее в койку, прыгнул и давай понуждать. Один раз, второй, третий... На четвертом разе заснул прямо на Оле. Та его спихнула и сама легла спать. Наутро будит и говорит: «Давай, мол, три рубля». Что тут сделаешь? Уговор есть уговор. Отдал парень деньги, повесив голову, пошел прочь. Мыслит: «Что делать? Отец, пожалуй, из дома выгонит за такой развод». Видит, у заставы кучка оборванцев стоит. Пошарил по карманам, пятак нашел, сдачу из кабака. Подходит и говорит: «Выручайте, мужики. Набейте мне мордень, снимите одежду, дам пять копеек за услугу, иначе отец убьет». Оборванцы отвечают: «С удовольствием». Врезали парню, сняли выходной кафтан и сапоги, дали рваные опорки и рубаху.

Ну старший сын приходит домой весь в синяках: так, мол, и так, воры избili, все деньги отобрали.

Отец повздыхал, повздыхал, делать нечего, снова год копил, накопил еще три рубля. Отправляет в Питербурх среднего сына с наказом купить корову. С ним случилось то же, что и со старшим. Кабак, вино, Оля, уговор... Правда, заснул на Оле он на пятом разе. Отдал деньги, встретил тех же оборванцев, попросил об услуге. Приходит домой в синяках и рванье: «Разбойники напали в лесу, – говорит, – лихие люди». Что тут поделаешь? Отец почесал бороду и стал копить в третий раз! Копить было тяжело, царь Петр как раз подати увеличил, но все ж через год, ценой лишений, мужик три рубля накопил. Сам собрался в город. К нему подходит младший сын по имени Просто Брат и просит: «Тятя, дай-ка я пойду, куплю корову». Отец лишь рукой махнул: «Куда тебе, дураку! Вон старший и средний сыны не купили, попались лихоимцам, тебе ли в город идти!» Но Просто Брат пристал как банный лист: пусти, тятка, да пусти. Замучил отца, тот плюнул: «На, – говорит, – три рубля. Только иди с глаз». Просто Брат обернул деньги тряпицей, сунул ее в чулок, взял копейку со своей печки и пошел. Через сутки приходит в Питербурх: «Дай, – думает, – зайду в этот кабак у заставы, пропью копейку и пойду на базар». Ну, взял штоф пива, сидит, пену с усов обдувает. Оля тут как тут. Подсела, разговорились. Узнала всю подноготную. «Ну, – думает деваха, – старшего и среднего сына одурачила, а тебя, дурака, и подавно перехитрю». Делает ему известное заманчивое предложение. Просто Брат отвечает: «Хорошо. Только я считаю плохо, могу сбиться. Дашь мне дощечку и кусочек уголька. Я каждый раз буду палкой отмечать».

Ну пришли к ней домой, легли в кровать. Просто Брат поставил дощечку у изголовья, запрыгнул на Олю и ну скакать. Закончит – поставит палку, пересчитает отметки. И так каждый раз. Дошел до восьми. Оля же стала уставать... Да и три рубля жалко, все идет к их потере. Скосила Оля глаза и легонько так, пальчиком, стерла с дощечки одну палку.

Просто Брат закончил в очередной раз, стал считать: «Семь, – говорит. – Не может быть, пару минут назад восемь было. Ничего не пойму. А ты?»

«Ты же считаешь, – отвечает Оля, – откуда я знаю».

«Ладно». – Поставил Просто Брат палку и снова за дело взялся. Оля вновь стерла одну отметку. Просто Брат закончил, стал считать: «Что за хреновина?! – закричал он. – Снова семь! – Схватил дощечку и рукавом все стер. – Давай, – говорит, – все сначала».

Оля сделала страшные глаза, сжала колени и вопрошает в испуге: «Просто Брат, ты вообще-то сколько можешь?»

«Не знаю, – отвечает дурак, – наша корова, к примеру, на семьдесят втором разе сдохла». Оля тотчас же отдала деньги! Купил Просто Брат корову, а к ней славного бычка. И привел скотину домой, на радость отцу и на зависть братьям! Тут и сказочке конец, а кто слушал...

10. Прения сторон

– А кто не слушал? – спросил, вступая в свет костра, Шер.

Археологи зачарованно молчали. А может, не зачарованно – сложно прочитать эмоции в обманчивом свете живого огня. Появление профессора вызвало некое оживление.

– Присаживайтесь!

– Вот, отмечаем последний день...

– Выпьете лимонадику с нами?

– Эй, дайте кружку!

Профессор, сопровождаемый гомоном студентов, опустил между Грибковыми. Хлебнул лимонада, стал набивать трубку. И обронил с усмешкою:

– Для меня день не последний. Я задержусь на недельку...

– Зачем? – удивились студенты.

– Нужно обследовать берег реки, за лесом. Мне подсказывает чутье, что... там есть золотые могильники. А такие могильники – это очень важно для Науки!

Лучшие френды подавились лимонадом. И закашлялись. Одновременно! На их реакцию никто не обратил внимания, так как новость Шера вызвала всеобщий интерес.

– Могильники из золота? – поразились археологи.

– Иносказательно, конечно, – невозмутимо ответил Шер. – Расскажу осенью на лекциях... Завтра утром Михайло Васильевич Светоч получит у меня последние инструкции. На время переезда в город назначаю его старшим. Спокойной ночи.

Шер допил лимонад и поднялся. Самодовольно глянул на парочку френдов. И удалился.

Постепенно по палаткам разошлись и студенты. У костра остались Гейзер, Магнитсон, Светоч, Тихонова и длинный Вася.

– А вы знаете, что акулы никогда не спят? – спросил Василий. – Они плывут двадцать четыре часа в сутки и бодрствуют. Если акула хоть на миг остановится, она утонет!

Вася широко улыбнулся, показав 32 зуба. Четверка влюбленных, не сговариваясь, поаплодировала. Вася засмутился от такого пристального внимания и ушел спать.

– Мы слушаем! – сказали Олесия и Настя. – Что нам желают сообщить?

– Здесь невдалеке, под берегом, лежат полторы тонны золота, – небрежно молвил Джордж.

– И это не просто золото, а золотой конь хана Батыя, – походя обронил Михайло.

– Да ладно!... – в шоке пробормотали девушки.

– Мы хотели коня выкопать, распилить и увезти в город. А там продать, – без обиняков высказался Михайло. – Это чисто наша находка.

– Но о золоте узнал профессор, который хочет его отдать Науке! – сердито выпалил Джордж.

Лучшие френды зажевали сразу по две ириски, по ходу озвучив:

– Вы – наши любимые женщины и, естественно, с нами в доле. И вот нужен ваш совет по данной ситуации. Быстро-быстро! Первые мысли – они самые правильные! Ну?!.. – Френды требовательно уставились на пассив.

Девушки переглянулись, а потом сказали громким полупшепотом:

– Золото, что долгое время пролежало в земле, охраняют духи!

– Мы просили мысли, а не суеверия, – разочарованно произнес Джордж. – По Шеру.

– Не надо усложнять и без того сложную ситуацию, – попросил Михайло. – Оставим мистику в покое. Никто не против?

Девушки вновь переглянулись и неуверенно кивнули в знак согласия.

– Мой вариант такой, – решительно сказал Джордж. – Я предлагаю уговорить Шера взять долю. Профессор – мощный союзник! Он легко прикроет от случайных охотников и деревенских жителей. Полторы тонны золота в карманах не унесешь, а чтобы разделить тушу, нужно время!

– А если профессор не согласится на долю, уповаю, как баран, на Науку? – включилась в беседу Настя.

– Мое мнение по ситуации: послать профессора ко всем чертям! – предложила Олеся. – Или он знает место сокрытия конины?

– Вряд ли, – ответил Светоч. – Я думаю, что «золотые могильники» из уст профессора – это обычная провокация. Он хочет, чтобы мы САМИ ему предложили долю. Иначе будет как-то не... не по-профессорски.

– То есть профессору плевать на Науку? – удивился Джордж. – И он в душе жадный негодяй вроде нас?

– Предполагаю, да, – усмехнулся Светоч. – Утречком узнаем точно.

11. Ранним солнечным утречком

Светало. Солнечные лучи проникали сквозь ветки деревьев, согревая лесную землю. Под одной из сосен, на большом куске целлофановой пленки, сидели Шер и Даша. Полузастигнутые, взлохмаченные и в обнимку. К этой же сосне был прислонен велосипед.

– Милый, почему мы не можем встречаться у тебя в палатке? – капризничала Даша. – За девять лет, что ты приезжаешь сюда, я ни разу не была в лагере!

– Я не могу компрометировать себя перед студентами, – мягко оправдался профессор.

– А мне... надоели прятки! – Даша целенаправленно взяла курс на «выяснение отношений». – За девять лет я успела выйти замуж, развестись и родить сына. Кстати, Димка от тебя...

– Ура, – равнодушно высказался Шер. – Мы скоро поженимся.

– Ты обещаешь жениться девять лет. Но я... я не хочу больше терпеть сплетни бабы Васы и ее подружек! – Даша поплотней прижалась к любовнику. – Решайся живо, иначе я пришлю твоего сына тебе по почте, а сама уйду в монастырь!

– Хорошо, – согласился профессор, его мысли явно блуждали в другом месте.

– Что? – удивилась Даша, отстраняясь.

– Шесть часов! – возбужденно объявил Шер, глянув на наручные часы. – Скоро мне предложат мою долю, виват! – сказал он и резко поднялся, потом нагнулся и рывком поставил девушку на землю. – Ты поезжай к себе в деревню, Даша. Я тебе позвоню буквально на днях!

Даша машинально оправила подол платья и гневно уставилась на Шера.

– Ах ты профессорская морда!.. Я, как... дура, езжу за два километра каждую ночь, отдаю свое тело, кормлю домашними пирожками, а он... и в ус не дует! – Даша недоуменно огляделась и продолжила, как бы рассказывая лесу: – Наверное, он думает, что у

меня чешется причинное место и донельзя рад, что нашел бесплатную подстилку!.. Но... он пожалеет!

Даша подхватила велосипед, взгромоздилась на него и поехала по лесной тропинке.

– Даш! – опомнился профессор, простирая руки. – Я хотел тебе все рассказать чуть позже, когда наверняка стану богатым! Пойми, всего сутки назад я не мог на тебе жениться, мне нечего было тебе предложить! А теперь есть...

Шер сообразил, что его не слышат, и прервался. Деловито осмотрелся, шагнул в ближайšie кусты. Расстегнул ширинку и собрался присесть. Вдруг... принялся и опустил глаза вниз.

– Что такое?

Рядом с профессорской ступней, на истоптанной траве, проступала надпись. Буквы были выложены коричневыми кучками, накрытыми лопушками! Шер поспешно отдернул ногу и пробормотал:

– Г. Д. Черт, Гейзер Джордж! Ну!.. – Профессор отступил на тропку, вытер о траву кроссовку, немного измазанную. Потом присел в кусты по соседству, а после направился к реке, дабы выкурить там утреннюю трубку. Скоро проснутся френды и предложат профессору часть найденного золота как равноценному пайщику. Ведь просить эту часть самому нельзя в силу этикета.

* * *

Полотнища палатки раздвинулись, снаружи просунулась чья-то рука и дернула чью-то ногу. Нога лягнула в ответ. Тогда в палатку влез Гейзер, не переставая трясти ногу!

– Что за... дела? – разозлилась Олесия, поднимая сонную физиономию с тюфяка.

– А, Олесия, привет, – не смутился Гейзер. – Я думал, это нога моего френда... Ничего личного.

Джордж нашарил в утренней полутьме другую ногу и потряс ее.

– Ты долго собираешься лезть в нашу личную жизнь? – спросила Олесия, чуточку просыпаясь.

Вопрос остался без ответа. Проснулся Светоч.

– Кто смеет меня будить?! – спросил очкарик строгим голосом.

– Я смею! – возопил Джордж. – Ты пока еще не богатый, поэтому твой выпендрож неуместен! А у меня плохие новости!

Ботаник мгновенно перебрался из сна в явь и рявкнул:

– Очки!

– Вот, – сказала Олесия, достав очки из настенного кармана палатки. И сама спросила: – Что?!

Джордж дождался, пока френд наденет очки, и зловеще произнес:

– Шера нет в палатке! Он за лесом, на берегу. Ищет золотую конину! И поскольку профессор – опытный археолог, то может ее найти!.. Пусть шанс ничтожен, но и этот шанс ему нельзя давать!

– Профессор начинает действовать мне на нервы, – изрекла Олесия. – Предлагаю свершить над ученым насильственный акт: раздеть и оставить его на одну ночь привязанным к березе!.. В наказание за любопытство...

– Почему ты решил, что все именно так, как ты рассказал? – спросил Светоч у френда.

* * *

– Смотри! – Гейзер торжественно подвел ботаника к месту с «Г. Д.».

Нос Светоча среагировал первым.

– Отвратительный запах! – возмутился Михайло, зажал нос пальцами и прогундел: – Куда ты меня привел?

– Местечко, где я всегда какаюсь по утрам и вечерам! – объявил Гейзер и попросил: – Глянь! – Он указал вниз, на кучки под лопушками. – Мои инициалы! Шер наступил прямо на «Г.». Видишь?.. А потом двинул к реке, оставив на тропе следы.

Светоч сделал два поспешных шага назад.

– Вот, – Джордж принес с тропки и сунул в лицо френду еловую измазанную веточку.

– Вот не надо мне совать свое дерьмо! – обиделся ботаник, отталкивая руку Гейзера.

– Это не дерьмо, а улика!

– Может, это и улика. Но прежде всего это дерьмо, а потом уже улика! Кстати, улика чего?

– Дерьмо на еловой ветке доказывает, что Шер пошел именно к реке! – кипятился Гейзер. – А запах напоминает, что недавно!

– А может, это вовсе не Шер? – сделал попытку сопротивления Михайло.

– Кроссовки такого размера только у него. Да вот он и сам, смотри!

Среди деревьев показался профессор, идущий со стороны реки.

Стороны оценивающе глянули друга на друга и сошлись посреди тропки.

– Не спится вам? – ухмыльнулся профессор, глянув на наручные часы. – Еще один час и двенадцать минут до официального подъема.

– Виталий Степаныч, мы предлагаем вам взять золотую долю!

– Мы – это наша артель из четырех человек.

– О как! – наигранно удивился Шер. – Я бы с радостью, но... не могу. Наука превыше всего!

Ах профессор, профессор...

– Есть мнение отдать вас на растерзание комарам! – припугнул Джордж.

– Но такой способ воздействия на вас негуманен и непрактичен, – грустно вздохнул Светоч.

– Мы сделаем по-другому. Артель запустит слух, что вы нашли лошадь Батыя...

– Лошадь Батыя! – не смог сдержать крик профессор.

– ...И решили поиметь ее один. Вас с позором выгонят из университета и даже из Науки. И вполне вероятно, что и посадят...

– Я согласен получить долю! – кратко и без раздумий изрек Шер. Глупо далее вести диалог, сцена не в театре, а в лесу. – Детали обсудим в городе, – кивнул профессор и обошел френдов, двинувшись к лагерю.

Френды облегченно выдохнули.

* * *

Грибковы возились у очага: разгребали золу и обожженные банки из-под тушенки, чтобы разжечь утренний костер и приготовить завтрак. Дежурная повариха, Томочка, в полусонном состоянии пережевывала ириску, сидя на чурбаке.

Из леса бодрой походкой вышел профессор. Он направился к своей палатке, мимо костровища.

– Виталий Степаныч! – окликнула Томочка.

Профессор сменил маршрут, подошел к костру и остановился, нетерпеливо переминаясь. Томочка подошла почти вплотную, заглянула в профессорские глаза:

– Профессор! Я поговорила ночью с археологами. Никто, за исключением лучших френдов, не хочет ехать домой!

- Нам здесь нравится! – поддержал Тимофей.
- Короче, мы остаемся, чтобы искать золотые могильники! – дополнил Гриша.
- Профессора обуяла неожиданная икота.
- Вы... ик... серьезно? – выдавил он.

12. Остановите автобус!

Рейсовый автобус мчался по трассе, что пролегала среди полей, направляясь от деревни Шабаново в Астрахань!

Впереди восседали две подружки бабы Васы – старухи с любопытными жилистыми шеями, молодой бородач с грустным лицом и профессор Шер.

Студенты заполнили задние сиденья, а в проходе лежали рюкзаки, сумки, свернутые палатки, картонные коробки с находками. Экспедиция кайфовала, покачиваясь на мягких подушках. Комфорт – классная штука, особенно после двух недель жизни в полевых условиях. Слышалось лишь мягкое шуршание шин по асфальту да дуновение ветра, залетавшего в открытые форточки.

– Остановите автобус! – вдруг раздался истошный крик. – Остановите, я выйду!

Со своего места вскочил Гейзер и бросился к кабине водителя, которая являлась продолжением салона и никак не отгораживалась. Джордж подбежал к водителю, перегнулся и заорал ему прямо в ухо:

– Вы глухой?! Немедленно тормозите!

– Не положено, – флегматично ответил шофер, не оборачиваясь. – Первая остановка через шесть километров.

Профессор и Светоч переглянулись. Кому-то из двоих надо встать, потому что вдвоем вставать нехорошо. Логичней будет, конечно, если встанет профессор как руководитель.

– Георгий, что за цирк? – встал Шер. Приблизился к студенту, усадил в пустой уголок.

– Я кое-что забыл, – пробубнил Джордж отчаянным шепотом.

– Золотое копыто? – не удивившись, спросил Шер.

– Да-а-а! А без него не будет денег на снаряжение экспедиции по поимке золотой конины! – простонал Гейзер. И тут же нахмурился: – Пойдите! А... вы... откуда знаете про копыто?!

– Потому что копыто взял я, – усмехнулся Шер.

Старухи вертели на сиденье, вытягивая любопытные шеи. Молодой бородач с грустным лицом грустными глазами смотрел на Джорджа.

– Я нашел золотое копыто, весом тринадцать килограммов, у тебя под палаткой, – объяснил Шер будничным тоном. – Частички свежей земли на тюфяке мне дали ключ к схрону. Остальное дело техники...

– Мы же заключили договор! – вышел из шока Джордж. – Получается, вам вообще нельзя верить?!

– Я совершил кражу задолго до уговора, – оправдался профессор. – Естественно, копыто я верну в общий фонд. А теперь сядь на место, мы и так стали предметом всеобщего внимания.

Гейзер испытующе глянул на профессора и пошел в конец автобуса.

– Хотя бы спасибо сказал, – проворчал профессор.

Джордж опустил рядом с френдом.

– Чего случилось? – забеспокоились археологи.

– Что с тобой? – спросила Настя.

– Ну? – с укоризной пнул Гейзера в бок Светоч.

Взор длинного Васи явил наглядный пример, что и рыбы умеют смотреть с любопытством. Гейзер стал мучительно придумывать басню, объясняющую нынешнюю суету.

– Понимаете... я вспомнил, что я... то есть мы...

13. Зятек

На входных дверях висела табличка «Ресторан закрыт».

Семья Светочей сидела за круглым столиком самого дорогого ресторана города. Столик был уставлен дорогой едой, за стойкой замер метродотель, готовый по первому знаку исполнить любую просьбу дорогих гостей. Светочи попивали китайский чай «Молочный улун» и блаженствовали в одиночестве.

В зал, непринужденно помахивая пакетом с тесемочными ручками, вломился радостный Джордж. Гейзер явно ожидал увидеть френда, но не френда в круге семьи. Джордж погасил радость и осторожно приблизился к круглому столику. Семья Светоча в полном составе молча уставилась на него.

– Дай пять, чувак! – протянул пятерню дед, сидящий в инвалидном кресле.

– Привет, Джордж, – кивнула Олесия.

– Мяу! – подмигнул Кот.

Френду стало не по себе.

– Джордж! – приветливо улыбнулся Светоч. – Это моя семья. Олесию ты знаешь, рядом ее дедушка, он в молодости искал золото Колчака... Ну и Кот. Меня все любят, и тебя полюбят тоже!

– Да, мы тебя стопудов полюбим, Джордж, – подтвердил дед.

Он легко встал с инвалидной коляски, подошел к студенту, легонько приобнял. Насильно пожал руку, вырвал пакет с тесемочными ручками из безвольных пальцев. Сел на место, достал из пакета несколько пачек долларов и деловито пересчитал, разаложив банкноты прямо на столе.

– Я не жадный на бабло, – произнес он между прочим. – Только денежка счет любит.

– Дед нашел колчаковское золото, – похвасталась Олесия, с нежностью глядя на деда. – И сразу же перепрятал. В советской стране так было лучше всего!

– Власть Советов все не кончалась. И... дед забыл, куда перепрятал золото! – дополнил Светоч и ласково погладил деда по голове.

– Мяу! – воскликнул Кот.

– Я вспомню! – пообещал дед, не отрываясь от банкнот.

Гейзер грубо отнял у деда одну из пачек, положил в карман. Старик удивленно зыркнул. Олесия и Михайло укоризненно вздохнули.

– Поясню, что копыто я загнал целиком, правда, в десять раз дешевле его реальной стоимости, – выступил Гейзер. – Зато нам гарантировано спокойствие души! Никто и ничего о золоте не узнает, копыто тупо распилят на граммы и перепродадут.

Семья Светочей одобрительно погудела. Молодец, Джордж, спокойствие превыше всего!

– Это мне для разговора с отцом Насти! – пояснил Гейзер, хлопнув по карману с долларами. – Вы покупайте тачку и снаряжение, коли вы уже полноценная семья. А я ушел жениться.

И Гейзер ушел. Светочи проводили его любящими взглядами. Дед собрал банкноты со стола в одну стопку и положил обратно в пакет:

– Здесь сорок тысяч, – сказал он, достал из-за спины ноутбук, раскрыл. – Ща поймаем Wi-Fi и все купим для вашей экспедиции.

* * *

Гейзер и не моргающий отец Насти сидели друг против друга. В кабинете. Между ними стоял письменный стол. Стоящий у стены диван представлял делегацию мягкой мебели.

– Слушаю вас, – не очень охотно обронил отец.

– Здравствуйте, папа! – с чувством заговорил Гейзер. – Я на днях женюсь на вашей дочери, так что должен вас называть папой!

– Э-э, простите, кто вы такой?

– Почти муж! – провозгласил Гейзер и положил на письменный стол пачку зеленых купюр. – Здесь десять тысяч баксов. Мой выкуп за невесту!

Отец Насти моргнул, превращаясь из не моргающего в моргающего.

– Прошу, благословите наш брак! – попросил Джордж.

Отец Насти почесал плешь и протянул не очень уверенно:

– Благословляю...

– Спасибо! – Гейзер встал, чинно наклонил голову в знак покорности, «как полагается» младшему перед старшим. Глубоко старинный жест, о коем помнят только историки. – До свидания, папа!

«Папа» вдруг вскочил и обежал стол. Слащаво улыбнулся, прогибаясь и чуть ли не раскатываясь перед молодым человеком.

– До свидания, до свидания, зятек, – заворковал сытым голубем папа и сердечно обнял Джорджа. – Настя – чудесная девочка. У нее и не было никого... – шепнул он и интимно подмигнул.

Гейзер вышел с довольной улыбкой на устах. Через минуту он уже спускался по лестнице. Пробежал марш, второй... На третьем марше миновал здорового, бритого наголо парня. Миновал, да не совсем! Джордж резко затормозил и крикнул:

– Митя!

– Не понял, – удивился здоровяк.

– Митя, меня зовут Джордж! Я учусь с твоей сестрой.

– А-а, – кивнул здоровяк.

Они стояли в паре метров друг от друга. Один – чуть внизу, другой – чуть вверх.

– Митя, ты правда окончил институт с красным дипломом и крутой программист?

– Правда, – согласился здоровяк.

– А что у тебя лежало в правом кармане куртки весной? Случайно, не пистолет?

– Что?

– Да ладно! – подмигнул Джордж. – Ты, Митя, мой практически шурин, поэтому для меня секретов нет. В вашей семье вообще и у тебя в частности... Увидимся! – обрадовал Гейзер и поскакал вниз по ступенькам.

Митя озадаченно пожал плечами и возобновил подъем.

* * *

Папа лежал на диване. На его груди покоился ворох купюр, и он рассуждал вслух:

– Повезло Насте. Будет жить с мужем, как у Христа под мышкой!.. Но и нас зятек не забудет, ведь Настя – наша единственная дочь.

На пороге как раз возникла дочь.

– Ой!

Папа поспешно вскочил, деньги соскользнули на ковер. Папа резво нагнулся и стал их собирать.

– Откуда?.. – изумилась Настя, бросившись помогать отцу.

– Твой почти муж принес! – подмигнул папа.

Настя тотчас убрала руки от денег и отступила. Папа разливался соловьем:

– Доллары – это свадебный выкуп за тебя! Джордж – порядочный молодой человек, знает исконно русские традиции! – Отец ухмылялся своим мыслям, ничего не видя вокруг. – Можешь смело переспать с ним даже до свадьбы, я разрешаю!

– Папа, ты что, больной?! – не сдержалась дочь.

– Надо брать Джорджа, пока он сам хочет на тебе жениться! – не смутился отец. – Я уже дал свое родительское благословение, кстати.

Настя в шоке нарезала по кабинету круг, потом оперлась на дверной косяк, обретая телесную опору, и возразила слабым голосом:

– Папа, я не собираюсь выходить замуж.

Отец собрал доллары, упаковал их в карман. Посерьезнел. Приблизился к дочери и сказал миролюбиво:

– Ты выйдешь за Джорджа замуж. Да, выйдешь. Или я выдам тебя за соседа – косого студента с гнилыми зубами! – внезапно рявкнул отец.

– Ну, папа, это все, – прошептала Настя и быстро вышла из кабинета.

В коридорчике она сунула ножки в босоножки и толкнула входную дверь. Ей надо было глотнуть свежего воздуха, очень надо! Папа сейчас напомнил Насте Шера, когда тот у костровища вел себя как сумасшедший. Тяга к халяве делает людей похожими. Их легко прочитывать, имея привычку.

Настя открыла дверь квартиры и столкнулась на пороге с братом.

– Привет, Митя, – буркнула Настя, порываясь пройти.

– Насть, ответь-ка мне на один вопрос – тогда пропущу! – поставил Митя условие, загородив массивным телом выход. И, не дожидаясь реакции сестры, спросил: – Кто такой шурин?

– Кажется, брат жены, – апатично произнесла девушка.

– Значит, ты... – помыслил Митя. – Ты выходишь замуж за Джорджа! Какая же ты умница! – Он широко улыбнулся.

– Так! – твердо сказала Настя и легко оттолкнула с дороги шестипудовое накачанное тело. Достала мобильный телефон. Ткнула кнопку, поднесла аппарат к уху. – Слушай меня, Джордж! Стой где стоишь. Я сейчас к тебе выйду.

– Стою где стою, – робко согласилась трубка.

Настя нажала «отбой» и, как сомнамбула, спустилась на две ступеньки. Оглянулась на брата – Митя замер, пораженный ее поведением. Настя немного подумала и снова нажала «вызов».

– Джордж... Мне надо знать точное время завтрашнего отъезда, чтобы быть готовой, – ровно сказала Настя. – Я хочу воочию увидеть коня Батыя. Не как золото, а как произведение искусства! И только поэтому ты прощен.

– А за что прощен-то? – искренне удивилась трубка.

14. Изменчивая Даша

Даша меланхолично смотрела «в пустоту». Сидя на табурете, за прилавком сельского магазина, где работала продавцом всякой всячины. Снаружи взвизгнули тормоза, явно не местные, – значит, подъехали либо дачники, либо туристы. Хотя... пусть бы это был профессор! С большим букетом алых роз, в сопровождении «карманного оркестра»! Даша мечтательно улыбнулась. Профессор подойдет к прилавку и скажет:

– Даша! Дай-ка мне килограмм ирисок и свежего хлеба!

– А! – продавщица очнулась и увидела Светоча, что мялся у прилавка.

У магазина стоял синий микроавтобус, чьи тормоза и произвели звук, отправивший Дашу в сладкий мир любовных грез.

Вчера его любовно выбрал дед Олесии, обойдя весь городской авторынок. На полу салона лежали четыре лопаты, две клетчатые сумки с подручным инструментом и едой, болгарка-пила, аккумулятор. Снаряжение тоже выбрал и купил опытный дед, но сам ехать наотрез отказался. Кот поддержал дедово решение. Вдвоем дезертиры проводили молодежь, всплакнули на дорожку и призвали поскорее возвращаться.

В салоне автобуса Михайлу ждали его немного нервные компаньоны. План экспедиции предусматривал один день на все про все. Дольше заниматься золотой кониной опасно. Отсюда и нервы.

Даша подала испрошенное ботаником. Пощелкала клавишами кассы:

– Триста рублей.

– Вот. – Очкарик подал купюры, нетерпеливо переминаясь.

Даша взяла деньги, отметив мимоходом, что ногти покупателя ровно пострижены, но вот грязь настолько въелась под них, что никаким мытьем не убрать. Время требуется, чтоб сама сошла. У милого профессора ногти-то точно такие, земляца с этих его могильников пропитала холёные ручки.

– Ты ведь археолог?! – грозно спросила Даша.

– Да-а, – смутился Михайло.

– Вы же позавчера уехали в город! – предъявила продавец. Она резво вышла из-за прилавка, приблизилась вплотную к ботанику. Тот, прижимая к себе покупки, попятился.

– Зачем вернулся?! – наступала Даша, орудуя купюрами, как указкой.

– На разведку! – в испуге вскричал Светоч. – Присмотреть курганчик на будущий год!

– С каких пор студенты проводят такие разведки?! – удивилась Даша. Не зря деревенская девушка якшалась с ученым многие года, ой, не зря...

– Мы с профессором! – крикнул в отчаянии Светоч.

– С профессором? – повторила Даша. Она отбежала к окну с кисейными занавесками, отогнула край ткани и увидела голову Шера в водительской кабине микроавтобуса. Милый в сторону магазина даже не смотрел.

Женщина пересекла магазин и села прямо на прилавок. Закинула ногу на ногу, удобно облокотилась на кассовый аппарат, обмахиваясь купюрами, как веером. Самым простым решением было бы выйти на улицу и устроить скандал, на радость деревенским кумушкам. Но нет, не дождетесь... Не такова Даша! Можно попросить ботаника, чтоб позвал милого в магазин... Может быть...

– Как тебя зовут, студент? – ласково спросила Даша, поискала глазами ботаника и не нашла. Зафырчал мотор. Женщина вновь подбежала к окну и увидела отъезжающий синий микроавтобус. Транспортное средство развернулось у магазина и двинулось к полям. Унося милого профессора!

* * *

Солнце стояло в зените. На косогоре над берегом кипела работа. Четверо яростно срывали лопатами землю и бросали ее вниз. Археологи углубились внутрь косогора уже на метр. До золотой конины оставалось столько же.

На берегу оптимистично полыхал костер. Над ним на рогатинах висел котелок с кипящей водой, в которой весело булькала лапша с тушенкой. Рядом был расстелен кусок брезента – стол, на котором стояла посуда и лежали пакеты с едой. Повариха Олесия деловито

хлопотала по кухне. Резала овощи, карбонат, сыр, хлеб. Раскладывала пряники, заваривала чай.

* * *

– Мы твоему профессырю яйцы на уши натянем! – ухмыльнулся Гром.
– Профессор не мой, – возразила Даша не очень уверенно.
– Проучим городского хмыря, шоб не обижал честных деревенских женщин! – ощерился Молния.
– Обиды нет, – в глубокой тоске прошептала Даша.
Перед магазинным прилавком переминались два крепких деревенских мужичка – Гром и Молния.
– Все мы понимаем, Даш, – сурьезно кивнули они.
– Поколотите его хорошенько, но без физических увечий! – взяла себя в руки продавщица и выставила на прилавок две бутылки водки. – Сделаете, дам еще литр.
Мужички синхронно взяли по бутылке, затолкали в карманы драных пиджаков.
– И принесите мне доказухи его избиения, – напутствовала Даша. – Например, очки.
– Угу, – заверили местные.
– При студентах бить не надо! Отведите милого подальше! Поставьте пару синяков и разбейте нос! И довольно...

* * *

Старый горбатый «Запорожец» уверенно подъехал к раскопанному могильнику монголо-татарина, остановился с включенным мотором.
– Два дня назад копатели были здесь. А ныне их нету.
– Найдем... Дашкин хахаль где-то в окрестностях рыщет. Степь все ж не бескрайняя.
Мужички вздохнули и, не сговариваясь, достали из карманов по бутылке. В открытые форты полетели пробки, послышалось двухгорловое бульканье. Вслед за пробками вылетели и сами бутылки. Пустые. Мужички занюхали рукавами и зажевали по ириске, вылезли из салона, чуть покачиваясь, и принялись возиться с ширинками. Все действия произошли последовательно, равномерно, уверенно, как в тысячу сто первый раз.
Среди полей, со стороны леса, показался мотоцикл. Он быстро летел по укатанной полевой дорожке, приближаясь к раскопу.
Гром заснул полустоя, обняв капот. А Молния сощурился, покачнулся, вглядываясь вдаль.
– Мой, ик, сына! – обрадовался он.
Двигатель заглох, мотоцикл прокатился по инерции несколько метров и остановился рядом с «Запорожцем».
– Здрав, батя! – поприветствовал паренек лет пятнадцати, сидящий за рулем. За его спиной примостился белобрысый тинейджер.
– Сынка, – сказал Молния, сделал три нетвердых шага и схватился за руль, чтоб не упасть. – Видал, ик, копателей?
– Э, батя, ты уже наклюкался, – равнодушно констатировал сына.
– Копатели пашут у речки, за лесом, – отозвался тинейджер. – Мы хотели глянуть, а ихний профессор нас выгнал!
– Нельзя, григ, посторонним находиться на раскопе! – с обидой дополнил сына.
– Вот мы сюды приехали... Може, оне не все здесь выкопали. Али што забыли.

– Молодца, сына! – пробормотал Молния, любовно прижав голову сына к груди и побрел к машине. – Эй, Гром, просыпайся. Я знаю, где ученый сукин сын!

Гром враз проснулся и спросил обыденно, будто и не спал:

– Где?

– Щас скажу, – пообещал Молния, тяжело плюхаясь на сиденье. – Заводь!

Гром, почти не качаясь, обошел машину, сел за руль. Включил двигатель.

– Сынка, мамке ниче не гри, – попросил Молния, высовываясь в фортку. – Ты мини не зрел. Ик, – икнул папка и прижал палец к губам. – Тсс... Поехали уж, – обратился он к приятелю.

Гром снова спал, склонив голову на руль, но от дружеского толчка так же легко проснулся и осведомился:

– Дак куды ехать?

– К реке!

Шофер отжал сцепление и дал по газам. «Запорожец» рванул с места, сделал круг у раскопа и неровными скачками понесся вдаль.

– «Запору» уж сто лет в обед, а ездит все как новь! – восхищенно поцокали вслед деревенские юнцы.

* * *

– Мамка, а ты зачем наказала побить папку? – спросил мальчик восьми лет, возникая перед мысленным взором Даши. – Папка хороший!

Женщина споро поднялась со стульчика, томно закатила ясные глазки и прижала руки к полной груди. Вымолвила тревожно:

– Господи, а правда – зачем?! Он ведь и вправду хороший, только безответственный!

– Дашутка, ты чаво? – вернул продавца на землю старушечий голос.

Даша отвела глаза от потолка и увидела любопытную соседку-сплетницу.

– Баба Васа...

– Взвесь-ка мне сахарку полторы килы, – попросила старуха.

– Завтра приходи, я закрываюсь!

– Так ишо день, – опешила бабка.

– У меня учет, ясно тебе? Давай-давай, иди отсюда.

Васа замаялась у прилавка и просяще прошамкала:

– Може, обслужишь, Даш?

– Вон! – рявкнула женщина. – Пусть тебя твой дед обслуживает!

Старуха аж подпрыгнула, а Даша перемахнула через прилавок, как заправский ковбой. Подбежала к входным дверям, кивнула:

– Давай шевелись!

Бабка засемила к двери, опасливо проскочила мимо продавщицы. Даша притянула дверь, накинула крючок и метнулась в подсобку. Оттуда она выскочила на задний двор магазина, где был припаркован верный велосипед.

15. Драматичный клубок

В четыре часа дня золотая конина была практически откопана. Половина работы готова. Самая грязная и муторная ее часть!

Археологи сидели вокруг брезента-стола и поглощали еду.

– После обеда зацепим коня веревкой и вытащим из косогора, – инструктировал профессор. – На берег, дабы без проблем обмыть и распилить.

– И как же мы его вытащим? – поразился Джордж.

– Тягловой силой четырех студентов и одного профессора! – твердо ответил Михайло. Шер грустно усмехнулся.

– Наш автобус сюда, под берег, не проедет. Если только разогнаться и спрыгнуть на автобусе с трехметрового обрыва.

– В нашей группе не хватает каскадеров, – заметила Настя.

Тут же из-за вершины косогора послышался рев двигателя (кто слышал, как работает мотор горбатого «Запорожца», – тот поймет). Археологи непонимающе уставились на косогор. Их изумленным взглядам предстал «Запорожец», мчащийся на всех парах в никуда, в обрыв. Колеса оторвались от земли, и раритет полетел вниз, покачиваясь в воздухе.

Археологи, затаив дыхание, наблюдали.

«Запорожец» стукнулся о берег двумя передними колесами, покачнулся и чуть не завалился набок, чудом встав на все четыре колеса, и замер.

– Вот и каскадеры... – озвучила общую мысль Олесия.

Дверцы «Запорожца» с треском распахнулись, и на берег ступили два деревенских мужичка. Как ни в чем не бывало!

– Говорил, тормозь! – проворчал Молния, обходя «Запорожец».

– Травка скользкая после дождика, – оправдался Гром, смущенно почесывая зад.

Мужички заметили археологов в десятке метров от себя и довольно зашерились.

– Вон чертов профессор. Почли, набьем яму мордень?

– Дашка молвила, шоб никто не зрел, – напомнил Молния.

– Та не вопрос, – сказал Гром, не сводя глаз с одной точки. – Эй ты, очкарик, иди-тко сюды!

– Живо! – крикнул Молния. – Надо поговорить по-мужски!

– Кому вы говорите? – немного севшим голосом спросил Шер, имея в виду, что очкариков тут двое.

– Это вам, профессор! – дружно воскликнули студенты, поймав взгляд местных.

– Пойдешь с нами в лес! – озвучили намерение мужички, пристально рассматривая Шера.

– За-зачем? – заикнулся Шер, поднимаясь на предательски дрогнувшие в коленках ноги.

– Какая разница, профессор? – спросили студенты, тоже поднимаясь и загораживая руководителя.

– Валите отсюда, пьянь!

– Отчаливайте!

– По-хорошему!

– Вот именно!

Мужички недоуменно покосились друг на друга. Чуть покачиваясь, засучили рукава.

– Ну, студенты, совсем нюх потеряли, – заметил Гром, отходя к багажнику.

– Хотят битву, они ее получают, – сплюнул Молния, следуя за Громом.

Шофер рванул крышку багажника, достал монтировку, взвесил в руке и отдал приятелю. Сам он вооружился кувалдочкой, удобной и тяжеленькой.

– Что скажете? – спросили мужички и приблизились к археологам, ступая довольно твердо. Гром размахнулся и с силой опустил кувалду на брезентовый стол, попав по алюминиевой кружке с чаем. Кружка промялась, напиток вылился.

Студенты кусали губы от досады и беспомощности. Ситуация вроде и проста, но как из нее выйти с пользой для себя, непонятно. Убежать – не убежишь, в драку лезть – схлопочешь железом, деревенская пьянь не соображает, когда пьяная...

– Ну, орелики, кому первому проломить башку? – ухмылялись мужички.

Вдруг плотный ряд студентов разошелся в стороны подобно занавесу, и вперед выступил профессор. Он схватил мужичков за воротники, с силой стукнул друг о дружку головами и отступил в сторону. Местные удивленно зыркнули и замахали орудиями ближнего боя, но вдруг захрапели, а потом и упали на береговую травку.

– Оттащите спящих в сторонку! – скомандовал Шер. – А сами за работу!

Студенты одарили профессора восхищенными взглядами.

* * *

Даша без устали крутила педали велосипеда, проезжая по безраздельным полям. Лицо ее было красно-напряженным.

Послышался стрекот, навстречу мчался мотоцикл. Даша соскочила с велосипеда, бросив его на землю, замахала над собой руками крест-накрест. Мотоцикл притормозил, встав рядом, с включенным двигателем.

– Мишка, тятку зрел? – прерывисто дыша, спросила Даша.

– Зрел.

– И?..

– Оне с дядей Молнией у копателей. А копатели у речки, возля леса.

* * *

Трос был плотно свитый, металлический, с двумя петлями на концах. Предназначен он был для сцепки автомобилей, а также для извлечения золотой конины из развороченного кособора. Трос лучше, чем веревка! А «Запорожец» лучше, чем мышечная сила рук и ног! Лишь бы тачке хватило мощности...

– Будем надеяться, – заметил ученый.

Шер надел петлю на копыто, жестко зафиксировал с помощью монтировки. Сцепку посредством другой петли с «Запором» осуществил Джордж.

Мужички спали невдалеке, наполняя округу громким храпом. Иногда подпердывая для симфонии.

Михайло сель за руль и повернул ключ зажигания. Автомобиль завелся с пол-оборота. Ботаник немного погазовал и включил скорость.

«Запорожец» тронулся, проехал по берегу. Трос натянулся и дернулся, машина остановилась, натужно взревев. Светоч переотжал сцепление и вновь дал по газам. Глина вокруг клада стала осыпаться, конские ноги выдвинулись из земли...

– Газуй, газуй! – покрикивал Шер.

Машина тяжело, но неуклонно вытащила коня из земли, протащила тушу пару метров по берегу...

– Хватит! – крикнул Шер, рубанув правой рукой воздух.

Горбатый «Запорожец» остановился и заглох. Мужички и не подумали проснуться.

Археологи окружили золотую конину и рассмотрели ее полностью.

Внешне конь был как конь. Обычного для обычного коня размера. Хвост стоял бодрым дыбом, половые признаки отсутствовали. Все остальные части были отлиты с максимальной тонкостью и точностью. Металл мутно блестел желтым цветом. Местами на золотых боках и голове остались комья глины, и вообще конь был несколько грязноват.

– Я начинаю отпиливать хвост! – возбужденно сказал профессор. – Как наименее грязную деталь туловища. Все остальные берут тряпки, моют и соскребают глину.

Профессор вынул трубку и табак, занялся привычной набивкой.

– Где у нас болгарка-пила, кстати? В автобусе или мы ее вытащили?

Вопрос повис в воздухе. На краю косогора – вверху, рядом с раскопом, показалась женщина.

– Виталик!

Экспедиция в изумлении глянула наверх.

– Продавщица из сельпо! – пробормотал Светоч.

– Это не просто продавщица, – подсказал Джордж. – Это Даша – любовница профессора!

– Да ладно тебе! – ахнули девчонки, сторая от любопытства.

Шер оглянулся на студентов, не решаясь ни заговорить, ни пошевелиться.

– Профессор, мы вас поздравляем! – искренне воскликнули студенты.

– Лови меня, Виталик! – кричала Даша. – Не то я так прыгну.

Профессор подбежал к косогору и расставил руки. Даша слетела ему в объятия с трехметровой высоты.

– Виталик! – Женщина немедленно стала покрывать профессорское лицо жаркими поцелуями.

Шер стоял как пень, положив руки на женскую талию.

– Даша...

Женщина погасила поцелуйный порыв, дрогнула наполнившимися слезами очами.

– Прости меня, Виталик, прости! Я наняла Грома и Молнию, чтобы они тебя побили! За два литра водки.

– Что? – удивился профессор.

– Вот это любовь! – пораженно прошептали студенты. – Поцелуйте ее, Виталий Степаныч! – крикнули они.

Шер вздрогнул и неловко чмокнул Дашу куда-то в нос.

– Хочу замуж! – прижалась к нему Даша.

– Поезжай немедленно домой! – попросил профессор.

Недолго музыка играла. Даша тревожно замерла, ее обуял озноб. Несмотря на тридцатиградусную жару. Щас милый скажет!..

– Дома ты берешь нашего сына, и вы направляетесь в Астрахань, ко мне в квартиру, – сказал милый, доставая из кармана связку из двух ключиков и красную денежку. – Я приеду вечером, и будешь жить со мной.

Ученый вложил в Дашину ладонь купюру и ключи, сжал ее пальцы в кулачок своими пальцами.

– А замуж? – растерялась Даша. – Я не хочу быть незаконной женой!

– Мы зарегистрируемся, – пообещал профессор. – А сына я официально усыновлю.

– Угу, – кивнула Даша, мурлыкая.

– До вечера! – попрощался профессор, мягко высвобождаясь из объятий.

Даша сделала несколько танцующих шажков по берегу. Томно покружилась. Повела счастливым взглядом вокруг. Мягко подмигнув конине, студентам и даже «Запорожцу»... Узрела тела похрапывающих мужичков. Остановилась. И сказала, пожимая плечиком:

– Наивная я такая.

16. Эпилоги

Автобус вбирал в себя пассажиров на остановке, возле сельского магазина. Пассажиров было негусто: пожилой бородач с радостным лицом и двое заезжих грибников. На остановке, на лавочке, лузгали семечки две старухи, греясь в лучах вечернего солнца. Те самые старухи, что давеча ехали в город, вместе с экспедицией. Подошла Даша. Нарядное зеленое платье, девяностосантиметровые каблуки, дамская сумочка из натуральной кожи. Даша

пахла французскими духами, а ее сияющие глаза лучились нежностью к окружающему миру. Рядом с матерью чинно вышагивал мальчик лет восьми, в новом джинсовом костюме.

Мама легонько подтолкнула сына:

– Залезай.

Мальчик впрыгнул в автобус. Даша поднялась следом, улыбаясь своим мыслям. Порылась в сумочке, достала денежку, подала шоферу.

– За двоих.

– И куды ж ты, Даша? В город али в Крюково?

Женщина подняла глаза на шофера и увидела бабу Васу. Та вольготно сидела на водительском месте и ухмылялась.

– Баба Васа, ты что, работаешь водителем? – спросила женщина, не гася ясную улыбку.

Счастье – настолько хрупкая материя, что подсознание его бережет от ехиден вроде местных деревенских сплетниц. Сознание-то знает, что водителем работает внук Васы, что он, по всей видимости, отошел к бабке покушать домашних пирогов. В те законные свободные полчаса, что автобус находится на конечной остановке.

– Автобус седни последний, – вслух размыслила старуха. – Чай, вернешься утром?

– Я рассчиталась. То есть рассчитаюсь завтра, в городе.

Даша прошла в салон и села рядом с сыном. Рисуясь, поправила локон.

– А-а-а... А как же мой сахар?! – поразилась Васа.

Бабка выскочила из кабины водителя и подпрыгнула к остановке. Подружки с любопытством вытянули куриные шеи.

– Девчонки! Дашка уезжает не на перепих, а насовсем. К хахалю ентому...

– К прохфессору! – вскричали престарелые курицы.

– Истинно! – перекрестилась Васа.

– Да ты што! – разинули рты подружки, внимательно рассматривая автобус.

* * *

Пока Даша мчалась в город на последнем рейсовом автобусе, экспедиция расчленила коня. Распилить полторы тонны золота даже электрической пилой не так-то просто. Но... было б желание, на самом-то деле!

Гром и Молния по-прежнему спали, избавив археологов от лишнего беспокойства.

Через три часа все было кончено: золотая конина целиком разделана и загружена в салон. Опилки, как смогли, подобрали. Археологи разбудили местных, вылив на теплые сонные тела два ведра воды. Вручили мужичкам бутылку шампанского, взятую «на всякий случай», и отъехали. Солнце уже сильно склонялось к западу.

Сказка не совсем сказка, если в ней не присутствуют неподкупные полицейские парни! Как непреодолимое препятствие на пути героев! Гаишник на трассе взмахнул жезлом, приказывая синему микроавтобусу немедленно остановиться. Транспортное средство послушно затормозило, прижимаясь к краю дороги.

За рулем сидел Светоч. Он принялся рыться за солнцезащитным щитком, доставая документы.

– Ты спятил?! – зашипел рядом сидящий френд. – Зачем остановился?!

– Проверка документов лучше, чем погоня, – резонно возразил ботаник.

К кабине подошли двое представителей дорожного правопорядка в желто-зеленых жилетах и с автоматами.

– Старший лейтенант Козлов, – представился один, небрежно вскидывая руку к виску. – Попрошу документы на транспортное средство и на право управления.

Другой, прапорщик Мышкин, обошел кабину, подозрительно глянул на номер, незаметно изучил взволнованное лицо Джорджа.

Светоч подал в форточку права, техпаспорт и страховку. Старлей внимательно изучил документы.

– Что везете? – спросил, подходя к дверке шофера, Мышкин.

– Пассажиров! – крикнул Джордж через френда. Поймал его укоризненный взгляд и... смолк.

– Откройте салон, – распорядился старлей.

– Послушайте, Козлов... – очкарик сделал попытку договориться.

Мышкин недвусмысленно вскинул автомат, еще секунда – и он щелкнет затвором. А потом...

Светоч вылез из кабины, обошел автобус. Гашники следовали по пятам, их ноздри подрагивали – охотники почуяли запах дичи! Михайло потянул в сторону панель двери, открывая салон. Взглядам ментов предстали две непромытых симпатяжки, очкарик с трубкой в зубах и грудка тусклого желтого металла.

– Та-ак... – зловеще сказал Козлов.

– Откуда бронза? – с интересом спросил Мышкин.

– Из полей, – хором ответили девушки. – Профессор, скажите!

– Да, скажите им! – выкрикнул Гейзер из кабины.

– Виталий Степаныч, объяснитесь, – попросил Светоч.

Полицейские парни озадаченно переглянулись:

– Что за хрень?

Профессор усмехнулся и буднично произнес:

– Здравствуйте, господа полицейские! Я профессор истории и археологии, а это мои студенты. Едем с раскопок. Везем в институт фрагменты памятника эпохи бронзового века. В целом фрагменты представляют собой...

– ...фигуру бога Солнца, которому поклонялись древние скифы! – помогли студенты, чутко уловив запинку руководителя.

– Да! – важно кивнул профессор. – Прошу не задерживать. Мы жили в полевых условиях две недели и хотим домой.

– Ни хрена себе! – опешили гаишники. – А документы на груз у вас есть?

– Где их взять? У древних скифов? – удивились девчонки.

– Вот мое удостоверение профессора и «Открытый лист», подписанный московской службой! – Ученый подал красную книжечку и бумагу с гербовой печатью. – Документ разрешает проводить археологические изыскания в районе, откуда мы едем.

Старлей мельком просмотрел документы.

– Счастливого пути, профессор! – напутствовал он, козыряя, и вернул Светочу документы. – Соблюдайте правила дорожного движения!

Полицейские парни пошли к своей машинке, что находилась в двадцати метрах. По дороге обменялись пикантными репликами:

– С цветметчиков мы бы срубили неплохую денежку!

– Как всегда делаем...

Андрей Ангелов
Апокриф
Сказка-гротеск из серии «Безумные
сказки Андрея Ангелова»

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
Мф. 5:8

Пролог

Деревня была без названия и без людей. Да и не деревня это вовсе. Три дома неподалеку от златоглавого города. Три избушки, стоявшие обособленным хутором среди широких великорусских полей.

Первая представляла собой развалюху, на вид лет восьмидесяти. В ней коротала век Баба Яга. Шустрая старушенция с традиционно крючковатым носом, смуглой кожей и пронзительными глазами. На темнокосой голове платок, левая нога хромая. Хозяйство Яга имела справное и круглый год хлопотала «по двору». То и дело к ней приезжали купцы, покупали у бабушки яйца, молоко, скотину и птицу для перепродажи на Дорогомиловском рынке.

Вторая изба – нетесаный сруб, совсем молодой, еще пахнувший свежей смолой. Внутри на бугристом диване полеживала Василиса Прекрасная, беременная на последней неделе. С лялькой помог заезжий Иван-царевич – в недавнем прошлом честный сиделец, а ныне Соловей-разбойник на Рублевском тракте. Сама Василиса косая на оба глаза, зато душевная и отзывчивая. Дочь алконавта Лешего, что дом срубил, а потом помер.

В незапамятные времена и бабка, и Василиса были людьми, но однажды им это надоело.

Третий дом стоит чуть в отдалении от первых двух, на естественном пригорке. Неопределенного возраста домина, массивный и ладный. С высоким крыльцом! Владел им Бог – личность с пронзительными очами, изящным жестким ртом и гладко выбритым подбородком. Бог любил синий цвет и своего сына.

Никто не знает, почему все так, но было оно именно так.

В то майское утро Бог в синих подштанниках сидел на высоком крыльце и курил трубку, подставив солнцу волосатую грудь. Босиком. Бог наслаждался первым настоящим теплом, то и дело поглядывая на православные купола вдалеке. Он явно ждал кого-то.

Наконец к дому подъехало синее легковое авто. Из-за руля вышел мальчишка лет десяти, с задорными щечками и не по возрасту высоким лбом. Джинсовый комбинезон на помочах и джинсовые носки. Туфли тоже джинсовые.

Бог напрягся. Мальчишка чмокнул дверцей и уверенно прошел в калитку. Взбежал на крыльцо и сел рядом с Богом. Блаженно сощурился в солнечных лучах. Сказал с потягушкой и позевывая:

– Хочу всегда солнышко!.. А, отец?..

Бог покосился на сына с тревогой. Пыхнул ароматным дымком. Мальчишка беззаботно рассмеялся:

– Видел странную старуху. Продавала тухлые яйца. И видел еще более странных людей, что покупали у старухи тухлятину... – Он недоуменно нахмурился. Глянул в сторону златоглавого города и спросил: – А может, это я странный и не понимаю?.. А, отец?

– Ты родился от Света и Тьмы. Твоей крестной выступила Свобода... – невпопад ответил Бог. Отложил тлеющую трубку, встал и обронил: – Иди за мной.

Он зашел в дом и уверенно зашагал среди библиотечных стеллажей, сын – следом. Библиотека была неприлично большой, внешне напоминала публичную. Бог остановился рядом с единственным пустым шкафом, на полке которого лежала связка ключей, и основательно взялся за лакированное дерево.

– Помоги, сын, – попросил негромко.

Мальчишка ухватился с другой стороны, вдвоем они отодвинули шкаф от стены.

Глазам открылась дверь: железная, покрытая облупившейся краской, с мощными запорами и «кормушкой». Такие двери бывают в тюрьмах. Бог подхватил с полки ключи, загремел ими, отпирая. Мальчишка недоуменно моргал.

Дверь со скрипом отворилась. Тюремные двери скрипят всегда и всюду, на всех континентах! Пахнуло сыростью. Бог повел бровью:

– Зайди туда, сын.

Мальчик осторожно заглянул внутрь. Его глазам предстала клетушка два на три метра, стены выложены камнем, дощатый стол для еды, ведро для туалета, грубая скамья для сна. Солнечный свет проникал сквозь маленькое решетчатое окошко под высоким потолком. Обычная тюремная камера! Сын отшатнулся и затравленно глянул на отца. Тот произнес меланхолично:

– Иди.

Мальчишка... сощурился и... задрожал! А потом... задымился, кожа налилась красно-желтым цветом, глаза затлели, губы превратились в шевелящиеся угли. Он пронзительно и нечленораздельно вскрикнул. И... тяжело побежал прочь.

Бог мотнул головой. Дунул ветерок. Его порыв сорвал с мальчишки сноп искр. Ребенок прыгнул, но задуло с такой силой, что полыхающее тело содрогнулось, пришлось встать, упираясь против ветра. Вместо искр теперь от него отлетали здоровенные куски. Правое ухо, рука... голова. Раскаленные осколки точно влетали в камеру. Через минуту от мальчишки не осталось ничего, он по кусочкам был откинут в каменное узилище!

Бог обреченно наблюдал за трансформациями. Ветер стих. Мальчик находился внутри – в обычном виде. Он стоял посреди камеры и исподлобья смотрел на отца. Взор отражал тоску смертную.

В синих глазах Бога плавала строгая Доброта. Он последний раз взглянул на мальчика. Сказал мягко:

– Ты слишком зачастил в златоглавый город, Дьявол...

Захлопнув и заперев дверь, Бог услышал тяжкий детский стон. Он болезненно поморщился и пошел прочь. Очутившись на высоком крыльце, подхватил трубку и раскурил. Попыхтел.

Когда солнышко спряталось за тучу, от соседской избы послышался натужный крик Василисы:

– Мапочки, рожая!

Баба Яга разогнулась от овина и истоиво перекрестилась:

– Дай Бог...

Никто не знал, почему все это случилось, но это случилось.

1. Портье

– Куда желает поехать святой отец? – спросил таксист.

– А я разве желаю? – переспросил я.

– Приедем всегда куда-то надо, – разъяснил таксист. – Вы же не собираетесь идти пешком по Москве? Или собираетесь?

– В Москве существует такая штука, как метро, – улыбнулся я. – Насколько мне известно...

– Метро не отвезет на гору Арарат, а я смогу, – не согласился таксист.

Я молча смотрел на него и улыбался. Таксист мне понравился, однако хотелось посто-
ять минутку, немножко привыкнуть к Москве, поздороваться с ней... прежде чем трогаться
дальше.

– Ну как хотите... – Таксист отошел, справедливо приняв мое молчание за окончатель-
ный отказ.

Десять минут назад наш поезд остановился у перрона Ленинградского вокзала. Я сту-
пил на столичную землю, куда не ступал довольно давно. Я миновал разномастную толпу
носильщиков, пассажиров, сутенеров и арендодателей. Прошел через вокзал и вышел на
Комсомольскую площадь. Было 7 мая 2000 года – переломный день для России. Начиналась
Эпоха, которой суждено было продлиться много лет. Приключись моя беда годы спустя, это и
проблемой бы не было. Но в тот майский день Русская Православная Церковь только-только
восставала из пепла, и на нее смотрели совсем не так, как сейчас. До торжества православия
страна не дожила, правда, в последние десять лет к Церкви и священнослужителям стали
относиться лояльней, но не более того.

В Москву меня привело важное дело. Два года назад, после окончания семинарии, я
получил приход в городе Ломоносове, бывшем Ораниенбауме. Там в мое ведение попала
церковь, построенная еще светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым.
Храм был сильно порушен, и я с рвением взялся за восстановление...

Примерно в то же время в городе появился молодой предприимчивый мэр, он же мест-
ный предприниматель. Ему сильно приглянулось место, на котором стоит храм. Мэр издал
указ, по которому церковь решено было снести и отдать землю под строительство магазина.

Я сообщил о сем безобразии благочинному – отцу Филиппу. Однако в мэрии все без-
оглядно и безрассудно подчинялись мэру, и нам не удалось никого переубедить. Тогда мы
пошли к митрополиту. С его помощью снесение храма удалось временно предотвратить, на
уровне губернатора. Губернатор, правда, тоже был продажной сукой, что чутко ведет носом
в поисках «где выгодней». Речь шла даже не о деньгах – он желал удержаться в струе, а
струя была мутной... Словом, в любой момент губернатор мог отменить распоряжение. Спа-
сти храм мог лишь один человек – патриарх, с которым обещал переговорить митрополит.
Однако я отклонил это предложение и намеревался сам пообщаться с Алексием. Я посчитал
своим долгом лично бороться за храм, а не чужими руками! Митрополит удивился, но бла-
гословил мою поездку в патриархат.

Тогда мне было двадцать восемь. Выглядел я, правда, старше благодаря темной бороде.
Я гордился, что я священник! Черный подрясник, на шее серебряный крест на витом шнурке,
на ногах ичиги, на голове – скуфья. В руке – спортивная сумка. Таким меня и увидел таксист.

На площади трех вокзалов царило обычное утреннее оживление. Машины ездили туда-
сюда, и толпы людей двигались во всех направлениях. Сновали бомжи и крикливые дети гор,
прогуливались полицейские патрули, невдалеке компания распивала винишко, а на дороге
стояла девица в коротком красном платье, делая вид, что «голосует машинку». В воздухе
физически ощущалась жажда наживы, запах грязного белья витал в атмосфере. Такой мне
увиделась столица на пороге ворот, которыми для меня явился Ленинградский вокзал. Я
знал, что Москва – она совсем не помойка, здесь есть прекрасные парки с чистым воздухом,
потрясающие музеи, не имеющие мировых аналогов, самые дорогие в мире магазины, вели-
колепная архитектура и фееричная Тверская, а главное – тут живут люди, которых нигде не
встретишь, кроме русской столицы.

– Здравствуй, Москва, – отдал я дань Пафосу, после чего переложил сумку в другую руку и огляделся.

Уже знакомый мне таксист скучал неподалеку, лузгая семечки и проглядывая толпу пассажиров наметанным взглядом. Я подошел, и в его глазах промелькнула радость.

– Как ваше имя? – спросил я.

– Леха я, – нарочито небрежно протянул таксист, пряча свое оживление.

– Значит, Алексей. Алексей, меня зовут отец Борис. И мне нужно попасть на Таганку. Точный адрес скажу. Это далеко?..

Я совсем не ориентировался в столичных расстояниях, оставалось уповать на порядочность таксиста. Он мог меня повезти на Таганку как через Измайлово, так и через Садовое кольцо. В первом случае ехать полдня, во втором – минут 10–15, если без пробок. Соответственно, и оплата проезда разная, не автобус ведь...

Таксист размышлял, на лице его я наблюдал отражение борьбы его внутреннего хапуги с честью частного извозчика.

– Обещаю вас возить не более получаса, – изрек он наконец с ухмылкой. – Договорились?

* * *

Я вошел в парадные двери гостиницы через 36 минут. Сей дом временного поселения был рекомендован мне благочинным и находился прямо напротив храма Мартина Исповедника. Филипп был так любезен, что забронировал мне номер и дал денег на оплату. В первую очередь нужно было заселиться и записаться на прием к патриарху. Алексей Второй, благословенны его труды, знает, на какие рычаги надавить, чтобы прижать богонеприимцев! С этой мыслью я пересек уютный чистенький холл и приблизился к стойке портье.

– Чем могу служить? – поднялась мне навстречу девушка лет двадцати, с милым лицом. Природный румянец на щеках, пухлые губки, задорный взгляд карих глаз. Девушка меня не взволновала как мужчину, я просто отметил внешнюю миловидность. Так же, как чуть позже разглядел и внутреннюю красоту портье. Я уже научился сдерживать порывы плоти. Впрочем, возможно, это мне только казалось...

– Мне забронировали скромный номер, – ответил я после секундного молчания.

– Скажите фамилию?

– Радостев... Борис.

– Да вы что!.. – удивилась портье и более внимательно оглядела меня.

До сего мгновения я являлся в ее глазах просто клиентом, но сейчас стал объектом явно другого вида внимания. Какого именно, понять было сложно. Девушка проглотила вопрос, склонилась над журналом регистрации, черкнула галочку.

– Документ! – попросила немного возбужденно.

Я достал из сумки и подал паспорт. Портье его взяла, пролиставла ухоженными пальчиками и все-таки озвучила невысказанный вопрос:

– Отец Бориска, а вы ведь учились в Московской семинарии!..

Девушка не выговаривала букву «р», проще говоря, картавила. Мозг отметил это автоматически, пока мое сознание отдавало дань изумлению.

– Да... – ответил я с паузой. – Я учился здесь один год. После оформил перевод ближе к дому...

Девушка смотрела на меня заворуженно, так смотрят на икону. Мне стало неловко.

– Вы учились с Шустриковым Виталиком! – сказала она утвердительно.

Я хорошо помнил Виталия. Толстый весельчак, голову коего постоянно туманили шутки и прибаутки. По окончании курса ректорат сделал вывод, что Шустриков – отличный

студент, но для священника слишком несерьезен, согласно душевной своей конституции. Поэтому как духовный лидер он бесполезен. Меня поразило, что взрослый мужчина плачет из-за отчисления. Тогда я пошел в ректорат и доказал, что священник с природным чувством юмора – это гораздо лучше, чем священник без оногo...

– Да, – ответил я. – Виталий один раз мне здорово помог. Я написал курсовую работу «Русская Православная Церковь в годы ВОВ», но не смог найти доступную моим средствам машинистку, а Виталий...

– Виталик попросил меня перепечатать три тетрадки – тот самый ваш курсовик! – воскликнула портье. – Я его родная сестра. Виталик сказал, что он ваш должник и это самое малое, что мы можем для вас сделать!

Личное участие в судьбе студента Шустрикова я не афишировал. Но, вероятно, добро не может быть безликим, и тайное становится явным, хочешь ты сего или нет. По Божьей воле.

– Мы вроде встречались... – улыбнулся я. – Тогда вы были совсем ребенком... Кажется, вас зовут Эвелина?

– Эльвира! Мне тогда было пятнадцать!.. – Портье придвинулась к стойке и шепнула: – Ваш курсовик я запомнила навсегда! Он – шедевр православной литературы!..

– То же самое сказал мой преподаватель – архиепископ Амвросий, – успел ответить я, прежде чем покрылся краской смущения. На расстоянии полуметра от моего лица находилось лицо девушки. Я чувствовал ее нежный запах и ощущал трепет тонкой кожи. Глаза Эльвиры сияли, а ароматные губки подрагивали. Я почувствовал, как у меня под рясой вырастает, так сказать, гормон счастья и замер, пытаюсь справиться с греховным проявлением.

– Вот так встреча! Я вас хотела увидеть еще тогда, но вы уехали... – лукаво улыбнулась портье.

Мое смущение она наверняка почувствовала. Я опустил глаза и уперся взглядом прямо в эротичную ложбинку декольте. Ложбинка благоухала и манила ткнуться в нее носом. Это было чересчур! Я глубоко выдохнул, кляня про себя свою самцовую сущность.

«Именем Божьим, заклинаю! Уйди, похоть», – мысленно произнес я несколько раз. Помогло. Сердце стало биться медленней.

– А Виталий где сейчас? – спросил я спокойно.

Портье уловила мою внутреннюю перемену. В ее глазах мелькнуло сожаление.

– Виталик служит в храме на Покровке! – бойко сказала она, отстраняясь.

Повисла пауза. Передавать дежурные приветы было неудобно, а Эльвира расспрашивать далее не спешила. Так мы стояли друг против друга и молчали.

– Сейчас я вас оформлю, – наконец вымолвила портье несколько расстроено, как мне показалось. Она села и принялась старательно заполнять учетную карточку клиента.

2. Православная любовь и ненависть

Кровать, тумбочка, стол и два стула. На столе – пустой графин и два стакана. Душ в номере, но туалет общий, в коридоре. Мой номер. Через окно второго этажа виден величественный храм, во дворе его три пасхальных яйца, каждое в полтора человеческих роста. Храм Мартина Исповедника, где мне вскоре начертано было стать предстоятелем. Почему вообще я стал священником?.. Мои родители – обычные учителя, мама преподавала русский язык, отец – историю. Интеллигенты. Пойти по их стопам мне помешала дворовая компания и юношеское представление о грехе как о крутости. Я погряз в воровстве и распутстве. Бог миловал, и в тюрьму я не попал. Зато попал в армию, которая, как родные надеялись, должна была изменить меня в лучшую сторону. И сам я надеялся тоже.

В армии я повзрослел. Вернувшись на гражданку, поступил в институт, на исторический. Я не хотел работать руками, значит, надо было учиться. Но я набил морду декану, который был гомосексуалистом и хотел меня «склеить». Меня без разбирательств вышвырнули из вуза. Я лежал и плевал в потолок, жизнь потеряла смысл. Однажды на улице я увидел, как пять отморозков в разноцветных чулках на головах избивают мужчину в черном платье, с бородой и с крестом на груди. Они свалили бородача на пыльный асфальт и пинали ногами. Яростно, со всей силы и зло!

– Эй, отойдите от мужика! – крикнул я.

Чулочники не вняли. Мне пришлось одного из них оттолкнуть от жертвы. Тогда вся шобла набросилась на меня. Я служил в разведке армейского спецназа, там меня научили драться. Через несколько секунд трое засранцев слабо шевелились на асфальте, а двое убежали. Я помог бородачу подняться и сказал, что за его побои ублюдки заплатили.

– Ты не прав, – слабо улыбнулся бородач. – Они не ублюдки, а хорошие люди, зря ты на них так. И бить не надо было.

– Какого хрена? – не въехал я. – Мне, в смысле, их вернуть обратно?

– Блаженны плачущие, ибо они утешатся², – ответил бородач и потерял сознание.

Я вызвал «Скорую помощь» и отвез странную жертву в больницу. Мне было нечего делать и не к чему стремиться, и я чисто ради убийства свободного времени навестил спасенного.

Так свел я знакомство с отцом Филиппом, благочинным протоиереем, то есть главным священником нашего города. Шел он из храма не торопясь, когда из подворотни нарисовалась православная ненависть в лице пятерых громил с чулками на головах и уложила протоирея сначала на асфальт, а потом на больничную койку.

Через две недели Филипп вышел из больницы, а я начал новый путь. Разыскивать чулочников, чтобы извиниться, я все-таки не сподобился, но и ублюдками их называть перестал. Совершил первый подвиг: бросил сквернословить, а немного позже – курить. Филипп мне открыл чудесный, ни на что не похожий, поразительный мир Иисуса Христа. Мир, наполненный добротой, улыбками и любовью к окружающему миру. За последующие два месяца я одолел «Новый Завет», а потом Филипп предложил поступить в семинарию. И лучше в московскую. Я сдал на отлично все вступительные экзамены... Правда, через год пришлось оформить перевод в семинарию Санкт-Петербурга, поближе к враз занедужившим родителям. Но вот я снова в Москве и скоро увижу самого патриарха Алексия...

Я прошелся по номеру, потом достал из сумки «вещи первой необходимости»: зубную щетку, Библию, запасную пару трусов, будильник, икону Спасителя, крем для рук, гребень и стеклянную литровую бутылку с водой. Будильник и икону я поставил на тумбочку, Библию, крем для рук и белье положил в тумбочку, сумку прислонил к тумбочке. Закончив, я выпил полстакана водички, стянул рясу и направился в ванную – омыть тело.

3. Запись к патриарху

– Слушаю, – ласково произнесла телефонная трубка мужским голосом.

– Добрый день, – сказал я для начала. Получив ответный вербальный жест вежливости, продолжил:

– Меня зовут Борис Радостев. Я священник и хочу записаться на прием к патриарху Алексию.

– По какому вопросу? – нежно шепнула трубка.

Я глубоко выдохнул и произнес, тщательно и веско выговаривая каждое слово:

---

² Мф. 5:4.

– Я желаю спасти свой храм постройки первой четверти восемнадцатого века! Его грозят снести наши местные чиновники! Я уже прошел все светские и церковные инстанции!.. Но лишь патриарху под силу разрешить вопрос в пользу Церкви!

Телефонная трубка умолкла на несколько секунд, в ней слышалось задумчивое дыхание.

Сцена разыгрывалась у стойки портье. Минуту назад я спустился сюда и попросил разрешения позвонить по гостиничному стационару. Был 2000 год, и мобильные телефоны были доступны немногим. Эльвира, занятая регистрацией новоприбывшего постояльца, одарила меня милой улыбкой и молча выставила телефон на стойку. Большого внимания я не удостоился.

– Подождите минутку, отец Борис, – попросили, наконец, в трубке. Послышались неясный говор и шуршание бумаг.

Портье положила на стойку учетную карточку и ручку. Сказала приветливо новому постояльцу:

– Распишитесь, добрый молодец!

Приятно смущенный краснорожий дядька чиркнул закорючку и подхватил с пола объемный чемодан без колесиков. Портье подала ключ, подмигнула:

– Номер 204! Надеюсь, вам понравится в сих чертогах!..

– Я тоже надеюсь... – пробормотал дядька, схватил ключ и удалился.

Портье села, но сразу же встала. Поправила кудрявый локон, глянула на меня призывно. Мне показалось, что она хотела ко мне наклониться, но сдержала порыв. Вполне возможно, отрезвленная моим испуганным взглядом.

– Отец Бориска, вам как в рясе, а?.. Не жарко? – лукаво спросила Эльвира, недвусмысленно проиллюстрировав контекст улыбкой с милой ямочкой на щеке. – Меня мучает элементарное любопытство! Брат по данному поводу лишь отшучивается...

Собрав волю в кулак, я решил игнорировать подтекст и отвечать по сути.

– Нет, телу очень просторно, – улыбнулся я в ответ. – То же самое ощущение, что и в платье. Тело дышит.

– Да-да, понятно! – покивала девушка, обмазывая меня восхищением, будто пирог кремом. Давненько меня не посещали столь вкусные ассоциации... «Дар Божий или подстава сатаны?» – задался я вопросом.

– Отец Борис! – ожила телефонная трубка. – Меня зовут отец Андрей. Я иеромонах, секретарь патриарха...

Слышимость была отличной. Портье склонила голову набок, глядя на меня с полуулыбкой.

– Очень приятно, отец Андрей! – воскликнул я, оробев.

В Церкви, конечно, все равны – перед Богом. Но иерархия среди священства есть, и не просто есть, а начинается от Иисуса Христа. Проще говоря, секретарь патриарха для служителя – то же самое, что секретарь президента для обывателя.

– Мне тоже приятно... – с паузой ответила трубка. – Я могу записать вас к патриарху на послезавтра.

– Хорошо, – смиренно отвечивал я.

– Тогда до четверга. Вы записаны на 12 часов. До свидания...

Я положил трубку и осторожно, стараясь сделать это незаметно, выдохнул. Постоял молча, не поднимая глаз и запоминая время. В животе заурчало, я воспринял это как руководство к действию и начал смущенно:

– Скажите, Эльвира...

– Зовите меня Эля, отец Бориска! – звонко поправила девушка. Она изучающе смотрела на меня, пытаясь определить причину смущения.

– Хорошо... Эля, где я могу перекусить?

Священники – удивительные люди. Они не стесняются носить странную для большинства одежду, но смущаются озвучивать естественные потребности. Я был уверен, что эта мысль промелькнула у нас обоих одновременно.

– В гостинице есть ресторан! Сто баксов, и целый день сытый! – выдала девушка без раздумий.

Мне стало неловко, что я бедный человек. Чувство возникло неожиданно и не пропадало. Разделаться с ним так, как я разделался утром с похотью, не хватало духовных сил. Я замялся и, кажется, покраснел. Эля все поняла правильно:

– Но... хороший повар сейчас в отпуске, и лучше в ресторан не ходить, – милосердно сказала она. – В трехстах метрах отсюда есть классное кафе. Прямо на Таганке! Выйдите на улицу перед храмом Мартина Исповедника и направо... до магазина «Звездочка», в этом же здании и кафе. Запомнили?

– Да, – кивнул я.

– Там вкусно и... дешево! – лучисто улыбнулась девушка.

– Спасибо, Эля! Ну... я пойду?

Выглядел я сейчас смешнее некуда: не нашел лучшего выхода из ситуации, чем задать тупой вопрос.

По счастью, меня ощутимо толкнули в бок. Хамом оказался крепколобый, коренастый человек с решительным лицом. Полностью лысый, с тяжелыми руками.

– Здравсте! – буркнул он портье, потеснив меня у стойки.

– Здравствуйте, господин Сивушов! – ответила Эля со скучной казенной гримасой.

– Приятного аппетита! – кивнула она мне с теплотой и снова кисло улыбнулась постоянно:

– Желаете молвить?

Я пошел к двери. Из-за спины доносился сердитый голос:

– Я как честный кинопродюсер, привыкший к комфорту, буду жаловаться вашему начальству на недопустимые условия проживания. Сегодня утром...

4. Находка

Нужное кафе я нашел без проблем. Оно находилось на втором этаже двухэтажного белого особнячка и было скорее столовой комплексных обедов. Обстановка несколько «совковская»: фанерный стол с подносами, горка с вилками-ложками, касса с кассиром и два окошка – одно для раздачи, другое для грязной посуды. Чуть в стороне в этом же помещении ютилась стойка-магазин с напитками навынос, барменом и сигаретами.

У окна выдачи обедов наблюдалась небольшая очередь. Это позволило мне вдумчиво прочитать меню, которое стояло на специальной подставке и было написано от руки.

МЕНЮ

1-й комплексный обед

- 1) Суп гороховый.
- 2) Картоф. пюре с рыбой.
- 3) Какао.
- 4) Хлеб, 2 кус.

2-й комплексный обед

- 1) Суп с лапшой.
- 2) Лапша со шницелем.
- 3) Чай.
- 4) Хлеб, 2 кус.

Я сунул поднос в окно выдачи, поднял глаза и увидел раздатчицу, разбитную бабу лет пятидесяти. Выглядела она до ностальгичного мрачно. Судя по искривившей полное лицо ухмылке, советской тут была не только обстановка, но и обслуживание. Я любезно улыбнулся:

- Будьте добры, комплексный обед номер один.
- Последний только что забрали, – равнодушно просипела баба.
- Давайте тогда второй обед, – вздохнул я. – Но, если можно, без котлеты.

Раздатчица подтянула разнос к себе и выдала сварливо:

- У нас не котлеты, а шницели.

- А разве шницель – это не котлета? – зачем-то полез я на рожон.

– Нет, – кратко ответила баба, наливая суп из невидимой мне посуды. Бухнула тарелку на поднос. Немного подумала и закончила мысль: – И цена у них разная.

Я вспомнил, что я священник, и отпустил на волю свою гордыню:

– Хорошо, пусть будет по-вашему... Не могли бы вы мне дать второе блюдо без шницеля?

– Не могу! – отрезала раздатчица, подвигая ко мне заполненный едой поднос. – У нас комплексный обед, а не ресторан.

Ничего не оставалось, как взять поднос и отойти. Меня догнал ехидный вопрос:

- Думала, святоши питаются одним Святым Духом. Ан нет, тоже пожрать любите. Да?

– Если вы желаете вывести меня из себя, то у вас не получится! – ровно разъяснил я, остановившись, но не поворачиваясь.

- Да пошел ты на хрен! – взвился голос раздатчицы.

- Прости тебя Господь, – степенно произнес я и отошел к кассе.

– Я не нуждаюсь в Его прощении! – ударил в спину вопль. – Он забрал у меня сына! Слышишь ты, чертов святоша?!

Я все-таки обернулся. Раздатчица высунулась из своего окошка прямо перед носом сконфуженного юноши в очках. Выкрикнув непечатное ругательство, баба погрозила мне кулаком и втянулась обратно.

Люди теряют близких, вместе с ними теряют и веру. Так бывает. Они не хотят понять, что Господь творит только добро, а смерть родного человека, причем несправедливая, с нашей точки зрения, не Его рук дело. Другой вопрос, что Бог это допускает. Однако, в конце концов, Он наделил нас свободой самоопределения и не может слишком часто вмешиваться в человеческое бытие, иначе Его план насчет людей потеряет смысл.

Я рассчитался на кассе и с подносом в руках направился в обеденный зал, выискивая глазами пустое место. Сделал шаг, второй, третий... На четвертом я столкнулся с человеком, который вынырнул сбоку и ткнулся в мой поднос. Мой обед закачался, суп расплескался, лапша просыпалась, компот пролился... Человек мгновенно оценил ситуацию, и его сухие ладони твердо легли поверх моих задрожавших рук. Таким образом, большая часть еды была спасена.

Моим недоуменным очам предстали проницательные глаза, изящный жесткий рот, гладко выбритый подбородок... Незнакомец был примерно моего роста. Мы разглядывали друг друга пару секунд, потом он сказал с легкой ухмылкой:

– Прости меня, святой отец! – подмигнул, отпустил мои руки и отошел к бару. Я глянул вслед и заметил, что он одет в комбинезон абсолютно синего цвета. Человек подошел к стойке магазина и попросил у бармена:

– Дай-ка мне, приятель, бутылку кваса! И не открывать, строго с собой!

Свободный столик я нашел. Разгрузился и за десять минут съел все, кроме котлеты. Я находился в добровольном посту в связи с поездкой к самому патриарху, а пост не допускал вкушания мяса. Но не пропадать же добру?.. Котлету можно отдать божьему или бездомному животному. Я допил чай и завернул котлету в салфетку. Немного посидел, отдыхая от еды и бездумно скользя взглядом по залу.

Странно, но за время моей трапезы ни один человек не изъявил желания сесть рядом. Зал переполнен, мой же столик самый ближний к кассе. Неужто я такой страшный в своем наряде и с бородой?.. Я улыбнулся, встал и, подхватив поднос с грязной посудой и котлетой, хотел понести его к окошку. Нога моя зацепилась за боковой стул, чуть выдвинув его из-под стола. На спинке стула висела изящная подозрительная труба на кожаном ремешке. Где-то тридцати сантиметров длиной, без футляра. Отставив пока поднос, я ощупал и внимательно осмотрел сей прелюбопытнейший предмет. Было ясно, что забытая посетителем труба – антиквариат, представляющий немалую ценность. Осмотр окрестностей мало мне помог, но натолкнула на мысль подойти сначала к кассиру, а после к бармену в магазине напитков.

– Скажите, пожалуйста, вы возвращаете потерянные вещи? – спросил я на кассе. Поток посетителей схлынул, и кассир с удовольствием разглядывала свои красивые длинные ногти.

– Вы что-то потеряли? – спросила она, не поднимая глаз.

– Нет, нашел и хочу вернуть...

Кассир подняла подведенные очи, лениво провела взглядом по моей руке с раритетом и выдала, зевая:

– У нас пункт питания, гражданин, а не пункт приема потерянных вещей. Вам нужно обратиться в ментуру.

– А где ментура, не подскажете? – спросил я с надеждой.

– Не подскажу. – Кассир дернула плечиком. – Ни разу не было нужды туда обращаться.

С барменом разговор вышел гораздо короче: он с ходу предложил мне за найденный антиквариат 20 долларов, а когда я отрицательно качнул головой, потерял ко мне интерес.

* * *

Дорогу в «ментуру» я разуживать не стал, так как внезапно меня обуяло любопытство. У широкого края подозрительной трубы по периметру шла выбитая надпись. Золотые буквы были вкраплены в красное дерево.

– Грехи Москвы?.. Нет, Мо-ско-ви-и. Грехи Московии?! – удивился я, прочитав по слогам и осознав, что надпись сделана на персидском языке, который я учил с целью концентрации воли и внимания.

Любопытство не оставляло меня. Промелькнула, правда, мысль о малодушии, но я постарался ее не заметить. Как позже выяснилось, малодушие в моих действиях и не было, а был Божий промысел. Я купил пакетик у бармена, завернул в него находку. Вернулся в гостиницу. Элю я не видел, точнее – не увидел, и о ее реакции рассказать не получится. Моя голова была занята найденным прибором.

Я закрыл дверь номера на полный оборот ключа, сел на кровать и рассмотрел прибор, осторожно трогая его длинными пальцами с аккуратными подстриженными ногтями. Я ухаживал за руками, осознавая, что руки священника – важный инструмент Господа. Руками держат Библию, ими причащаются и их дают целовать прихожанам.

– Грехи Московии!.. – вновь пробормотал я, вновь и вновь проводя кончиком указательного пальца по слегка выступающим буквам надписи. – Что это значит?.. Может, ответ внутри?..

Я поднес подзорную трубу к правому глазу и увидел в объективе кипенно-белую стену с ровными рядами окон, завешенных аккуратными черными шторами. В подушечках пальцев ощутил покалывание, словно их проткнули мелкие иголки. Это было скорее приятное, нежели болезненное.

– Ничего себе ответ! – вскричал я, машинально отдергивая прибор от лица.

И вновь перед глазами гостиничный номер. Неведомая стенка исчезла.

Я совершил ряд тех самых действий, кои совершают люди, узревшие нечто не поддающееся пониманию: потряс головой, сглотнул и выдохнул, тупо посмотрел на находку, огляделся кругом. Вероятно, это рефлекс, заложенный в теле каждого человека на генном уровне. Алгоритм действий прописал, конечно, Бог. Универсальный...

Находка не кусается, но показывает странные вещи. А может, это вполне себе чудо?.. Нельзя про чудо сказать – почему же это чудо. Его можно только принимать как данность и наслаждаться им.

– Попробуем... – с надеждой сказал я и вновь приставил прибор к правому глазу. Опять проступила кипенная стена с множеством окон за черными занавесками. Я приподнял окуляр, устремляя его к потолку... повернул вправо и влево... наклонил к полу – кипенная стена тянулась в окуляре беспрерывно и ровно, как будто объектив застыл неподвижно.

Казалось, что я окружен невидимой стеной!.. В общем, так и было. Встань – и наступишь на окно, недоступное невооруженному глазу. Я действительно встал и сделал неуверенный шаг вперед, глядя в окуляр. Пальцы скользнули по надписи, и... буквы крутанулись вокруг своей оси. Надпись оказалась резным кольцом из металла, скрепляющим части прибора. Послышался негромкий щелчок. Я увидел близко-близко одно из окон, занавеси на нем исчезли, будто убранные невидимой рукой... И вот передо мной комната, посреди коей стоит круглый обеденный стол, покрытый сиреневой скатертью. За ним восседали три человека: мужчина, женщина и сын. Семья!

Семейка уродов

Комната, по всей видимости, являлась обеденным залом, что подразумевало наличие еще в доме кухни, где еда прежде готовится, очевидно, кухаркой. На столе стояли: торт, вазочка с шоколадными конфетами, маленькая бутылка дорогого вина и кофейник, на углу лежали сигареты и спички.

Картина напоминала идиллию, если не брать во внимание черные шторы, ее оттеняющие. Не сразу я заметил, что все в этой довольно богатой комнате было увешано железными замками и цепями. Телевизор, часы на стене, ковер на полу, шкаф-сервант с бонбоньеркой и даже стулья были соединены со стеной, батареей и полом с помощью железа. Явно чтобы не украли. Странный и дикий гротеск, пока непонятный...

Вовик внешне являлся классическим терпилой: понурый взгляд, таящий слабые остатки бывшего бунтарства. Сутулые плечи. Немного неуверенные движения – перед собственным движением секундная пауза. Лет ему около тридцати – тридцати трех.

Алиса – это конкретно купчиха. Лет сорок, такая самодовольная стерва. Повадки и тон голоса под стать барственному взгляду.

Гоша – мальчик лет двенадцати, рассудительный негодяй.

За столом стоял еще один стул, пока пустой. Мужчины уплетали торт за обе щеки, слышалось жадное чавканье. Женщина то нервно постукивала вилкой, то нетерпеливо смотрела на наручные часы, ее кусок торта лежал на фарфоровом блюде нетронутый. Наконец она сказала резко:

– Гоша, не чавкай!

– Я ем как умею! – тут же отозвался малолетний хам. – А если тебе не нравится мое чавканье, можешь выйти и... жрать где-нибудь в другом месте!..

– Кто дал тебе право мне грубить? – удивилась Алиса. Не медля, она перегнулась через стол и ловко схватила мальчишку за ухо.

– А-ай! – взвизгнул Гоша и предпринял безуспешную попытку вырвать ухо из цепких женских пальцев. – Ах ты!.. А-ай!..

– Проси прощения, сопляк! – с ненавистью сказала Алиса.

– Не буду-у!.. А...

Ухо повернулось еще немного.

Вовик с усилием прогнал испуг из глаз и оттащил женщину:

– Ну довольно!

Алиса пренебрежительно скривила губки и рассмотрела алеющую на руке свежую царапину.

– Маленький негодяй! – бросила она презрительно в сторону Гоши. – Отрастил ногти, как у коня!..

– У коней нет ногтей, дура... – зло ответил пацан, держась за оттянутое ухо. Без слез, сухо.

– Молчи, сволочь! Лучше молчи... – с ленцой протянула Алиса и добавила ехидно: – Вот возьму и выгоню тебя и твоего никчемного папашку на улицу. Тогда выяснится, кто дура!

– Эй, Алиса, а ты это чего? – удивился терпила Вовик. – Мы женаты десять лет! И не надо болтать... ерунду при Георгии. И так у нас не семья, а черт-те что!

– Когда-нибудь я это сделаю! – торжественно изрекла женщина. – Приструни своего долбаного придурка, а сам прикуси язык. Забыл, откуда я вас достала? Я напому!

Вовик растерянно глянул на Гошу – тот насмешливо ухмыльнулся в ответ. «Что, папка, как она тебя», – так и говорил взгляд мальчишки. Под этим взглядом бунтарские гены десятилетней давности взыграли, и мужчина замотал рассерженной головой, тяжело задышал и громко хлюпнул носом, накручивая себя:

– Ты... ты...

– Мерзавка, – спокойно уронил пацан.

Вовик словно получил команду «старт!».

– Ты... – зарвавшаяся стерва! – Он вскочил и, как каждый неуверенный в себе человек, стал брать криком: – Ты пос-то-ян-но грубишь моему сыну, а меня оскорбляешь и контролируешь! Не сплю ли я с уличной женщиной!.. А сама... не-де-ля-ми пропадаешь в ресторанах и в Греции с волосатыми мужланами! Зачем я на тебе женился? Чтобы быть терпилой?.. Ты... ты... вот ты возьми и оглянись: вот как мы живем целый год благодаря Денису! – Вовик повел дрожащей ручкой кругом, наглядно демонстрируя! – Он... он продает из квартиры ценные вещи! Но ты!.. Ты его до сих пор одеваешь в бутиках – брючки, рубашечки, курточки... А дверные замки не сменила! А я тебе говорил!

Вовик стих так же внезапно, как и вспыхнул. Глянул свысока на злорадно ухмыляющегося Гошу, неловко опустил на свое место и скушал кусочек торта. Словно желая закончить речь, он произнес тоном обиженного ребенка:

– А сегодня я узнал, что ты все наше имущество записала на Дениса!

Алиса выслушала тираду равнодушно, а в ответ на последние слова вальяжно погрозила мужу пальчиком.

– Мое имущество. Здесь, в семье, все мое... – протянула она, гнусава, и уперлась насмешливым взором в мужнино лицо. Помолчав, добавила без торопливости, методично перечисляя то, что низводило Вовика до ничтожества: – Когда мы поженились, у тебя не было даже зубной щетки! А только трехлетний толстый пацан, – тычок в Гошину сторону, – который превратился в такого же халявщика!.. Тебе ли предъявлять мне обиды, когда ты

живешь за мой счет?! Телевизор, который ты смотришь, еда на столе, да и сам стол!.. Посуда, шторы, постельное белье... Кровать, на которой ты меня пытаешься любить раз в декаду, потому что чаще у тебя не алле! Машины, магазинный бизнес, счет в банке, дом на Рублевке, вилла в Греции – все мое и только мое! Да о чем я, вашу мать?! – рявкнула Алиса, распалившись. – Когда даже семейные трусы, в которых ты носишь свои... миллиметры, покупаются на мои деньги!..

Она отпила вина, достала из пачки длинную сигаретку и чиркнула спичкой.

Мужчина скуксился. Казалось, что он сейчас заплачет. Пытаясь скрыть свое состояние, он взял конфету из вазы, деловито зашелестел оберткой. Повисла пауза, предвестник смерти спора, исчерпавшего жизненную подпитку. Однако Гоша, как и подобает злобному сопляку, успокоиться не захотел.

– Пап, ты бы врезал ей, чего она тебя унижает? – бросил мальчишка как бы между прочим, отрываясь от торта.

Вовик засунул конфетку в рот и заметил сквозь жевок:

– Я тебя замуж не тянул, Алиса! Сама под меня легла...

– Ха-ха! – вслух рассмеялась купчиха. – Тяму не хватило бы тянуть, с такой рожей и достатком!.. Я вышла за тебя потому, что увидела в тебе мужчину с большими задатками. А ты оказался не то что мужик или баба – ты ОНО: мягкая, рыхлая, бесформенная масса, не работавшая ни дня после свадьбы!

– Ты сама посоветовала уйти из школы, где я работал! – запальчиво возразил Вовик. – Мол, уделяй все время творчеству... И я тружусь не меньше, чем ты!.. Просто мои рассказы плохо покупают...

– Хе-хех, твою писанину вообще не покупают! И я была права, когда требовала бросить школу, зарплаты в которой не хватит на обед в приличном кафе. Не говоря о ресторане...

Терпила поймал ехидную ухмылку сына и выдал самодовольно:

– Но рассказы будут покупать! Я пробьюсь в мировую литературу!

– Ты твердишь это с тех пор, как заполучил в загсе штамп. Я тебя читала и вот что скажу... Мировая литература и дальше будет жить без нищebroда Вовика и ничего не потеряет! Ты поверь... – проворковала Алиса, небрежно задавила окурок в пепелке и с милой улыбкой глотнула вина.

Гоша произнес с издевкой, на всякий случай отодвинувшись от стола подальше и зажав уши руками:

– Твоего сыночку завтра скушает кокс. А послезавтра ты сама... сдохнешь от горя. Если сегодня не сдохнешь от злобы... Правда же, пап?

Алиса растерянно глянула на мужа и пасынка: она не привыкла пропускать удары. Вместо знакомых лиц на нее смотрели рожи чертей. Женщина испуганно вздрогнула. Наваждение прогнал стук терпильского кулака о стол:

– Все! Довольно склок! Сегодняшний план по скандалам мы выполнили.

– Пап, кстати, ты и я – единственные наследники! – невозмутимо продолжил Гоша. – Когда она и ее сыночка откинут копыта...

Тут же мальчишка получил несильный шлепок по загривку и предупреждение:

– Слы-шишь меня, Георгий?..

Если бы Гоша мог выражать витиеватые мысли – то он сказал бы примерно следующее: «Типа, я, конечно, замолчу, но мое молчание ситуацию в целом не спасет, пап...» Но в 12 лет такие мысли не выражаются, они ощущаются – не более.

– Я тебя слышу, – согласился Гоша.

Алиса подлила вина дрожащей рукою, поднесла бокал к губам и вместе со стулом повернулась к двери.

– Денистик! Ты так тихо зашел... Мы ждем тебя целый вечер, сыночка...

На пороге стоял очень худой и бледный юноша лет 20. Глаза его суетливо бегали.

– Утром едем в клинику, помнишь?.. – участливо спросила Алиса и нахмурилась: – И где же курточка? Я же утром купила тебе курточку за семьсот долларов. Опять...

– ...пустил по вене! – закончил Гоша со смехом.

– Бабло! Сто зеленых! Ты их дашь!.. – прошипел Денисик и с неприязнью глянул на мать.

– Сыночка... – ласково сказала Алиса, подходя к наркоше. – Выпей травяного чая и ложись спать.

– Мне нужна доза! Дай сотку, пойду затарюсь! – повторил парень и вяло оттолкнул мать.

– Нет! – твердо возразила Алиса. – Доктор предупредил, чтобы больше я тебе не потакала! Он дал успокаивающие таблетки, которые смягчат синдром абстиненции, – продолжила она уже ласково и порылась в кармане халатика, выискивая упаковку таблеток.

– Меня ни хрена не вставит, только коке!..

– Да ладно!.. – заржал Гоша.

Денисик молча и быстро метнулся к столу. Схватил вилку, а другой рукой взялся за волосы сопляка, приставил вилку к его горлу и твякнул:

– Живо сотку, курица! Или я проткну твоего пасынка!

Первым среагировал Вовик. Он вскочил и прыгнул к наркоману:

– Денис! Отпусти моего сына! Немедленно!

– Стой на месте, Вовик-гад! – крикнул парень и так сильно прижал вилку к Гошиному горлу, что на коже проступила кровь.

– А-а! – в ужасе заверещал Гоша.

Вовик тормознул, в бессилии затоптался на месте.

– Ну... дай ты этому психу деньги! – попросил он плаксиво жену. – Если он убьет моего сына, я за себя не отвечаю!

Алиса с жалостью смотрела на Дениса, нервно покусывая нижнюю губу. Наконец она достала из лифчика ключики и протянула их мужу.

– Иди, открой мой сейф. Возьми сто долларов и принеси!

Вовик выхватил ключи и выбежал из обеденного зала. Алиса проводила его взглядом и произнесла спокойно и по-деловому:

– Все, Денисик, убери вилку! Видишь, Вовик пошел за деньгами.

– Как принесет бабло, так и... – тяжело выдохнул несчастный.

Алиса присела, выпила вина и закурила. Сказала умиротворяюще:

– Если ты зарежешь маленького кретина, тебе дадут срок. Наверняка. Через десять часов доктор начнет лечение! Два месяца, и ты здоров!.. Станешь солидным юношей, будешь вместе со мной управлять делами... А, сыночка?..

Женщина закинула ногу за ногу, обнажив красивую коленку. Неприязненно мазнула взглядом по лицу молча плачущего Гоши.

– Мам, я ща ниче не вкуриваю! – захныкал наркоман. – Все потом, когда вмажусь... Утром порулим к доку, обещаю... Но прежде дайте мне, дайте же!

Вбежал Вовик, протянул Денису зеленую купюру, процедил презрительно:

– Иди, колись! И отпусти Георгия!

Наркоша исполнил, отшвырнул вилку, схватил деньги и рванул к выходу.

– Секундочку, сыночка! – зло прошептал Вовик, крепко взял пасынка за плечо и развернул к себе. Правая рука его прыгнула в карман халата и достала оттуда револьвер двадцать второго калибра. Ствол ткнулся в кадык парню, грохнул выстрел. Денисик без стонов завалился на ковер, стукнувшись затылком о цепь.

– Мой револьвер?.. Что ты наделал... – только и успела выдать Алиса, прежде чем муж разрядил в нее всю обойму.

Вовик положил оружие на стол и грустно посмотрел на сына:

– Так-то, Георгий... Больше терпилой быть не хочу. Осуждаешь?

Сын внимательно изучил мертвую мачеху, завалившуюся на спинку стула, и ответил убежденно:

– Ты верно сделал, пап. Только теперь тебя посадят, а меня сдадут в интернат. А я не хочу в интернат!

– Передай-ка тортик. Надо заесть тревогу... – попросил отец. Сын подал нетронутое блюдечко покойницы. Отец откусил сладкого антидепрессанта и сказал с набитым ртом:

– Сейчас приберемся, как будто нас здесь и не было. А револьвер я скину в реку... Уедем на Рублевку и будем ждать печального известия.

– Полиция сразу поймет, что это ты... мотив... Ты – первый наследник, – остудил сын энтузиазм отца.

Гоша сполз со стула, попутно подняв и положив в карман сто долларов, выпавших из руки Денисика.

– У полиции работа такая – понимать. Но кроме понимания, нужны доказательства. А их у полиции не будет... – размышлял Вовик, не отрываясь от пирожного. – Ты пойми, Георгий. Дверь в квартиру бронированная, кухарка в отпуске. Отпечатки на сейфе?.. Я их уничтожу. Скажем, весь вечер были за городом, и точка. Алиби будет под сомнением, его никто не сможет подтвердить. Но все сомнения истолкуются в пользу подозреваемого! У твоей мачехи было много врагов.

Гоша подошел к Алисе, плюнул на мертвое лицо и сказал сердито:

– Она... Пап, она такое...

– Знаю. Я все знаю, – подытожил отец обыденно, без эмоций. – Но то, что сейчас сделал ты, – неправильно. Плевать на мертвых – это чересчур, слишком чересчур, Георгий!

Терпила отставил пустое блюдо и предложил:

– Помоги-ка мне прибраться.

Он начал составлять посуду. Гоша не очень охотно отошел от ненавистного трупa и принялся помогать.

– Через пару месяцев, когда все стихнет, мы уедем в американские штаты. У меня там школьный друг... Квартиру, бизнес, машины – все продадим! Нас ждет Нью Лайф, сынок!.. – приговаривал Вовик и ободряюще улыбался.

– А вдруг америкосы тебя не пустят? Из-за следствия? И оно может чего нарыть. Всякое бывает! – плеснул сомнения сын.

– Ну риск, что все откроется, есть... всегда... Но все эти следователи получают маленькое жалованье, а идеалисты-фанаты существуют только на экране!

– Это да, – согласился Гоша.

5. Ужин

...Я обнаружил, что стою посреди гостиничного номера. До меня дошло, что просмотр закончен, прибор зажат в бессильной руке, а сама рука висит на уровне колена.

– Грехи Московии, – повторил я как заклинание.

Ноги подрагивали, и я присел на коечку. Однако сидеть оказалось еще хуже, чем стоять. Я шагнул к столу и попил водички. Дышать стало легче. Я выдохнул и глянул на прибор, спокойно лежащий на кровати. Каково же настоящее его название? Тот, кто оставил его в кафе, явно не будет обращаться в полицию! У ЭТОЙ личности совсем другие методы поиска. К тому же наверняка прибор попал ко мне не случайно. Точно!

Развить мысль я не успел, в дверь номера постучали. Я сунул трубу под подушку, отер лицо потной ладонью и отворил дверь. На пороге стояла Эльвира, в изящных ручках она держала накрытую салфеткой тарелку и стеклянную бутылку.

– Добрый вечер, – сказала она приветливо.

– Вечер? – вылупил я глаза.

Мне показалось, что я слетал в другое измерение, с той самой скоростью, что позволяет за пятнадцать минут совершить вояж на Марс. В два часа дня я был на Марсе и вот уже снова здесь, а тут... вечер.

– Вас это удивляет? – хлопнула недоуменно ресницами портье.

– Гм... да... – осторожно ответил я. Встревоженный вид Эльвиры поверг меня в некое смущение. – В общем, да. Я тут... занимался кое-чем. Не заметил, как пролетело время.

– Войти-то можно? – уточнила девушка, переминаясь с ноги на ногу.

Я с радостью пропустил гостью в номер. Она с нежной полуулыбкой поставила принесенное на стол, сделала приглашающий жест.

– Что это? – задал я дурацкий вопрос.

– Я принесла вам поесть, – пояснила девушка и сняла салфетку, под которой соблазнительно вытянулись три пирожка. – Домашние, сама пекла. Правда, вчера вечером, но я разогрела их в ресторане. С картошкой и капустой.

– Спасибо, Э... ля. Но не стоило, право. Я сегодня ел, – принялся было отнекиваться я, но живот недовольно заурчал.

– Вы питаетесь один раз в день, отец Бориска? – иронично спросила девушка.

– Вообще-то мне хватает одного обеда в день. Знаете, Эля, недоедание стимулирует умственную деятельность! – Я постарался сделать гордый вид. Живот снова предательски буркнул, перечеркивая мое мнимое равнодушие к еде. Эля взяла пирог двумя пальчиками и поднесла к моему лицу. Он был восхитителен! Румяный и с корочкой!

– Недоедание развивает гастрит, который может привести к язве желудка, – мягко возразила Эля. – Вы умный и так, отец Бориска, и нормальное трехразовое питание не умалит вашего разума.

Я сглотнул слюну. Словно сам по себе, пирог опустился в мою ладонь, и я его, как дурак, принялся мять пальцами. Эля открыла бутылку открывалкой, которую достала из кармана форменной одежды, налила стаканчик газировки, подвинула мне. Присела. Подмигнула.

«Спасибо, милая Эля!» – хотел я сказать, но лицемерный бес вытолкнул из моего рта лишь:

– Хорошо!

Я опустил на стул, откусил кусок пирога и подвинул к себе пустой стакан. Я перелил половину газировки туда, долил из своей бутылки, чинно принялся за еду.

– Это святая вода? – кивнула Эля на бутылку. Просто, без эмоций.

– Да. Полезная, богатая серебром, святая родниковая водичка. Служу я в Ораниенбауме, в его окрестностях есть хороший родник. Я его освятил.

– Никогда не слышала про такой город, – удивилась портье. – Это вообще в России?..

– Это сорок километров от Питера, – ответил я, стараясь, чтобы слова не застредали в пироге. – Ораниенбаумом я зову город по старинке. Вообще-то еще с сорок восьмого года это город Ломоносов.

– Понятно... – протянула Эля.

По ее лицу было видно, однако, что ей ничего не понятно. Возникла пауза, в коей слышались лишь звуки, неизменно возникающие при поглощении еды. Я старался держать эти звуки за плотно закрытым ртом, но все равно они были слышны. Меня сейчас занимали две вещи: успокоить желудок и вернуться к изучению чудесного прибора. Девушка меня не вол-

новала. Зато, по всей видимости, я волновал ее. Иначе бы Эля сюда не пришла. Впрочем, возможно, это всего лишь чувство давней благодарности...

– Зачем вы газировку разбавили святой водой? – вдруг спросила гостя. В тоне явно звучала ирония. – Постоянно укрепляетесь в вере или демонов боитесь?

– Ни то, ни другое. – Я снисходительно улыбнулся. Миряне любят приписывать священству все то, что не приписывают никому другому.

– У меня начальная стадия диабета, – объяснил я кратко. – Ограничиваю по возможности сахар в крови.

– Скушайте еще, – подвинула блюдо портье.

Я послал своего беса ко всем его чертям и на сей раз сказал с благодарностью:

– Спасибо, Эля! Не привык переедать.

– Дорогу осилит идущий, – усмехнулась девушка и поднялась. – Я работаю до утра, вырвалась на минуту... Утром принесу горячего супчика, из ресторана. Попрошу метрдотеля, чтоб оставил чашечку с вечера, – пообещала она и пошла прочь. – До свиданья, отец Бориска.

– Погодите, Эля! – Я поспешно кинулся следом. Нагнал у открытой двери номера. Спросил страстно:

– Почему вы заботитесь обо мне? Из-за курсовой работы шестилетней давности?

Вопрос родился вне всякой логики, сам по себе. Хотя повод был, конечно.

Эля взглянула весело, ответила без раздумья:

– Должен ведь кто-то о вас заботиться. Помимо Бога. Как считаете?

Я наострил уши, чувствуя, что сейчас узнаю нечто, до сей поры скрытое от меня. И не ошибся.

– Бог сообразил с самого начала, что мужчина не приспособлен жить один, и создал женщину. Он переложил на нее часть своих функций, в частности, житейскую заботу о мужчинах. Что мы, женщины, и делаем.

Эля цокнула язычком, быстро повернулась и вышла.

Когда логика нам неприятна – мы ее отрицаем. Будто от такого отрицания она станет не такой безжалостной. Памятуя эту истину, я не стал рядиться в благочестивые одежды, а произнес едва слышно:

– Что естественно, то не безобразно.

Я прикрыл дверь и отошел в номер. Достал прибор из-под подушки, осторожно повернул надпись-колесико. Щелчка не последовало. Однако... Не надо менять мир, а надо изменить свое отношение к нему. И когда это случится, изменится и мир.

– Московия... так в средневековье называли Русь... Зачем Господь дал мне прибор? Вероятно, с целью, пока мне неведомой.

Конечно, я не сомневался, что именно Бог дал мне возможность лицезреть грехи столицы! Сатане ни к чему это, поскольку ему нет нужды любоваться на свое порождение.

Я полулежал, откинувшись на стену за спиной. Медленно, словно нехотя, поднес прибор к правому глазу и прошептал:

– Коли Бог хочет сделать из меня наблюдателя чужих грехов – я подчиняюсь.

Поворот надписи-кольца. Щелчок. И жаркий шепот, изошедший из моего нутра при виде очередной картины:

– Господи Иисусе!

Осквернители могил

– Так, еще чуть...

– Тяни-тяни!

– Ставь!

– Е-есть...

Мужички взгромозили гроб на край могильной ямы. Отпустили веревки, утерли пот.

– Давай-ка сразу подале? – предложил один.

– Верно, – согласился второй.

Они, пыжась, подхватили гроб с торцов и шагнули в сторону от могилы.

– Ста... ставим, б...!

Гроб тяжело упал на сырую землю.

– Сцуко, здоровый боров.

– Мертвецы вообще тяжелые.

Реплики звучали апатично – так говорят о неинтересных вещах. Мужички присели прямо на гроб. Достали сигареты и закурили с видом на кладбищенскую стену. По традиции жанра светила луна, неплохо освещая дислокацию и сюжет. Глянув сверху, можно понять, что кладбище не маленькое. Вполне возможно, что Ваганьково, а может, даже Новодевичье.

У стены зияла свежевырытая могила, откуда минуту назад вытянули (на двух веревках) гроб с красной обивкой, украшенный черным крестом. Сделали это два мужика лет примерно по тридцать, непритязательно одетые в затрапезную одежду. Бывшие зэки, явно! Один часто кашлял как во время разговоров, так и без оных, – туберкулез, к Ванге не ходи.

– Как считаешь, удачно зашли? – спросил рыжий Иннокентий.

– Самого жмура я не видел, только похороны, – кашлянул Митя. – Это было круто!

– Тогда почему этого дятла похоронили в таком нищем гробике? – Иннокентий слегка пристукнул кулаком по крышке, под которой покоилась трупная начинка.

– Хрен его знает, – беспечно кашлянул Митя. – Вполне возможно, что гробик сострогали скромняшечкой, дабы оградить трупачок от ублюдков вроде нас.

– А есть ишо варианты? – полюбопытствовал Иннокентий.

– Есть, Кеша, – зевнул приятель. – Быть мож... таков наказ покойника, который... последовал примеру Ивана Васильевича Грозного. Царь Иван наказал похоронить себя в монашеской рясе, что и было воплощено челядью.

– Для чего? – не врубился Кеша, недоуменно шурясь. – Поиздержался, што ль?..

– Та не, – усмехнулся Митя. – Царь Иван просто бздел попасть в ад за то, што сгубил уйму народа, залил кровью Русь. И вот, дабы показать Богу раскаяние и смирение, он и лег в свой склеп в одежде монаха.

– А-а... Кинул Господу леща, – сообразил Кеша. – Мыслил, что, типа, Бог его помилует и в ад не пошлет.

– Ага. Вполне, што и наш жмур мыслил похожим образом. – Митя откашлялся и подхватил топор с земли. – А может, и не мыслил. Давай робить, в общем, ща узнаем...

Сдернув с гроба веревки, мужички с помощью топора и выдерги принялись ломать крышку. Послышались скрежет выдираемых гвоздей и пыхтенье.

– Харэ! – подытожил Кеша.

Мужички отбросили инструмент и вновь отерли пот. Отряхнули руки. Оставалось поднять крышку.

– Ты знаешь, Кеша, почему живым гаврикам принято выкать, а жмурикам – тыкать? – ни с того ни с сего озадачил Митя.

Кладбищенская тишина придала пустяковому вопросу неожиданно весомое значение.

– Живым тоже тыкают, – удивился Иннокентий. – Я ж не выкаю тебе, а ты... мне. А?

– Я говорю ваще, о правилах в обчестве, – пояснил подельник. – Мы с тобой кореша и без церемоний. А в... трамвае, в аптеке, в...

– В магазине?

– Да, и в магазине... – незнакомые граждане выкают. Ты ж не гришь халдею: «Дай мне пива»? А ты гришь: «Дайте пива»!

– Ну... верно... – задумался Кеша.

– А жмурам всегда тыкают. Им всегда грят: пусть те земля будет пухом.

– И... что с того? – удивился приятель. – Какого хрена?

Митя с превосходством ощерился:

– У живого гаврика есть душа. А у жмура души нетути, она отлетает в момент смерти.

Поэтому ему тыкают, а гаврику выкают. Так-то, Кеша. Вся соль в душе!

– О, б...! – поразился подельник, с веселым удивлением глядя на Митю. – Ну ты ваше, б...! Знаешь... я вот што скажу – добрый бы из тебя получился монах, если б не выгнали из обители за пьянку.

Торжество, на удивление, исчезло из глаз Мити, он грустно усмехнулся. И рыкнул:

– Харэ болтать! Робим!

Мужички приподняли крышку на «попа», выдирая остатки гвоздей... Толкнули ее, крышка упала на землю.

– Фу-у! – выдохнули в один голос, глянув на мертвеца.

В деревянном ящике лежал молодой мужчина с разделенной прямым пробормом прической. Руки крест-накрест, а на мизинце мутно переливался в лунном свете желтый перстень с большим зеленым камнем.

– Ой-ой! – воскликнул Митя и с усилием приподнял руку трупа. – Знатный изумрудик!

– И кафтанчик в цвет, нулевой, – обрадованно произнес напарник, щупая воротник серого фирменного костюма, в который был облачен покойный. – Тыщ пять бакинских, не менее...

Мужички подхватили труп за ноги и голову:

– Раз... Два...

На «Три!..» труп был вынут из гроба и уложен на сырую после дождя землю рядом.

Сам гроб мужички скинули назад – в могильную яму. Затем с изрядной сноровкой освободили покойника от дорогого костюма. Кеша отошел к ногам, чтобы снять с покойного лакированные туфли, а Митя попробовал стянуть с холодного пальца перстень. Любое кольцо не так просто стащить с трупа, и мародер тихо матерился, безуспешно дергая тяжелую безжизненную руку.

– Твою маму!.. Кеша! – не выдержал он. – Дай бабочку, ща отрежу палец ему...

Приятель не спешил подавать испрошенное, и Митя повернул голову. Последнее, что он увидел, – падающий топор на фоне темно-синих небес. Лезвие с противным чавканьем глубоко и точно вонзилось Мите между лопаток. Бывший монах прошептал нечто невнятное и упал ничком на жмура.

– Так-то лучше. – Кеша приподнял топор за топорище.

Инструмент так глубоко засел в спине убитого, что тело Мити согнулось дугой, словно не желая выпускать топор. Убийца взялся обеими руками за топорище, потянул, но мертвый подельник не отпускал. Выматерившись от души, Кеша столкнул труп в могилу вместе с засевшим в спине топором и вернулся к выкопанному жмуру. Он опустился на колени, взялся за кольцо основательно и дернул изо всех сил. Безуспешно! Тогда убийца вынул из кармана нож-бабочку, выкинул лезвие и два раза с нажимом полоснул по суставу. Палец отскочил, а перстень плавно соскользнул в жаждущие лапы Иннокентия.

– Супер! – пробормотал осквернитель и подставил украшение лунным лучам, любуясь. Огромный зеленый камень в золотой оправе заиграл причудливыми гранями. Фееричное зрелище!

Кеша долго еще наслаждался бы зрелищем, но в его шею с тяжелым всхлипом вонзился клинок длинной финки. Он захрипел, схватившись за рану, из носа истекла кровь, и подонок,

в свою очередь, рухнул на злосчастного жмура. Кеша лежал на том самом месте, где пять минут назад раскинулся убитый им подельник. Практически в той же позе.

Здоровенная ладонь с грязными ногтями схватила Кешу за плечо, рванула. Труп перевернулся с живота на спину. Над Кешей склонился косматый, бородатый мужик в телогрейке. Он поднял выпавший перстень, глянул на него с прищуром, крикнул:

– Седни у меня ниче так улов.

Мужик без суеты, деловито положил драгоценность в карман, любимую финку отправил следом, прежде обтерев о Кешу, заглянул в пакет с костюмом за пять тыщ и одобрительно хмыкнул. Пакет он отставил подальше, а обоих покойников сбросил в могилу.

– Эх, – выдохнул мужик, поднимая лопату-штыковку с кучи земли, рядом с ямой. – А сторожем быть тоже... ниче так себе работа...

Он принялся сноровисто кидать землю, засыпая яму с тремя покойниками и насвистывая в такт движениям разухабистую мелодию.

6. Ранним солнечным утром

Мое сознание пробудил солнечный луч, погладивший лицо. Я открыл глаза и с наслаждением потянулся затекшим от неудобного положения телом. Я по-прежнему полулежал, прислонившись к стене спиной. Ощутимая нагрузка на позвоночник!

– Семь часов утра, – услышал я женский голос. – Пора завтракать.

Неловко повернув голову к окну, я рассмотрел свою любезную портье, рассматривающую улицу через ту самую трубу.

– Эля... – выдавил я.

Я быстренько себя ощупал и понял, что одет. Это немного успокоило. Я рывком сел на кровати, пружины нежно скрипнули.

– Доброе утро, отец Борис, – продолжила девушка.

Мне показалось, что она улыбается, хотя по профилю определить эмоцию было трудно. Эльвира повернулась, навела на меня прибор. С минуту она рассматривала меня во всех подробностях, потом опустила трубу и подмигнула.

– Я принесла вам супчик, как и обещала.

– А-а... эм... – попытался ответить я, но язык мой окаменел. Верно, что человеку со сна куда труднее выражать свои мысли, нежели в любом другом состоянии.

– Я стучала! – сказала Эля. – А когда вы не открыли, толкнула дверь на всякий случай. Она оказалась не заперта. Я и вошла.

Поскольку я не сводил с нее суматошного взора, портье добавила дрогнувшим голосом:

– Я неправильно поступила, да?..

– Где вы взяли прибор, что у вас в руке?! – спросил я, обнажая причины своей тревоги.

– Ч-что?.. – выдохнула Эля и недоуменно глянула на прибор. – Лежал рядом с вашей кроватью, на полу.

– И что вы сейчас увидели?!

Мне хотелось заорать, но я сдерживался.

Взгляд Эльвиры отразил тревогу, она словно хотела вымолвить что-то участливое, но сдержалась. Пожала плечиком:

– Что можно увидеть в подзорную трубу?.. Улицу. Дома. Людей...

Я поднялся, молча и требовательно протянул руку. Девушка с опаской сделала шаг и подала прибор. Я цепко схватил трубу и прижал ее к груди. Портье явно не знала, то ли плакать от моей одержимости, то ли смеяться, – вид растерянного священника всегда немного комичен.

– Неужто мне все приснилось? – пробормотал я.

Глянул на стол, заметил остатки вчерашнего ужина и понял, что Бог позаботился о тайне и наблюдать грехи мог один я. Для всех других труба была обычным оптическим прибором. Выходит, прибор мой вроде шкатулки с двойным дном. Я чуть не засмеялся, но лишь улыбнулся. С довольным выражением лица глянул на портье.

– Я забыл вчера запереть дверь, – сообщил безмятежно.

Эльвира тут же списала мое странное поведение на послесонное состояние и тоже повеселела.

– Вы кушайте, – пригласила она и сдвинулась к столу, сдернула белую салфетку. Под тканью оказалась тарелочка, испускающая ароматный пар. – А я пошла отсыпаться после суточного дежурства. До вечера! Думаю, что дорогу найдете...

Девушка пошла к выходу.

– Какую дорогу?.. – машинально удивился я.

Портье вернулась к столу, взяла листок бумаги, что лежал рядом с тарелкой, развернула и поднесла под мой нос.

– Видите? Это адрес моей квартиры, очень подробный, с подъездом и этажом. Улица Марксистская, здесь 20 минут ходу.

Моим глазам предстали три печатные строки и схема, нарисованная от руки.

– Вижу, – согласился я. – Но зачем...

– Хочу расспросить вас о вашей курсовой! – объяснила девушка. – Часиков в шесть буду ждать. Приготовлю знатную курицу.

Она пошла к выходу, не забыв аккуратно положить бумажку с адресом на стол.

– Постойте, Эля! – вскинулся я нетерпеливо.

– Да! – Девушка остановилась. Медленно повернулась. Спросила удивленно: – Позвольте узнать причины вашего отказа. Может, я вам не нравлюсь?..

Вероятно, последняя фраза мне лишь послышалась. В глазах портье лишь недоумение и нет ни тени «женской обиды».

Сестра моего однокурсника не похожа на гулящую женщину, и поэтому моему целомудрию вряд ли что угрожает. А поесть домашних пирожков не грешно.

– Я не отказываюсь, – сказал я, подавив смущенный кашель. – Я только... хочу попросить постную пищу. Кхм... Я в добровольном посту и скоромного не ем.

– Да-а. – Теперь недоумевала девушка. – Ну... хорошо... То есть... Конечно, я придумаю аналог курицы!.. Есть еще пожелания?..

Я немного подумал и решительно кивнул:

– Да, есть один вопрос. Но он... интимный.

– Я не замужем, – кокетливо сморщила личико Эльвира.

«Это видно», – улыбнулся я про себя, а вслух вымолвил:

– Я всего лишь хочу узнать адрес общественной бани. Желательно поблизости от гостиницы. Хочу омыть тело перед визитом к патриарху.

– Ну уж нет! – категорически заявила Эльвира и погрозила мне пальчиком. – Даже не думайте! Хотите подцепить грибок или что похуже?.. Помоемся у меня!

– Нет! – вскрикнул я в испуге, прежде чем успел подвергнуть ситуацию анализу.

– Да! – торжественно изрекла портье. Она уперла руки в бока и молвила задушевно: – Вы будете мыться один! В ванной есть крепкий шпингалет, на который вы закроетесь! Полотенце дам сразу.

7. Благочестие

Я сидел за столом и пытался кушать теплый супчик с лапшой. Как только портье ушла, меня атаковала целая армия мыслей из категории «добро и зло»! Или «любовь и ненависть» –

так точней, наверняка. Я болтал ложкой в простывающем бульоне и думал, думал, думал... Прибор греха лежал рядом, не давая мыслям соскальзывать с благочестивой колеи, рядом с ним покоилась Библия, так, на всякий случай.

Случай на Ваганьковском кладбище вытолкнул на поверхность моей памяти высказывание одного русского святителя: «Превыше земного закона есть справедливость, а выше справедливости может быть только милосердие». Надругательство над мертвыми заставило меня продолжить фразу. От себя я добавлял: «Да, милосердие – это высшая ценность в мире, но есть люди, которые его недостойны. Они заслуживают именно справедливого суда, к тому же без судей. Око за око, как говорили древние!»

Я в сердцах чуть не плюнул в супчик и поскорее отодвинул его от себя, от греха подальше. Во мне проснулся командир взвода военной разведки, лет двадцати от роду, умеющий восстанавливать подлинную справедливость. Огнем и мечом, и только так!.. Однако мне уже не двадцать лет, и я давно не машу кулаками, а верю в слова Христа «Любите ближних». А чем более человек тебе неприятен – тем и твоя любовь ценнее. Никакой пользы нам от того, что любим любящих нас. Любовь к нелюбимым есть любовь к Христу. Сын Божий всепрощающий. Мне до него пока далеко...

Я вскочил и сделал по номеру круг, не переставая думать. Беспрерывно теребя бороду.

Кажется, я начал понимать, зачем Господь оставил мне прибор греха. Он желает испытать мою веру. Выдержу ли я, не сломясь ли духовно, просматривая картины страшных пороков? Не заполонят ли душу мою ненависть и отвращение?.. Невозможно приказать сердцу любить, когда его переполняют ужас и отвращение! Христос смог. Распятый, он просил Отца простить своих мучителей. И мне предстоит повторить сей подвиг с поправкой на то, что физических жертв от меня не требуется.

Я сел и взял в руки Библию. Помедлил, приводя дух в нейтральное состояние, – Святую книгу нужно открывать как минимум очистившись от грязных помыслов.

– Так, запомним, – произнес я вслух. – Бог дал мне крест, и я пронесу его, как в свое время Он нес свой.

Ближайшие полчаса мой скромный гостиничный номер наполняли библейские стихи, звучащие в идеальной тишине особенно торжественно:

– Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими³.

8. Баня для священника

Через некоторое время я спустился в холл. У стойки портье меня встретила пухленькая бабка лет тридцати, объективно безобразная. И речь не о чертах лица или фигуре, а об эмоциональной составляющей ее человеческой сущности.

Глаза излучали лютую неприязнь. У меня возникло чувство, что она в силу неведомых причин ненавидела весь мир.

– Слушаю вас, господин поп, – немедленно выказала свою суть портье.

Я смолчал, и она продолжила ехидно:

---

³ Мф. 5: 3–9.

– Итак, чего желает ваше преосвященство?.. – Бабуца встала и прямо-таки рывкнула: – Короче, чего надо?

Было бессмысленно с ней спорить. Ярая богохульница... Зло – это лишь низшая ступень добра. Что-то вроде персонального плитуса, и эта девушка сейчас как раз под ним. И не вылезет, пока сама не захочет... Но обиду мне удалось прогнать:

– Я хочу спросить, где находится ближайшая баня.

– Попы моются? – удивилась портье. – Даже не знала...

А чего я ожидал?.. Странно, что такую работницу держит на такой должности начальство отеля. Все ж «совок» канул в Лету, и твой клиент – это твои деньги...

– Несчастное дитя, – произнес я тихонечко, отходя.

– Сукин сын! – практически крикнула портье. И выставила мне вслед средний палец руки, иначе говоря, «fuck». Я не видел сей жест, но был уверен, что он имеет место быть.

* * *

Да, я решил прийти вечером к Эле, но помыться намеревался все же в общественной бане. За полчаса я обошел всю Таганку. Ни один из двух десятков человек, к которым я обратился, не подсказал адрес бани. Более того, меня разнообразно игнорировали. Кто-то не отвечал, кто-то буркал нечто невнятное, а одна женщина просто шарахнулась. В отчаянии я заприметил милицескую машину, наклонился к открытой форточке и спросил на предмет бани. Жирный страж порядка показал мне красноречивый кулак.

Быть может, и это Господь подстроил? Выступает в роли сводника?.. Богу, конечно, видней... Совсем рядом я заприметил большой парк и ступил под своды деревьев. Парк оказался шикарным, со множеством растений и скамеек, укрытых густой тенью. Я намеревался разыскать укромное местечко и продолжить наблюдение.

Один в свободное время веселится, другой строгаёт доски, третий пишет или рисует, пятый посещает танцпол, а восьмой учит английский язык... Я до вчерашнего дня насыщался духовно – читал и анализировал святые книги. Но отныне придется уделять время созерцанию сцен насилия и убийств.

Сидя на скамейке в углу парка, я достал из полиэтиленового пакета прибор, взялся поудобней.

Я сейчас нахожусь в Москве, и прибор показывает московские грехи. Когда приеду домой, вероятно, прибор покажет и грехи Ораниенбаума. Да! Теперь я понимаю замысел Господа до конца! Ведь видя жителей моего городка в Стене греховности, я могу не просто наблюдать за ними, но и воздействовать на их поступки. Кроме того, я теперь могу содействовать полиции в раскрытии преступлений.

– Спасибо, Господи, что дал возможность спасти заблуждающихся! – сказал я твердо и поднес прибор к правому глазу.

Движение пальцами по кольцу. Щелчок. И я увидел людоеда.

Людоед

С портрета на стене улыбался президент.

Людоед являлся невзрачным мужичонкой, наголо бритым. Лет тридцати. Он имел оттопыренные уши и толстые губы. Сидел людоед напротив следователя Бузеева, на руках его поблескивали наручники, застегнутые спереди, на лице царил ухмылка.

– Ну-с, Залихватский, как же ты дошел до такой жизни? – вдумчиво спрашивал Бузеев.

Следователь был обычным следователем, мужиком сорока пяти лет с интеллигентным лицом и побритыми кистями рук.

– Какая разница? – равнодушно усмехнулся людоед вместо ответа. В целом он сидел очень даже свободно, будто не в кабинете прокуратуры, а на лавочке возле дома. В идилию мешали поверить только наручники.

– Оставим философию, – легко согласился Бузеев. – Ответь по существу: зачем ел мясо?

– Вам не понять, – ощерился людоед.

– Слушай сюда, Залихватский, – задушевно шепнул следователь. – Если ты будешь заявлять отговорки типа «вам не понять» или «какая разница», то ты получишь пожизненную крытку. «Черный лебедь», видел по телику?..

Людоед убрал ухмылку и с неким удивлением глянул на Бузеева.

– Я расстараясь, ну очень расстараясь и найду для суда железные доказательства. Понимаешь?.. – Следователь взгляделся в задержанного.

Тот слегка кивнул, в глазах заметалось беспокойство волка, увидевшего флажки.

– Но если ты честно ответишь на мои вопросы, то это отразится в материалах дела, и ты, возможно... Возможно! Получишь двадцать лет строгого режима, – сказал Бузеев, потянулся через стол к людоеду и закончил почти весело: – Знаешь, Залихватский... В данном кабинете за двадцать один год работы я видел разных. Были наркоманы, алкоголики, маньяки были. И хотя я не являюсь ни тем, ни другим, ни третьим, я всех понимал. Работа такая.

Он вытащил сигарету из пачки, лежащей на столе, прикурил, а пачку протянул.

– Угощайся.

– Не курю, – швырнул носом людоед. – Дайте лучше водки.

– Могу предложить крепкого чаю, но после допроса, – флегматично ответил Бузеев. – Идет?

Залихватский немного подумал и заговорил эмоционально:

– Пообещайте вытянуть меня на срок! Я не хочу сидеть пожизненно! А может... – осекся он, во взоре мелькнуло подозрение. – Вы про срок завели, чтоб расколоть меня? И ваши слова ничего не значат? Ничего я не скажу.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещал советник юстиции. – Спроси у любого в камере – слово я держу.

– Ну... хорошо, – решился людоед. – Что вас интересует?

– Зачем ты ел мясо?

– Вкусное очень. Вообще, первый раз я убил безо всякой мысли о еде, – интимно шепнул Залихватский, оглянувшись на дверь. – Бухали с приятелем, возникла ссора. Не помню, из-за чего, я был в дрова... Приятель меня ударил. Я схватил топор и дал ему по башке. Потом лег спать. Просыпаюсь утром – гляжу, труп на полу. Очень испугался тюрьмы... Оттащил трупик в ванную и разрубил на части.

– Когда это было? – следователь затушил окурок, придвинул протокол.

– Ровно три года назад, – без раздумий ответил людоед. – Как раз на Рождество.

– То есть в ночь с шестого на седьмое января?

– Ага.

– Фамилия приятеля?

– Забубенный. Игорь. Отчества не знаю.

– А дальше?

– Разделать-то я труп разделал, – с небольшими паузами рассказывал Залихватский, вспоминая. – А выносить из дома боялся. Светло, утро, мало ли... А меня мутило с похмеля. От свежерубленного мяса шел такой аромат... И... решил попробовать. Чем достанутся бродячим животным, так лучше я их сам оприходу. Забубенному уж все равно, кто будет им питаться.

Людоед замолчал, по лицу плавала блаженная улыбка человека, вспоминающего нечто приятное. Бузеев цепко отслеживал реакции «подопечного» и слегка морщился.

– Потом я взял кухонный нож, наточил на плитке. – В тоне зазвучало бахвальство. – Срезал с ляжки большой кусан и съел сырым, с солью и без хлеба!

– И как? – с интересом спросил следователь.

Залихватский показал большой палец в жесте «супер»:

– Шикарно! Сырое мясо вкуснее, чем жареное или вареное. Позже я готовил мясо по-разному, но бросил. Все не то. Попробуйте сырое, не пожалеете...

Следователь не смог сдержать гримасу отвращения.

– Куда девал кости? – спросил он, склоняясь над протоколом.

– Выкинул в мусорный бак в двух километрах от дома. – Людоед ностальгическая улыбнулся. – Четырем сотням людишек могилкой стал мусорный бак.

Залихватский увидел, что его слова записывают, и вдохновенно заговорил. Его «понесло»:

– Я кушал Забубенного, пил спирт, и тут... ко мне постучалась... бомжиха-побирушка. Я впустил ее в квартиру, мы выпили... А после перерезал ей горло. Освеживал, разрубил, мясо в холодильник.

– Съел?

– Частично. Тут как раз кончился спирт. А без водярки я не могу... я ж алкоголик. Тогда я перекрутил мясо бомжихи, взял фарш и продал его рыночным торговцам-мясникам за полцены. – Людоед мило улыбался. – После догнал, что продажа человечинки – выгодное занятие. Устроил бизнес. Заманивал бомжей в квартиру, поил и убивал. Быть может, и вы ели мое мясо, – осклабился Залихватский. – Вы ведь ходите на рынок за мясом? Я на разных продавал...

Бузеев перестал писать, а людоед ухмыльнулся ему в лицо:

– Знаете, гражданин следователь, я многих перепробовал. Среди бомжей попадались бывшие учителя, инженеры, врачи и даже один бывший начальник... Вот только следователей не было. – Меж толстых губ убийцы высунулся язык – большой, с белым налетом.

Бузеев непроизвольно откинулся на спинку кресла – подальше от задержанного, вставил в рот новую сигарету. Прикурить он не успел. Открылась без стука дверь, и на пороге нарисовались двое крепких парней: короткие стрижки, грубые лица, кожаные куртки.

Залихватский остро глянул через плечо, лицо искривила усмешка.

– Какого хрена уголовный розыск врывается ко мне? – удивился Бузеев. – Рамсы попутали, да?..

Оперативники замялись на пороге.

– Да, тут... – Один достал бумагу.

– Короче! – Второй вырвал бумагу и уверенно подошел к следователю: – Это не терпит отлагательства. – Положил бумагу на стол.

Напарник встрепенулся и тоже подошел. Теперь оперативники стояли по бокам следователя, словно взяв его в клещи. Тот взял бумагу, повертел в руках. Лист был совсем чистым.

– Что за?..

Игла шприца воткнулась Бузееву в плечо. Тот дернулся.

– Тихо! – прошипел разыскник и зажал советнику юстиции рот.

В Бузеевское плечо истек кубик прозрачной жидкости, и затем шприц снова отправился в оперский карман. Следователь обмяк. Оперативники быстренько прибрали бумагу и сделали по реверансику:

– Кушать подано, Залихватский!

Во взгляде людоеда брезжила надежда, он даже привстал со своего стула:

– Кто вы?

– Благотворители, – усмехнулись оперативники. – Мы знаем, какой бурдой кормят в СИЗО. Вот, решили попотчевать тебя свежачком.

– Хорошо, – согласился людоед. – Вы благотворители. Только я-то при чем?..

Полицейские переглянулись.

– Видишь ли, Залихватский, твой следователь отпускает на свободу вполне себе богатых гадов, – объяснил один. – После того, как их долго и упорно ловят опера. А шантрапу вроде тебя загоняет в камеры. Нам данный расклад совсем не по душе.

– От тебя никакой опасности порядочным гражданам, – развил мысль другой. – Хавал бы и дальше грязных бомжей. Они все равно не люди. А тут... тюрьма и кандалы, ай-ай-ай...

– Короче! Жри этого ублюдка. – Один показал на тело следователя. – Чтоб ему, суке, и после смерти не было покоя!

– Изуродуй его хорошенько, – поддержал второй. – А за нами не заржавеет. Выведем из прокуратуры, и гуляй.

Залихватский немножко подумал и заявил без затей:

– Складно трепете. Но... возможно, что вы сводите счеты со следователем. Ща я его съем, а вы меня застрелите. И повесите убийство на меня.

Оперативники вновь переглянулись – людоед четко переглядку отследил и нахмурился.

– У нас нет пистолетов. – Полицейские распахнули курточки, погладили себя по бокам. – Видишь?..

Людоед наклонил голову в знак согласия:

– Вижу.

– Ты умный сукин сын! – подмигнули разыскники. – Не зря тебя вычисляли целых три года.

– Ладно. – Людоед вытянул руки. – Снимите наручники.

– Не, не снимем, – извинительным тоном вымолвил один. – Вдруг ты, почуяв запах крови, на нас кинешься? Мы ж не знаем, как там у маньяков... в их голове.

– Снимем наручники за оградой прокуратуры, – дополнил второй. – Зуб даем!

Казалось, людоед ничуть не расстроился. Он сделал шаг к трупу и ухмыльнулся:

– Правильно! Маньяков нужно бояться...

– Скажи, ты правда съел четыреста человек? – с некоторым подобием уважения спросил розыскник постарше.

– Съел и продал четыреста людишек, – поправил Залихватский. Он широко облизнулся. Осклабился: – Оставьте вам по кусочку?

Людоед взял труп за волосы... приподнял голову и, рыча, вцепился в левый глаз. Послышался звук рвущейся плоти и чавкающие звуки.

Оперативники стыдливо опустили глаза, страдальчески морщась. Чудовищный обед происходил всего-то в паре метров от них.

Залихватский обернулся к свидетелям трапезы. Словно заострившаяся морда его была испачкана кровью. Сказал, жуя:

– Вкуснотища!

Когда он снова наклонился над трупом, щелкнули два затвора, и грохнули четыре выстрела. Людоед покачнулся, хотел укоризненно посмотреть на оперативников, но не смог – жизненные силы покинули его тщедушное тело, и маньяк упал на пол. Пули засели глубоко в спине.

Опера деловито убрали пистолеты туда, откуда достали, за пояса сзади. Сплюнули с облегчением. В кабинете стало тихо.

– Точно яд не обнаружат? – спросил один, чтобы прервать гнетущую паузу.

– Лепила дал 102 процента. Яд растворяется в крови, и его невозможно отличить от кровавых тельц. Решат, что Бузеев умер от болевого шока, что неизбежно, когда... тебя кушают живьем.

Из коридора донесся звук хлопающих дверей, неясные возгласы, крик... Дверь кабинета вновь отворилась, пропустив полную даму в форме с погонами, на которых желтели шесть звезд. За ней шли двое в камуфляже и с автоматами, это ОМОН, и замыкал шествие человек в белом халате и с чемоданчиком в руке.

– Что? Здесь? Произошло? – спросила женщина, с прищуром глядя на оперативников. Те рассказали:

– Мы зашли к следователю за поручением. Видим, кто-то рычит и его терзает.

– На звук двери убийца обернулся, и мы узнали людоеда Залихватского. Вы бы видели его рожу, товарищ прокурор!

Оперативники расступились, открыв глазам пришедших вид на два трупа. Прокурор шагнула было к месту преступления, но тут же вернулась. Неожиданно покачнувшись. Человек в белом халате трепетно взял женщину за руку.

– Светлана Петровна!..

– У Бузеева нет верхней губы и века... – ответила женщина без эмоций. Потом повернулась к полицейским: – Вы правильно сделали, что открыли огонь на поражение!

Она прошла по кабинету, пытаясь совладать с испугом и отвращением. Сказала властно:

– Сейчас мы проводим вскрытие и оперативно-разыскные действия. Эксперт на месте, надо вызвать анатома... – осекшись на полуслове, она заинтересовалась:

– Где, интересно, носит конвойного, что доставил Залихватского из СИЗО? Он должен был присутствовать при допросе. Опасный преступник...

– Хорошо, что уже поздний вечер и в прокуратуре никого нет, – заметил человек с чемоданчиком.

Омоновцы недвижно возвышались у двери, поглаживая автоматы. Лица их были бесстрастны.

– Одно радует, – грустно усмехнулась прокурор, – что всяка не будет. Все ясно. Убийца мертв благодаря оперативникам уголовного розыска. Они сработали четко и слаженно. Правда, бумаг придется понаписать, но это уже другой момент.

Разыскники приосанились, самодовольство проступило на лицах. По всей видимости, на нечто подобное они и рассчитывали.

– Демонтаж камеры! – вдруг сказал человек в белом халате.

– Что? – удивились присутствующие.

– Надо демонтировать видеокамеру, – объяснил эксперт. – Вон, видите, у портрета президента – черный кругляш? Это объектив скрытой камеры. Я лично монтировал.

Оперативники насторожились.

– Запись допроса скрытой камерой незаконна, – машинально сказала прокурор.

– Бузеев попросил не для суда, а для себя. Покойный писал книгу о маньяках, собирал материал. Вот и решил заснять допрос, чтобы потом ничего не упустить.

– Ой-ой, здорово! – оживилась женщина и впервые слабо улыбнулась. – Запись является вещественным доказательством преступления и, следовательно, из свидетельства противозаконного деяния превращается в улику!

– Несомненно, – поддержал эксперт.

– С помощью записи мы установим, что явилось причиной агрессии Залихватского! – все больше воодушевляясь, излагала прокурор. – Да и операм писать меньше на предмет применения оружия. Камера зафиксировала, что оружие оправданно. Так-так-так!

Разыскники окончательно приуныли.

Омоновцы с бесстрастными лицами поглаживали автоматы.

9. Против лома нет приема

...Темные шторы на окне сами собой сомкнулись, и я с облегчением отнял прибор от глаза. Поморгал, привыкая к дневному свету. Впрочем, солнце явственно катилось на запад, наступал вечер. Я уж привык к тому, что наблюдаемые мною грехи занимали в реальном времени десять-пятнадцать минут, а по факту проходило несколько часов.

Ни неприятия, ни сожаления я ныне не испытал. Мной владело равнодушие. Если несчастная семья вызывала жалость, а грабители-подонки – ненависть в чистом виде, то... данные сволочи не всколыхнули во мне эмоций. Никаких! Может, я жалел покойников, однако не настолько, чтобы осуждать их убийц. И наоборот...

– Этот крест оказался тяжелее, чем я предполагал, – выдавил я резюме. Зашуршал пакетом, убирая трубу. Пора было идти в гости.

– Что, святой отец, Бог поднимает голову в нашей стране? – услышал я мужской голос.

Я огляделся. Рядом, на лавочке, сидел мужичонка неопределенного возраста, невзрачной телесной конституции, в драном пиджаке и рваной кепке. Заросший густой щетиной (не путать с бородой), несвежий, немытый... Типичный бомж.

– Или это временно? – усмехнулся «попутчик».

– Думаю, что власти одумались, – ответил я, чуть помедлив.

– Семьдесят советских лет думали, – подхватил мужик. – Приличный срок, а? Три поколения.

Мужичонка выглядел вполне трезвым, и поэтому цели затеянного разговора для меня были неясны. Пьяному-то охота поболтать, а пьяному бомжу – тем паче. Но бомж, глаголящий о Боге просто так, – это нонсенс!.. А может, это и не бомж вовсе?.. Тогда кто?..

– Для Господа времени не существует. Для него тысяча лет – как один день, – осторожно сказал я. – Семьдесят лет для Бога – цветы во поле...

– Любое дитя – как тесто. Из него можно вылепить и пасхальный кулич, и фигурку вождя, – гнул мужик. – Мне на иконах рисовали Ленина, а моим детям рисуют Иисуса Христа. А детям детей, может, будут рисовать Горбачева.

– Люди во все времена жили по Божьему промыслу, – ответил я с небольшой паузой. – И будут жить. Иногда сложно прийти к Богу, иногда – нет, согласен... Только истинные врата одни. Вы... кто вы?

– Нельзя одной рукой пить святую воду, а другой поднимать стакан с водкой – изобретением Сатаны, – выдал с усмешкой мужик. – Человек же, как редкая сволочь, именно так и делает. Днем носит по улицам портреты Сталина или Ельцина, а вечером тайно, чтоб никто не видел, бежит в церковь поклониться настоящим иконам.

Мужик достал из кармана пачку папирос и закурил. Потом придвинулся ко мне, помянул меня пальцем:

– Иди-ка сюда.

В безропотно подставленное мною ухо мужик сказал:

– Ибо благодатию мы спасены через веру. Ты, я, они... Так вот, священник! – он встал, сказал умиротворенно: – Меня зовут Даня. Но мое имя известно лишь паре приятелей с Марксистской улицы, с которыми мы вместе живем в подвальчике. Моя прошлая жизнь, до бомжатника, не интересна ни хрена, а будущего у меня нет. Купи мне пивка, а, священник?..

* * *

Даня показал короткий путь к нужному мне дому на Марксистской. Как оказалось, это было по соседству с его подвальчиком. Интересная картина: идут рядом рослый здоровяк в рясе, с пакетиком в руке, и маленький человек с испитым лицом, с бутылкой пива и котлетой (из столовой комплексных обедов).

В пустынных дворах нам встретился полицейский патруль из трех человек.

– Привет, бродяги! – сказал их жирный командир. Как две капли похожий на того стража, что четыре часа назад показал мне красноречивый кулак. – Какого хрена вы тут шляетесь?

– Бес попутал... – процедил Даня, поводя испуганными глазами.

Жирдяй вырвал у него бутылку пива, отбросил брезгливо. Даня сожалеюще крикнул, суетливо запихал в рот остатки мяса и убежал. Рысцой! Никто за ним не погнался.

– Так! – сказал командир, и двое его подручных схватили меня под руки.

– Ну-ка! – жирняк потянул к себе пакет, но я держал крепко.

– Нельзя трогать то, что здесь лежит! – страстно произнес я.

– Дай бомжаре, Витя, – попросили подручные.

Тогда милицейский боров стукнул меня по носу. Головой! Боров был высоким и сильным, наверняка тоже из бывших десантников. Я дернулся в крепких руках и почувствовал, как пакет у меня вырвали. Из носа закапала кровь, крася бороду и впитываясь в рясу. Во мне всколыхнулось мирское зло. Я напряг было руки, дабы вырваться из убудочных лап и дать скоротечной рукопашный бой в условиях незнакомой местности. Но меня оставили моральные силы. Физика бушевала, а дух затвердил о предначертанности происходящих событий. В ключе появления и исчезновения бомжа это было логичным. Да и только что я наблюдал смертоубийственный грех из жизни полиции, что тоже укладывалось в логическую цепочку пока непонятной ситуации.

Жирный страж достал прибор из пакета. Командир и его помощники в восхищении присвистнули. Наверняка они оценили раритет, а я в их глазах был лишь грязным бомжом, который спер сей благородный предмет.

– Неплохо! – не выдержал один из сержантиков, что меня держал.

Командир поразмыслял и кивнул патрульным. Те с готовностью меня отпустили, развернули и дали пинка.

– Чеши отсюда! – кратко произнес жирдяй.

Он был уверен – бомж без лишних слов убежит от стопроцентного тюремного срока за кражу антиквариата. Радуюсь полицейской алчности в лице отдельно взятых представителей! Только я развернулся и попросил:

– Отдайте прибор.

– Ч-что?! – изумился жирдяй.

Я понял, что ситуацию исчерпал, и молча пошел прочь, рукой зажимая нос. Ряса была основательно измазана кровью. Правда, на темном фоне ее было почти не видно. Чрезвычайно любопытны пути у Господа! То дарит прибор, то отнимает. А может, это вовсе не Его промысел, а череда случайностей?.. Опять же, драться с полицией, какая бы она ни была, – себе дороже! За ними Система, которую через 10 лет назовут Вертикалью. Против лома нет приема.

Я уже почти вышел со двора и вдруг встал посреди дороги, не сводя глаз с лежащего на асфальте предмета. Я смотрел на лом. Новенький, игриво блестящий и подмигивающий мне – в самом центре столицы. Лом больше походил на Знак, нежели бомж и стражи порядка вместе взятые.

– Придется, пожалуй, вернуться... – пробормотал я.

* * *

Дальнейшее было делом несложной и привычной техники. Взмахнув ломом, я вспомнил навыки борьбы, кои не применял уже несколько лет.

С хрустом ломаемой кости жирдяй рухнул на колени, схватился за поврежденный локоть:

– Ну ты, мля... – заревел он, морщась от боли. – Руку сломал!

Подручные не стали испытывать судьбу, свои автоматик не применили и к рациям не кинулись. Они покорно легли мордами в асфальт. Я забрал прибор греха, сковал бандитов в форме наручника и ушел. Правда, поначалу перепутал направления, и ноги меня понесли в сторону от дома Эли. Понял я ошибку, выйдя из дворов на проезжую улицу поблизости. Хотел поймать машинку, дабы умотать до того, как объявят план «Перехват бомжа в рясе и с окровавленным носом», но передо мной сама остановилась белая потрепанная иномарка.

– Садись! – пригласил полнолицый румяный шофер в красной рубаше и с небольшой ухоженной бородой.

10. Ангел

Через восемь минут мы въехали во двор серой многоэтажки. Улица Марксистская, д. 1. Машина остановилась у второго подъезда. Едва это случилось, я произнес нетерпеливо:

– Я весь внимание!

– Довез бы вас до квартиры, но, к сожалению, а может, к счастью, автомобили в подъездах не могут передвигаться, – ответил водитель и залихватски подмигнул.

– Да я не о том! – взбрыкнул я. – Вы ведь наверняка хотели мне что-то сообщить.

– Гм. Нет как будто. – Бородач озадаченно почесал темя.

– Ну как же, – не согласился я. – Когда Господь вас послал ко мне, Он наверняка просил передать что-то на словах.

– Я похож на посланника Господа? – искренне засмеялся водитель.

– Стопроцентно! – В моем тоне сквозила убежденность. – Я уже разбираюсь в таких вещах. Сначала вы приняли облик бомжа! А потом дали лом!

Румяный бородач лишь недоуменно крикнул.

– Потом вы остановили автомобиль. Позвали меня в салон, развернулись в противоположную сторону от той, куда ехали. Провезли и помогли отыскать нужный дом. При том, что все сделали бескорыстно и не задали ни одного вопроса. Кто же вы после этого, если не ангел во плоти?

– М-да, – усмехнулся шофер. – В некотором роде, может, я и Божий посланник...

– Я был прав! – обрадовался я. – Итак...

– Отец Борис, я не знаю ни о каком бомже и прочем... А объяснение моего личного поступка тривиально, – объяснил румяный бородач. – Просто я тоже священник. Иеромонах⁴. Мы, служители Господа, должны помогать друг другу в это непростое для Церкви вре...

– А откуда вы знаете мое имя? – взалкал я, не дослушав.

– Вы ж мне сказали свое имя, как только сели! – поразился водитель.

Осознанная ошибка перестает быть ошибкой. Это не стопроцентно, это абсолютно.

---

⁴ Иеромонах – это монах, носящий сан священника.

- Хм... действительно... Простите, обознался, – повинулся я.
- Ничего, – успокоил иеромонах. – Это хорошо, что вам видятся ангелы. Значит, есть тому причины.
- Да-да!.. Позвольте узнать ваше имя, коли вы уж знаете мое.
- Андрей.
- И где вы служите? – спросил я, чтобы просто поддержать знакомство.
- Однако иеромонах помялся и ответил очень уж неохотно:
- У меня нет своего прихода... Служу я в Москве и... не хотел бы раскрывать место службы.
- Нет, все-таки вы ангел, – заявил я недоверчиво. – А под иеромонаха работаете. Не пойму только, зачем?
- Иеромонах поколебался, пристально глянул на меня и протянул кусочек картона:
- Я вижу, что вы из настоящих служителей, отец Борис. Не знаю, что с вами случилось, только вы – настоящий, что бы ни случилось. – Он покивал и глянул на часы. – Мне пора.
- Ангелы не раздают визитки. И не ездят на иномарках. Я взял бумажный кусочек доверия и вылез из авто с неловкой улыбкой:
- Спасибо, отец Андрей!
- Будет трудно – звоните, – ободрил румяный бородач и дал по газам. Машинка развернулась, библикнула «До свидания!» и покатила прочь. Тогда я рассмотрел визитку. И обнаружил, что в жизни нет случайностей, а есть закономерности, принимающие вид случайностей.
- Я хорошо помнил тот разговор.
- Меня зовут отец Андрей. Я иеромонах, секретарь патриарха...
- Очень приятно, отец Андрей! – воскликнул я несколько робко.
- Мне тоже приятно... – с паузой ответила трубка. – Я могу записать вас к патриарху на послезавтра.
- Хорошо, – смиренно констатировал я.
- Тогда до четверга. Вы записаны на 12 часов. До свидания...

11. О душе человеческой

Эля удивилась моему внешнему виду, но смолчала. Радужно проводила в ванную комнату и нежно погладила ручкой здоровенный шпингалет.

– Располагайтесь, – пригласила она и добавила после паузы: – Отдайте мне свою рясу.

* * *

Люди делятся на две категории. Одни не выдерживают испытания злом и рано или поздно становятся частью несправедной паутины, по которой бегают паук – дьявол. Других зло закаляет, и они, наоборот, становятся чище.

Так размышляя, я отмокал в ванне, полной воды с пенкой. Извне доносились неясные звуки – Эля хлопотала на кухне.

Дьявол ловит нас на мелочах, в том числе и на тяге к подражанию. К примеру, малолетка, услышав, как взрослые дяди выражаются матом, повторяет их слова. Сначала механически, не понимая смысла. Затем сознательно, считая, что это признак зрелости. Да что там ребенок! Те же самые дяди, насмотревшись фильмов о крутых парнях, желают быть такими же. А стоит человеку один раз войти во грех, и все, дальнейшее развитие греховности в душе подобно снежной лавине. Если, конечно, нет в душе истинной веры.

Мне стало грустно. Вот ты здоров. Потом что-то заболело, ни с того ни с сего. Это тело. Так же бывает и с душой. С душой священника – тем паче.

Люди разные. Кто-то курит, но это его единственный грех. А кто-то не останавливается на табаке и, согрешив единожды, уже не в силах остановиться. И бывает, что проходит путь с невинного, непонятого матерного слова, произнесенного в пятилетнем возрасте, до зверского убийства двадцать лет спустя.

Вообще, природа человека, на мой взгляд, не менее загадочна, чем божественная. Года два назад я вывел парадоксальное суждение: человеческая душа может сконцентрировать в себе больше зла, чем сам дьявол. Ведь, по сути, дьявол – он только сеет сомнения в душе. Поддастся человек сомнению или нет – его личное дело, и никакой бес тут не при делах. Библейская Ева вот поддалась, тем самым открыв ящик Пандоры для всего человечества.

Пред моим мысленным взором прошли три истории из жизни, и все были убийственны в прямом смысле. В первом случае причиной явился гнев, второй раз – зависть, а последнее убийство случилось из-за подлости. Возможно, это список смертных грехов, и, возможно, просмотр будет продолжаться до тех пор, пока я не зафиксирую все. Католическая традиция выводит их семь, но их может быть и восемь, и двадцать пять, и сто двадцать пять. Богу видней.

– Тоже вариант, – пробормотал я.

12. Два диалога

Причиной разговора стал перстенок с маленькими камешками, сверкающими на среднем пальце радушной хозяйки.

– Не бриллианты красят девушку. Вот уж воистину...

– Но делают жизнь прекраснее...

– Красота порождает красоту.

– Мне кажется, не всегда все зависит от душевной красоты...

– Зависит, Эля. Но не все.

– Возможно.

Мы сидели на уютной кухоньке квартиры портье и вкушали не очень питательную, но вкусно приготовленную постную пищу. Диалог возник сам по себе, неожиданно, и так же вдруг оборвался.

За окном смеркалось. Горел яркий светильник. Моя ряса сохла на балконе после чуткой стирки, а тело облегал халат толстяка Виталия, моего бывшего однокурсника и брата Эли. Мы молчали, сидя друг напротив друга.

– Скажите, отец Бориска...

– Да, Эля?..

– Вы... давали обет безбрачия?

– Нет...

– Тогда... Можно я стану вашей матушкой? – совсем тихо спросила Эля и глянула призывно, опустив нежную ручку на мои пальцы: – Попадешь!

13. С небес на землю – автостопом

Глава, записанная со слов Эли

Ровно в семь часов утра в моей квартире на Марксистской улице раздался наглый и уверенный дверной звонок. Сразу же еще один... и еще. Я проснулась, но встать не захотела. Тогда звонок затрещивал так часто и бесцеремонно, что я быстренько вскочила и, приготовив для посетителя ругательную тираду, открыла входную дверь.

На пороге меня ждал мальчишка лет десяти, светловолосый и зеленоглазый. Он был одет в форму почтальона и с почтовой сумкой на ремне.

– Тебе чего, мальчик? – спросила я и хлопнула глазами.

Я ожидала дурака из ЖЭКа, случайного алкаша, перепутавшего дверь, курьера с работы, в конце концов!.. Но не вырядившегося юнца.

– Почта Советского Союза! – бойко ответил мальчишка.

– Что за хреновина! – рявкнула я, не стараясь изображать благочестивую дуру и называя вещи своими именами. – Какая, к дьяволу, почта?..

– Ты что, ледя, не проснулась? – встревожился пацан. – Та самая почта, которая доставляет письма, журналы и пенсии!

Оказалось, что малолетний клоун грамматически правильно выговаривает слова. Например, слово «что» так и произносил – «что», через «ч».

– Будем считать, что розыгрыш удался, – покивала я грозно.

Почтальон порылся в сумке и подал запечатанный конверт.

– Вот. Заказное!

Поскольку я не реагировала, а если реагировала, то совсем не так, как хотел визитер, он добавил нервно:

– Эй, ледя, отпусти-ка дверную ручку и возьми письмо! Ты не одна вообще-то... мне еще сегодня в Уганду лететь. Автостопом, между прочим...

Я, колебавшись, взяла письмо. Нахальный юнец подсунул мне ведомость и ручку:

– Распишись в получении.

Я насмешливо глянула на клоуна, будто не замечая его руки:

– Скажи-ка мне, кто именно тебя, маленького актера, нанял? И зачем?..

– Я что, похож на актера?.. – взбрыкнул вестник.

– Абсолютно! – заверила я.

– Это еще почему? – удивился гонец.

– Не знаю как в Уганде, но в России почтальонами работают люди, достигшие как минимум восемнадцати лет, – пояснила я, зевнув. Когда рассказываешь очевидные вещи, всегда тянет спать.

– В какой такой России?.. – открыл вестник недоуменный рот. – России нет, а есть Советский Союз. А?..

– Бэ! – усмехнулась я.

Мимо прошел полицейский – сосед с верхнего этажа.

– Доброе утро! – радушно кивнул он мне и удалился.

Гонец погладил грустным взглядом российский шеврон на кителе и пробормотал неохотно:

– Говорила мне Баба Яга, учи историю.

Он смущенно помял фуражку на голове и выдал:

– Признаю свой конфуз. Но это неважно. Тебе надо расписаться в получении и передать письмо парню, что дрыхнет в гостевой комнате.

Вестник вновь протянул ведомость и ручку. Тыкнул пальцем в бумагу.

Однако! Похоже, я тут совсем не при делах! Очень интересно! Я тотчас же расписалась, где было тыкнуто.

– Пока, ледя! – Мальчишка подмигнул мне, довольный. – Будешь у нас в деревне, захаживай. Ты симпатная!..

Он поправил сумку и заспешил вниз по лестнице.

Я закрыла дверь и обернулась. Моим глазам предстал отец Бориска, в семейных трусах и растерянный.

– Вы отдали прибор греха ему? – спросил священник без предисловий, кивнув на выход. – Как они выглядят – ангелы? Расскажите?..

14. Письмо Господа

Здорово, Борис. Объясняю. Последние десять лет за Москovieй присматривал один из моих сыновей, по имени Дьявол. Это его вотчина. Я не влезал, дабы не давить, пусть, думал, мальчик привыкает к самостоятельности.

Однажды всего за один день Я получил на него столько жалоб, сколько не получал за все годы. Это было в день 17 августа 1998 года от Рождества Христова⁵. После этого Мне и пришлось вникнуть в русскую жизнь. Тогда же Я понял, что теряю Московию. Я лишил Дьявола власти и Сам занялся разбором дров, что Мой сынок наломал. Я уже почти все сделал, когда повстречался с тобой. Незадолго до сего Я утерял апокриф. Прибор греха, иначе говоря. Встреча с тобой и потеря апокрифа – это две разные Случайности в одном и том же месте, никак друг с другом не связанные. Так получилось.

Непросто разыскать человека в златоглавом городе – даже для Меня. И вот пока Я вел твой розыск, ты видел грехи. Но. Я определил в тебе честного и правильного священника, а Я всегда горжусь такими людьми, благо их не столь и много. Мне понравились твои мысли и устремления во время просмотров греховных дел. И Я хочу лично с тобой пообщаться. Жди Меня в гости и приготовь кофе с сахаром.

Бог.

П. С. Баба, у которой ты ночевал, – хорошая баба.

15. Встреча с прошлым

Было 7 мая 2000 года⁶. Этот день стал началом новой эпохи в России. К патриарху мне попасть не удалось. Точней, и не желалось. Ведь пришло известие, что наш мэр сбежал за границу, испугавшись ареста, и все мои проблемы таким образом были решены. Однако проблемы меня уже и не касались. Я приехал домой и тут же был вызван к благочинному для поздравлений! Оказывается, церковное начальство возвело меня в ранг протоиерея и дало приход в храме Мартина Исповедника, в Москве, в самом центре города! А возвернувшись в Москву, я узнал, что этот храм – тот самый, что я наблюдал из окна гостиницы. Сама же гостиница... Ее престарелый владелец собрался и уехал (говорили, в монастырь), а отель завещал Эле! Как наиболее подающей надежды работнице, к которой он испытывал отцовские чувства. То есть свершилась чередa чудес, всю полноту коих смогли оценить только я

---

⁵ В этот день правительство России объявило дефолт по основным видам государственных долговых обязательств, что стало началом масштабного экономического кризиса в России.

⁶ 7 мая 2000 г. В. В. Путин официально вступил в должность президента России.

и бывшая портье. Через месяц мы обвенчались, а год спустя у нас родился сын. Эля вела гостиницу, а я служил в храме. Жизнь текла тихо-мирно и в абсолютной благодати.

Как только я набрал на компьютере слово «благодати», в кабинет вбежал Ярослав.

– Папа, я хочу мяса! – заявил малец, заглядывая мне в глаза.

– Потерпи, сынок. Пасха через четыре дня, – попросил я с улыбкой.

– Но я хочу сейчас!..

– Ярослав, не лезь к папе. Он работает, – строго одернула малыша моя жена Эля. Она появилась в дверях с полным подносом в руках.

– Уже заканчиваю, – отозвался я. – Литературный агент прислал электронное письмо. Завтра придет, заберет готовый вариант рукописи. Наконец-то придумал название – «Апокриф».

– Хорошее название, – покивала Эля. – «Апокриф» – греческое слово, в переводе означает «тайный».

– Люди сочтут историю вымыслом. Но я бы сказал, что это мемуары.

Ярослав понял, что мясо не будет раньше, чем сказано, и разочарованно удалился.

– Ладно, пока... Вечером мы с Ванькой придем на службу.

Эля ловко сняла с подноса и поставила передо мной блюдце с медом, тарелку с сухариками, большую кружку чая. Промурлыкала:

– Твоему труду прочат статус бестселлера. Значит, много денег заработаем.

Она зашла сзади, обняла меня за шею. Я прижался к ее руке бородой и ответил мягко:

– Эля, я сел за книгу не ради заработка. Я желаю донести до людей знание о том, что Бог всеведущ и наблюдает за нами. За любым человеком, как бы высоко он ни поднялся!

– Не вижу между нами противоречий, – усмехнулась Эля.

– Я хочу, дабы человек, вбирающий чтиво, очищался посредством грязи! – выдал я страстно.

– Знаю, ты у меня самый умный и правильный, – согласилась Эля, поцеловала меня в щеку и выпрямилась. – Только, Бориска, людям наплевать на глубину. Им, главное, подать грязь, и чем ее больше, тем лучше!

– Если хотя бы один человек почувствует ниспосланную благодать, прочитав книгу, значит, автор трудился не зря, – изрек я и мечтательно улыбнулся.

– Раствлится после чтения гораздо больше, чем один, – произнесла матушка. – И вот это точно. Работай, дорогой...

Она ушла.

– Любой добрый поступок можно извратить во зло, – сказал я ей вслед. – И наоборот.

Я потянулся. Попил чаю и пожевал сухариков с медом. Потом встал и через окно полюбовался на пятиглавую церковь. Храм Мартина Исповедника.

Господь действительно не вникал в дела Московии как минимум 10 лет. Для понимания этого не нужно даже Его признания. То, что сотворил дьявол в девяностые годы, не поддается разуму. Повальная нищета на фоне кучки жиреющих олигархов и их приспешников; дикий, бесконтрольный бандитизм; финансовые пирамиды, падение нравов...

Я воочию убедился, что пути Господни неисповедимы. Бог не желал проверять мою веру, внимать моим молитвам и составлять вместе со мной список смертных грехов. Ничего такого. Он просто-напросто апокриф потерял!

Я вернулся к столу с компьютером и склонился над клавиатурой. Быстренько соорудил заголовок: «Послесловие». Немного подумал и начертал первую строчку:

«К дому на пригорке подлетело синее легковое авто с московскими номерами!»

И же тут уловил боковым зрением, что кто-то вошел в кабинет. Этот «кто-то» оказался мужчиной высокого роста с пронизательными очами, изящным жестким ртом и гладко выбритым подбородком. Во рту его тлела трубка.

– Меня зовут Бог, – сказал он с усмешкою. – И я приехал на беседу. Надеюсь, ты припас кофе с сахаром?.. Разговор будет долгим.

Послесловие

К дому на пригорке подлетело синее легковое авто с московскими номерами! Из-за руля прямо-таки выпрыгнул Бог. Оставив дверку открытой, а мотор включенным, он легко проскочил двор и крыльцо. Вбежал в библиотеку и, натужно кряхтя, отодвинул пустой стеллаж. Распахнул тюремную дверцу! На тюремной лавке лежал детский скелет, белый, как выпавший снег, и такой же неподвижный. Лицо было повернуто к окошечку под потолком. Лишь слабенькое подрагиванье плечевых костей выдавало наличие жизни.

– Сын, – негромко позвал Бог от порога.

Скелет чуть пошевелился, поворачивая истомленное чело к выходу.

– Сын, – повторил Бог. – Нельзя... без Дьявола – никак! Так сказал человек с чистым сердцем...

На лице сына дрогнул быстро выросший мускул, затем второй... Он заворочался на лавке, приподнимаясь.

Бог крикнул, да так, что задрожали стены:

– Поезжай в Москву, Дьявол! Так будет лучше... Наверняка.

Он кивнул и ушел прочь.

Сын сел на лавке, опираясь о нее слабыми, еле-еле обросшими плотью руками. Неуклюже встал. И, пошатываясь, направился к выходу.

Тёмная засада

О'Рэйн

Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко

На дне темной старой штольни некому было говорить Женьке, какой он дурак. Но он и сам прекрасно знал.

Сломанная нога пульсировала болью, ужас бил в голову красным набатом.

– Ду-рак, бу-бух, ду-рак, бу-бух.

Мама всегда говорила: «Если с тобой, Жека, что-нибудь случится, я ж не вынесу, будь поосторожнее!»

И руки заламывала, и брови поднимала трагически, как когда была Ларисой Огудаловой, а потом в нее стрелял из пистолета противный зализанный хмырь, и она падала и умирала под красивую музыку. Маленький Женька в первый раз заревел на весь зал – с него чего взять, а вот папа додумался четырехлетку в театр притащить. Занавес упал, скрыл лежащую маму, а Женька сопли глотал от ужаса, пошевелиться не мог, что ему шептали, не слышал.

Но уже через пару минут мама вышла кланяться, живая, смущенная, искала его глазами. Ей люди в зале хлопали, а к Женьке поворачивались и ободряюще улыбались. А хмырь в длинном пиджаке потом представился дядей Борей, дал поддержать бутафорский пистолет и купил в буфете батончик «Марс». Шоколаду в нем было больше, чем Женьке обычно за целую неделю разрешалось, он слопал лакомство и тут же простил мужика. Тем более что мама ему все объяснила про ненастоящую смерть, притворное горе и судьбу актрисы.

Женька представил, как мама, закусив губы, сидит и ждет звонка. Все чаще набирает его номер. Потом начинает ходить по квартире, каждую минуту выглядывает в окно, и от волнения лицо у нее становится белым-белым, кроме грязно-розового шрама через щеку.

Женька застонал, немного поплакал. Покричал «Помогите!» и «Спасите!». Звук никуда не уходил, вяз в тоннах слежавшейся земли, в древних гранитных глыбах Батарейной горы. Даже корни деревьев не слышали. Да и кричал ли он или просто рот открывал? Не понять было, реальность плыла, прорастала черными пятнами.

Выпавший из кармана телефон вдруг завибрировал в двух шагах от него, осветил сломанную балку, земляной пол штольни в гранитном крошечке и оскаленный череп, покрытый клочьями бурых волос. Женька думал, что человеческие черепа более аккуратные, чистые, как в музее. Этот же был покрыт коричневыми потеками и буграми и лежал, присохший к груде тряпья.

Телефон погас. Женька от ужаса и боли неожиданно то ли отключился, то ли уснул. Он открутил время назад и шел из школы через лес не один, а с Илонкой из параллельного пятого «Б», и она опять рассказывала, как друг друга ее брата, черный археолог, нашел в лесу в Пальцево то, о чем все поисковики мечтают, годами копая между корней и обшаривая болота.

– Он типа лаз в склоне приметил, – говорила Илона, и ее карие глаза, подведенные зелеными тенями, блестели от возбуждения. – Там весной дерево старое упало, корнями полхолма выворотило. Залез и видит – кладка каменная. Пополз по ней с фонариком – неглубоко, ноги еще у входа были, когда он нишу в стене нашел, а там – горшочек чугунный засмоленный.

– Клад?! – ахнул Женька.

Конечно, это был клад. Больше сотни монет, серебряных, византийских. В баксах, наверное, тысяч пятьдесят. Или сто. Вот же повезло!

У Женьки аж сердце зашлось – ему-то надо было всего двадцать тысяч. Нет, можно и больше, конечно, но двадцать очень нужно маме на пластику, ожог убрать и глаз поправить.

Она бы вернулась в театр, снова носила бы красивую одежду, а не спортивные куртки с капюшонами. По ночам бы не плакала. Они бы вернулись в Питер. И все стало бы, как было до того, как семилетний Женька полез на новогодний стол за вазой с шоколадными конфетами, убранной от него подальше, и спихнул на елку открытую бутылку коньяку и свечку...

Воспоминание было таким обжигающим, что Женька снова очнулся в темноте, сквозь которую невидимо щерился череп предыдущего охотника за сокровищами, обнаружившего когда-то неприметный лаз в конце линии старинных укреплений на Батарейной горе. Его не нашли, и Женьку не найдут.

Но телефон ведь звонил! Мальчик потянулся, заорал, когда пришлось двинуть ногу. Зашипел, наткнувшись на череп. И вот, наконец, холодный гладкий пластик лег в дрожащую руку. Женька облизал губы, нажал на кнопку.

Связи не было. Глупо было надеяться, что сигнал пробьет тонны земли и камня. На экране высветилась напоминка «ПОЗВОНИ РОДИТЕЛЮ» – отец установил, чтобы Женька не забывал ему звонить хотя бы раз в неделю, по четвергам. Говорил – скучает, и зря они с мамой уехали из Питера, к ним не наездишься, особенно когда молодая жена на сносях... Будет девчонка, Женьке на замену. Папа утешится быстро, будто и не было у него непутевого толстого сына, сплошного разочарования.

Женька еще немного порывал от жалости к себе, но сквозь сладковатую детскую беспомощность пробивалось холодное, взрослое понимание, что мама-то не утешится, что ее горе будет глубоким и безвылазным, как эта штольня. И значит, надо попытаться что-то сделать, пока есть силы, пить хочется умеренно и боль можно терпеть.

Невелика заслуга – лечь тут и помереть, как этот, с черепом. Женька включил экран, осмотрел товарища по несчастью. Решил, что тот, наверное, шею сломал, когда падал. Нога-то – это еще ничего. Больно, конечно – Женька орал как резаный, но с третьей попытки удалось встать на четвереньки. Он посветил вокруг экраном – крошево булыжников, пара сломанных балок, в ширину метра два, а в длину надо проверить. Мальчик зажал телефон в зубах и, царапая руки, пополз через штольню. Противоположную стену нашел, сильно долбанувшись о нее лбом. Сел, посветил. И ахнул.

Стена была из светлого серебристого материала, очень плотного и холодного. Если б можно было сплавить серебро с мрамором, получилась бы именно такая штука.

В гладкую поверхность были врезаны контуры створок больших дверей, таких высоких, что слабый свет не дотягивался до их верха, рассеивался, тенями стекал вдоль глубоких линий. Женька потер лоб, измазав руку кровью – ссадина сильно кровила. Снова потрогал чудесную стену, оставив смазанный отпечаток. И вскрикнул от удивления – белый камень тут же впитал кровь, как и не было. В плотной тишине подземелья вдруг раздался треск, рокот камня, трущегося о камень. Створки дверей дрогнули, между ними возникла щель и начала расширяться, разрезая темноту полосой неяркого серого света. Мальчик отполз назад, наткнулся на что-то мягкое, податливое – ох, еще один мертвец? Оказалось – его собственный рюкзак.

Хорошо: там была бутылка сока и фрукты, мама ему всю неделю давала с собой по яблоку, а он не ел, покупал шоколадки в буфете. Плохо: остался бы рюкзак там, наверху, может быть, его бы нашли, а по нему и Женьку отыскиали?

«История не знает сослагательного наклонения!» – говорил папа. Женька не без труда утешился этой глубокой мыслью и стал ждать, когда дверь полностью откроется. За нею

клубилась светло-серая муть, как в парной бане. Потом сквозь нее шагнул коренастый, очень широкоплечий человек – виден был лишь силуэт. Остановился у порога.

– Ты готов? – спросил он хриплым, тихим голосом, которым, тем не менее, заполнил все пространство, как если бы певец Высоцкий очень устал, тихо спел песню, а кто-то потом на колонках звук выкрутил на полную мощность.

Конечно, Женьке сразу захотелось спросить «К чему готов?» или «А вы кто?», или состорожничать и сказать, что, наверное, не готов... пока еще. Но тут же представил, как человек после такого ответа закрывает двери и уходит, а он опять остается в темноте под горой с четырьмя яблоками, сломанной ногой и половиной телефонной зарядки.

– Я готов, – сказал Женька решительно. Пусть его только отсюда вытащат, а он потом разберется.

– Твоя служба нам продлится три года. – В голосе послышалась улыбка, словно человеку понравилось, как Женька ответил. – Для твоего мира за это время пройдет около трех дней, а для твоего тела – пара месяцев. Так соотносятся время и плоть между Мидгардом и Нидавеллиром. Когда твоя служба кончится, ты получишь награду. Еще раз спрошу – ты готов?

Женька подумал, что сильно ударился головой. Или вообще спит. Сейчас телефон заиграет «Прекрасное далеко» (друзьям он говорил, что на будильнике у него – «Гангем стайл») и надо будет вставать, собираться в школу, торопить маму, чтобы не смотрела полчаса в свой кофе, а то опять на работу опоздает.

Но он никогда не понимал героев, которые, сталкиваясь с магией или приключением, по полкниги отказывались верить и бродили по сюжету, бухтя: «Это сон, не может быть». Действовать нужно по ситуации. Сон так сон. Не сон – так тем более.

– Я готов, – сказал Женька. – А что мне нужно делать? И это... у меня не очень хорошо обычно получается. Но я буду стараться.

Человек шагнул ближе к двери, так что светящегося тумана между ними почти не осталось, и внезапно оказался не человеком. Голова у него была слишком большой и круглой, лицо заросло густой седой бородой до середины щек, мясистый нос выглядывал из зарослей, как рыжий кот из куста. Но самыми нечеловеческими были глаза – большие, выпуклые, золотистые, без белков. У Женьки раньше была любимая мягкая игрушка – толстый белек Ва-Вась с такими же огромными глазами из янтарного пластика.

Одет человек был в куртку и штаны из плотной темной ткани. У пояса висел длинный топорик, с одной стороны было лезвие, с другой – что-то вроде колотушки.

«Гном!» – мысленно ахнул Женька, и вопросы из него полетели, как горошины в игре «Цветы против зомби». Он даже про боль в ноге забыл.

– Вы – гном? Вы забираете меня в подземное королевство? В эту... Мэрию, как у хоббитов? И что, правда здесь всего три дня пройдет, а у вас три года? А побыстрее нельзя, а то моя мама совсем изведется? А что я у вас буду делать? Помогать в волшебной кузнице? Я могу, мне в прошлом году паяльник подарили. А работать много надо будет? А там все по-русски говорят? А вас как зовут?

Гном прикрыл огромные глаза тяжелыми веками.

– Ты желаешь знать все, дитя Мидгарда. Это хорошее качество. Мы говорим не на твоём языке, а на моём, из которого произрастают наречия вашего мира. Кроме венгерского, – добавил он, подумав. – Я – Нар из народа цвергов, которых вы называете гномами. Ты не будешь работать в кузнице...

Женька вздохнул.

– Ты будешь сидеть на Кристальном троне, – продолжил гном. – Твое отчаяние и решимость исказили структуру мироздания так, что перед тобою возникли врата Подземных

королей. Твоя кровь их отворила. В третий раз я спрошу тебя, готов ли ты войти в Нидавел-лир и начать свою службу?

– Я готов, – ошеломленно сказал Женька.

– Тогда войди в свое королевство. – Гном отступил на шаг назад и поклонился.

– Ногу больно очень. Вы мне не поможете? Пожалуйста?

– Это врата королей. В них может пройти только король.

Женька попробовал подняться, заорал, упал на четвереньки.

– Можно и так, – сказал гном мягко. – Чтобы попасть из одного места в другое, не обязательно идти величаво. Нужно просто двигаться, преодолевая расстояние и боль. И не останавливаться, пока не окажешься там, куда нужно попасть.

Женька продел руки в лямки рюкзака и пополз в свое царство.

Светящийся туман оказался плотным и холодным на ощупь, он расползлся с хрустом, как сахарная вата. Женька все полз и полз, ничего не видя и не соображая от боли в ноге. Поверхность под руками и коленями сделалась ровной, стала клониться вниз все сильнее, скользить было страшно. Тело холодело. Когда он подумал, что больше не может двигаться, его подхватили крепкие руки, поставили, осторожно поддерживая, чтобы он не наступил на большую ногу.

Женька поморгал и увидел, что стоит на каменном возвышении в невероятно огромном зале, под руки его держат двое гномов с одинаковыми темными бородами. Перед ними стоит Нар, зал заполнен гномами, и сотни лучистых глаз смотрят на него с бородатых лиц.

– Начинаются годы короля, – сказал Нар негромко, и голос заполнил огромный зал, и сотни других голосов с ликованием подхватили его слова.

Женька открыл глаза в светлую пустоту. Взгляд было сфокусировать не на чем, это было странно и даже приятно, будто спать с открытыми глазами, грезить об удивительном.

Женька сел и встретился с янтарным взглядом Нара, сидевшего на каменной скамье рядом с его... мальчик огляделся – он сидел в прозрачном длинном саркофаге, заполненном светящимся туманом.

– Как гроб хрустальный из сказки, – медленно сказал Женька.

Улыбку Нара скрыла борода, но она проявилась в голосе.

– Это целительный короб Дарина, – кивнул он. – В нем – радостное для плоти время Асгарда. Мы собрали кость в твоей ноге, она начала срастаться. Но ты не можешь вечно лежать в безвременье и ждать. Хотя бывало и так...

Нар потянул рычаг у изголовья, и стенки «гроба» ушли вниз, туман впитался в темную блестящую плиту. Женька увидел, что на нем – одежда из плотной серой ткани, такая же, как на гноме, а нога до самого бедра как будто отлита из серебристого бетона. Он потрогал – и на ощупь бетон.

– Камень поверх кожи будет держать твой вес, – сказал Нар. – Пойдем, Безбородый король. Пора начать службу и назвать народу твое имя.

Нога была как бревно – тяжеленная и не гнулась. Внутри бревна сидела боль, глухая, глубокая. Женька пару раз охнул, волоча ногу, но Нар посмотрел на него странно, и мальчик сжал зубы, выпрямился и пошел ровнее, зажимая боль в тиски воли и монотонного счета (и рраз-два-три, рраз-два-три). Совсем скоро стало легче, и Женька увидел, что они идут то ли по узкой улице, то ли по очень широкому коридору. За высокими арками стен виднелись дома из разноцветного камня, очень красивые, с широкими входами без дверей и квадратными окнами. Пол был гладким, а потолка не было вовсе. В высоком зеленоватом небе скользили облака.

– Я думал, здесь нет неба, – удивился Женька.

– Везде есть небо, – сказал Нар. – Всем разумным существам нужно смотреть вверх. Мечтать о полете, о преодолении силы, которая нас держит внизу.

Женька вскрикнул от удивления – большое белое облако вдруг пришло в движение, помчалось через небо и набросилось на другое, поменьше и розоватое. Оно дернулось, попыталось ускользнуть, но белое уже обволакивало его, поглощало, забирало в себя.

– Небесная охота, – кивнул Нар. – Небо Нидавеллира – это внешняя оболочка Мидгарда. Ты видишь духов своего мира в их отдыхе и борьбе.

– Послушайте, а зачем вам царь? – решил Женька. – Ну, в смысле, я как царь? Человечек. И ребенок. И еще и не из лучших.

– Почему ты не из лучших? – спросил Нар с интересом. – Объясни.

Женька подумал.

– Ну я не особенно умный, – сказал он. – Неусидчивый. Силы воли у меня мало, ничего делать толком не умею. Играть люблю и сладости. А надо учиться, запоминать все и полезную еду есть. Думаю только о себе, а из-за этого с другими людьми всякое плохое случается...

Он всхлипнул, задыхаясь. Гном остановился и положил ему на плечо тяжелую, очень горячую руку.

– Я слышу много чужих голосов в твоих словах, – сказал он. – И совсем не слышу твоего собственного. Но, думаю, ты его скоро найдешь. По завету Дарина, когда потомок Аска и Эмблы проходит границу миров, мы сажаем его на Кристальный трон. Вы вершите суд, говорите с нами, ведете нас в бой. Из ваших образов, как из осколков зеркала богов, мы собираем великую картину бытия. Ты решил, под каким именем будешь править народом цвергов?

Женька подумал о супергерое, которым иногда себя воображал. Джонсон, или Джон-Сон, умел летать, видел будущее во сне и не горел в огне из-за особых свойств кожи, полученных при падении в радиоактивное озеро в лесу под Выборгом.

– А двойное можно имя? – спросил он и сказал заветное.

– Джон-Сон, – кивнул гном. – Такого еще не было. Джон-Роланд был, он славно правил.

Они вошли в огромный зал без крыши. Под полом из прозрачного хрусталя неисчислимые звезды и сияющие вихри туманностей медленно кружились в бездонной черноте. Женька из созвездий знал только Большую Медведицу, но даже знай он звездное небо лучше, разобраться в этой бесконечности он бы не смог. Он задохнулся и упал бы на колени, если бы нога гнулась.

– Звезды не мигают, – сказал он первое, что пришло в голову.

– Нет, – ответил Нар. – Мерцание звезд – это иллюзия неба Мидгарда. Пройди по звездному пути, Джон-Сон. Если кружится голова, смотри вверх.

В зеленом небе над ними танцевали, ластились друг к другу облачные духи. Сквозь боль и страшное одиночество крохотной песчинки в бесконечности мироздания Женька хромал к Кристальному трону, стоявшему далеко-далеко в конце зала. Двести сорок три шага спустя он дошел.

– Подземный король Джон-сон принял службу, – провозгласил Нар.

Женька полусел-полуупал на трон – высокое кресло из хрусталя, абсолютно гладкого, но бархатистого на ощупь и очень теплого.

Пол в зале помутнел, космос спрятался. Из арок в стенах толпами повалили гномы, они говорили возбужденно, радостно, басовито. У всех были бородастые лица, крупные носы, разноцветно-сияющие глаза.

– Сейчас начнешь решать накопившиеся споры, – сказал Нар.

– Я? – очень удивился Женька. – Я же ничего не знаю!

– Знать не нужно, – усмехнулся гном. – Слушай, пытайся понять. И говори, что кажется правильным.

– И будет по-моему?

– И будет по-твоему.

Цверги разошлись по залу, некоторые выстроились в очередь, остальные обступили трон, переговариваясь, смеясь, оглаживая бороды.

На площадку перед троном вышли два очень похожих цверга с рыжими бородами. Глаза у одного были темно-голубыми, а у другого – почти желтыми. Гномы поклонились, назвали Витом и Летом.

– В доме, подвале глубоком, – начал Вит, – мы старого эля высокую тунну нашли вместе с братом.

Второй цверг, кивая, подхватил.

– Тут же возник у нас спор – распечатать и выпить напиток? Нам на двоих его хватит на год или дольше. Или всех цвергов созвать на веселье хмельное? Меньше достанется нам, но умножится радость. Трудно решить, рассуди нас, Джон-Сон.

Женька сидел ни жив ни мертв, как будто его к доске отвечать вызвали, а он не только ответа не знает, а еще и вопроса не слышал и вообще, сейчас, кажется, громко пукнет.

– Это официальный королевский слог, – прошептал ему в ухо Нар. – Тебе не обязательно в ритм отвечать. И вообще думать можешь сколь угодно долго. Мы народ терпеливый.

И действительно, оба искателя Женькиной мудрости спокойно посматривали по сторонам, не выказывали никаких признаков нетерпения.

Женька задумался. Потом решил – буду вести себя, будто вот-вот проснусь, и что бы ни случилось, расхлебывать не придется.

– Радость делить хорошо, – сказал он, чувствуя себя магистром Йодой. – А в подвале вдвоем напиваться – не очень. Друзей созовите.

Цверги низко поклонились, пряча в бородах одинаковые улыбки, и молча отошли в толпу. На площадку вышел огромный гном – на голову выше окружающих и гораздо шире в плечах.

– Ночью глубокой я шел на прогулку однажды... – неожиданно тоненьким голосом начал он.

Женька посмотрел на очередь цвергов – сеанс ритмической поэзии, похоже, ожидался долгий. Сжав зубы, чтобы не застонать, подвинул ногу поудобнее. Глубоко вздохнул. И продолжил нести службу.

Королевские покои оказались едва ли больше однокомнатной квартиры, где Женька уже больше года спал на раскладном кресле, а мама – на диване. На мраморном столе стоял глиняный горшок, от которого вкусно пахло. Женька вдруг понял, насколько голоден.

– Что это? – спросил он, опустошая вторую миску. Ложек не было, суп надо было хлебать через край.

– Корни, – ответил гном. – Наши миры пересекаются так, что цверги могут брать лишь то, что скрыто под землей. И только в северной части вашего мира.

Женька вздохнул – какао-бобы явно не росли под землей на Севере, а значит – три года без шоколада. Он угостил Нара яблоком, тот поблагодарил и, прежде чем откусить, долго вдыхал его запах.

– Свет Мидгарда заперт под кожей этих плодов, – сказал он. – Много столетий назад у нас была королева, которая, себе на беду, очень любила яблоки... Ложись спать, Джон-Сон. Ты выглядишь усталым.

Женька с сомнением посмотрел на каменное ложе, которое, впрочем, с готовностью приняло форму его тела, когда он лег.

- Как может камень быть мягким? – спросил он.
- Камень – плоть Нидавеллира, – улыбнулся Нар. – Плоть щедра.

Женька спал как убитый, а когда проснулся, за столом сидели два почти одинаковых темнобородых гнома, те самые, что подняли его с колен, когда он выбрался из штольни. Они пили из больших глиняных кружек. Женька сел и понял, что нога болит уже меньше.

- Доброе утро, – сказал он.

Цверги повернулись и посмотрели на него одинаковыми темно-зелеными глазами. У одного из них не хватало куска ноздри и нос был весь в шрамах.

– Приветствуем короля, – сказали они хором. – Когда ты будешь готов вести нас в поход?

- Эммм... – Женька не нашелся, что ответить.

Пока он думал, в комнату вошел Нар.

– Аустри, Вестри, – сказал он. – Традиции требуют обсуждения походов и планов, когда король сидит на троне, а не спит в своих покоях.

– У нас все меньше времени, – сказал гном с рваным носом. – Коренница умирает. Если не напоить ее сияющей кровью, мы обречены.

– Нас слишком мало, – покачал головой Нар. – Выступив в поход, мы можем не вернуться. Коренница умрет, а оставшихся цвергов будет до самого конца терзать отчаяние и горе о погибших братьях. Вестри, ты согласен со мной или с братом?

- Пусть решает король, – сказал Вестри и отпил из кружки. – У нас теперь есть король.

– Расскажите мне, – попросил Женька, подсаживаясь к столу и, сжав зубы, задвигая под него свою ногу-бревно. – Только не в стихах, пожалуйста.

У цвергов не было женщин.

– Мы знаем, как продолжают себя народы Мидгарда, – поморщился Аустри, и его разрубленная ноздря на секунду разошлась. – Мужчину и женщину создали их, Аска и Эмблу. Вы коротко живете, но любой мужчина, растящий бороду, может продолжить род с любой женщиной, роняющей кровь...

Коренница была живой пещерой, в которую входил готовый к таинству, уставший от груза жизни цверг. Там его воспоминания сливались с жизнями предков, а тело разделялось на двух, реже трех новых цвергов – юных, почти безбородых, имеющих лишь изначальные черты прежней личности.

– Познавая и взрослея, они вливаются в свой народ, – сказал Вестри. – Они впитывают опыт и черты тех, кто был до них, выбирая их по внутреннему наитию и потребностям своей новой души. Иногда они становятся такими же, как были. – Он посмотрел на брата. – Иногда – совсем другими.

– Но тот, кто вошел в пещеру – он же, получается, умирает? – медленно сказал Женька. – Его больше нет?

– Вы делаете людей из людей, – вздохнул Нар. – Коренница делает цвергов из цвергов. Народ растет, народ живет. Плоть создается из плоти, жизнь – из жизни.

Он налил из кувшина в кружку темной пенистой жидкости. Комната наполнилась запахом имбиря.

«Интересно, – подумал Женька, – не тот ли это старый эль, что нашли Вит и Лет?»

– Коренница больна, – сказал Аустри. – Год назад в нее вошел старый Яри – у нас были сомнения, но ждать дольше было нельзя, его усталость делалась все сильнее. Сыны Яри не вышли из пещеры. Не разделенные до конца, несформированные, они вросли в Коренницу и кричали страшно...

Он коснулся своего топора и мрачно посмотрел на Нара. Тот тоже потрогал топор и залпом выпил стоявшую перед ним кружку.

– Если напоить Коренницу сияющей кровью йотуна – ледяного великана – у нас появится будущее. Но чтобы добыть ее, предстоит рискнуть настоящим – мы не знаем, сколькими жизнями придется заплатить. Этот выбор предстоит сделать тебе, король Джон-Сон. Если ты выберешь поход, то сам нас в него поведешь. Но можно немного подождать, пока заживет твоя нога.

Женька почувствовал облегчение – не нужно решать прямо сейчас.

– А можно мне того, что вы пьете? – попросил он.

Гномы расхохотались, Вестри подвинул ему кружку и дружески хлопнул по плечу.

Женька отхлебнул. На вкус было – как квас.

Коренница оказалась похожей на огромное полое мраморное яблоко, гладкой, теплой на ощупь. Внутри он заходить побоялся – вдруг она его тут же начнет... переваривать и приращивать.

– Не бойся, Джон-Сон, – сказал Нар. – Коренница понимает. Она – центр нашего мира, видишь, как он нее расходятся корни? Они пронизывают Нидавеллир и знают в нем всех существ.

Женька положил руки на теплый камень у входа и ощутил такую радость и спокойствие, какие знал только совсем маленьким, сидя у мамы на руках. Спираль воспоминаний начала раскручиваться, наполняя его горячим чувством, и только когда оно взорвалось в нем миллионом воздушных шаров, он понял, что это – любовь. Мама легко поднимала его и подносила к большой теплой груди, и ничего, кроме мамы, любви и молока, в мире не было. Мама лежала с ним, когда он болел, и пела ему «Прекрасное далеко» в горячечной темноте, и сжимала его пухлую руку своими гладкими прохладными пальцами. Мама смеялась и бежала за ним по гальке черноморского прибоя, а за нею бежал папа и рычал, как медведь, и тоже смеялся. Сквозь брызги Женька видел и другие события, происходившие не с ним, но столь же важные и полные сильных чувств. Молодой цверг выходил из темноты в свет рука об руку с другим, незнакомым, но таким же, как он, и тысячи братьев приветствовали его, и волна радости вставала за волной. Кто-то смотрел на звезды в ночном небе – Женька не мог понять, он или не он, – и душа его переполнялась восторгом и благоговением.

– Ее нужно спасти! – воскликнул он горячо. Потому что почувствовал в Кореннице глубокий надлом, болезнь, которая лежала на ее сути, как безобразный, стягивающий кожу ожог на прекрасном мамином лице, проникая все глубже, мучая и искажая то, чем она была. – Как можно скорее, любой ценой. Нужно идти в поход.

– Цена велика, – вздохнул Нар. – Вернутся не все. И цверги не любят убивать.

– Кого убивать? – не понял Женька.

– Кореннице нужна кровь, – сказал Нар. – Кровь ледяного великана. Есть лишь один способ забрать у кого-то кровь.

Он положил короткопалую сильную руку на топор у своего пояса, и Женька задрожал.

Машины цвергов работали день и ночь, пробивая проход между мирами. Сломанная Женькина нога срасталась медленно и все же каждый день болела чуть-чуть меньше.

Он нес свою службу на Кристальном троне – выслушивал споры, отвечал на вопросы, говорил стихами. Часто цверги просили его почитать «с таблички», и Женька читал вслух книжки, которые мама в свое время закачала ему на телефон в надежде, что он будет приобщаться к мировому литературному наследию, а не играть в «майнкрафт» и птичек. Цверги слушали зачарованно – они очень любили истории.

Телефон волшебным образом не разряжался, так и оставался на половине зарядки – Нар сказал, что в Нидавеллире силы, рождаемые земными металлами, не могут иссякнуть.

– Йотуны – изначальные существа, – говорил Нар. – Космическая энергия в Йотунхейме проявляет себя их плотью. Они, как вы, – мужчины и женщины. Мы и они не умеем общаться – они не произносят слов, а поют звуки, а цверги к музыке не способны. Но у нас с ними старая вражда. В бою они сильны и яростны – много столетий назад король Уле водил нас в поход за сияющей кровью – тогда нас было гораздо больше, и Коренницы было две... Вернулся лишь один цверг из пяти, а Уле был тяжело ранен, и короб Дарина не смог его исцелить...

– Король может здесь умереть? – спросил Женька. Такая мысль не приходила ему в голову.

– Любой может умереть, – сказал Нар. – Все умирает. Хоть и не навсегда. Пойдем, Джон-Сон, я покажу тебе оружейную палату цвергов. И стояла скрукетроллов.

Женька стоял у высокого каменного зеркала, облаченный в легкий доспех из красного металла. Он смотрел в свои глаза и не узнавал. Это был не он, это был подземный король Джон-Сон – худой, решительный, повзрослевший, с ногой, залитой в серебро, и с топором на поясе. Он потрогал лезвие, представляя, как вонзает его в ногу великана, и оттуда фонтаном бьет светящаяся кровь.

– Кто ты? – спросил он свое отражение. – И где же тогда я?

Джон-Сон не ответил, только сощурился.

Двести сорок цвергов вошли во ворота между мирами. Туман за воротами был таким же, как Женька помнил, – плотным и хрустким. Когда он рассеялся, перед ними был другой мир – под огненно-красным небом лежала иссиня-черная холмистая земля. Было очень холодно, и воздух пах электричеством, как после грозы.

Цверги ехали по трое на платформах, закрепленных на спинах скрукетроллов – мокриц размером с маршрутку. У них были мощные зазубренные жвала, по десять коротких ног и по три пары красных глаз, умных и недобрых. Женька очень волновался, что упадет с платформы и ему придется в них взглянуть вблизи.

– Они не жрут без команды, – успокаивающе сказал Аустри. Король с советниками ехали впереди остальных, с Женькой были чернобородые братья и седобородый Нар. – Хотя если команды «не жрать!» нет, то могут попробовать...

Он задумчиво потрогал свой разорванный нос. Женька покрепче уцепился за борт платформы.

Через несколько часов пути они увидели первого великана.

Вестри махнул рукой, и отряд остановился.

– Повезло, – сказал Нар. – Это ребенок. Битва будет быстрой. Наполним тунну и уйдем побыстрее.

Женька оглянулся на тунну – большую бочку червленого серебра.

Потом на великана.

Она танцевала между холмов – гибкая, светлая, высотой с двухэтажный дом. Сложена она была совсем как человек, а одежды на ней не было.

– Одежды они не носят, – эхом Женькиных мыслей тихо сказал Нар. – Им не бывает холодно, а стыда, как у вас, в них не заложено.

– Вы собираетесь на нее напасть? – с ужасом спросил Женька. – Броситься с топорами?

– Мы не убиваем без нужды, Джон-Сон. Не как вы. И ты сам видел, насколько велика наша нужда. Ты сам отдал приказ выступить в этот поход. Веспри, командуй построением.

Гномы начали спешиваться. Женька смотрел на прекрасную девочку-великана. Она танцевала, и мир звенел мелодией, неслышной, но видимой в ее движениях, и в ней была такая сила и такая красота, что Женька понял – никакая нужда на свете не может оправдать того, что они сейчас собираются сделать.

– Стойте! – крикнул он. – Я запрещаю!

Он обернулся – и встретил угрюмые взгляды сотен цвергов, уже стоявших в боевом построении, с топорами наизготовку.

– Весь наш мир, Джон-Сон. Весь наш народ, его мудрость и опыт. Неужели они не стоят одной жертвы? – медленно спросил Нар. – Их народ тоже убивал наш.

– Но не она же, – сказал Женька. – Она невинная. Она ребенок.

– Они сильнее, – сказал Вестри. – У них преимущество. С нею у нас куда больше шансов получить то, что нам надо.

– Ты читал нам истории своего мира, Джон-Сон, – подключился Аустри. – Хорошо героям, когда их выбор – между добром и злом. А если выбор – между злом и злом, между смертью и смертью? Вспомни Коренницу, король. Она умрет. И весь наш народ – с нею.

Женька подумал о Кореннице. И о маме. И о танцующей девочке. И о сестренке, которая у него должна была родиться. Смог бы он пожертвовать ею ради мамы?

– Нет, – сказал он. – Если так, то поворачиваем обратно.

– Мы не отпустим тебя в Мидгард, король, – зло сказал Вестри, и его борода затряслась. – Ты будешь сидеть на Кристальном троне всю свою жизнь – долгие столетия. Служить цвергам и смотреть, как мы умираем, не продолжаясь. Отойди и дай нам взять то, что нам надо.

– Нет, – сказал Женька, и тут девочка заметила их. Она подняла голову и пропела тревожную ноту, снова и снова.

– Ну вот, Джон-Сон, – вздохнул Нар. – Ты хотел справедливой битвы? Сейчас ты ее увидишь.

Земля задрожала, и из-за холма выбежал другой великан – шире, мощнее, на две головы выше девочки. Увидев цвергов с топорами наперевес, он запел тревожно, зло.

– Рубите ему связки на ногах, – крикнул Астри. – Если он упадет – у нас будет шанс. Вперед!

Гномы побежали лавиной, как крысы на кота. Женька, хромая, бежал позади, тянул за собою тяжеленную ногу. Великан отодвинул девочку подальше, присел перед нею, сжав кулаки над самой землей.

«Может, это его дочка, – подумал Женька. – Или сестра. Или просто они все друг друга защищают».

Великан разбросал руками первую волну цвергов, но их было много, они рассредоточились и забежали со всех сторон. Он закричал, когда сразу несколько топоров ударили его по ногам. Сильно пнул рыжебородого цверга – тот полетел, вопя, ударился о камень и сполз на черную землю. На топорах гномов, на камнях вокруг, на коже великана светились мягким голубым цветом капли его крови. Великан схватил сразу двух гномов, стукнул их друг о друга и отшвырнул. В одном из них Женька с ужасом узнал Нара. Тот упал неподалеку, мальчик бросился к нему. Голова Нара была неестественно вывернута, он дышал с трудом, в огромных янтарных глазах стояли слезы.

– Теперь справедливо, Джон-Сон? – просипел он. – Теперь количество зла для тебя приемлемо?

Девочка набрала камней и стала бросать их в цвергов. Как в замедленной съемке, Женька сначала увидел, а потом уже почувствовал, как булыжник размером с мяч ударяет его в бедро, как идет трещинами каменная оболочка его ноги, как страшная сила толкает его назад, опрокидывает на спину и мир взрывается ярко-белой, раскаленной болью.

– Стойте! – протолкнул Женька сквозь стиснутое горло. – Стойте! Назад!

Подниматься было трудно, как толкать в гору огромную тяжесть. Но он поднялся, поморгал, и когда зрение вернулось, то увидел, что цверги послушались, остановились, отступили. Великаны тоже замерли – взрослый зажимал рукой рану на ноге. В мякоти руки торчал глубоко засевший топор.

«Они не разговаривают, – сказал Нар. – Они поют».

Снимая и бросая на землю доспехи, король Джон-Сон хромал к великанам.

Остановился прямо перед ними. Ледяной ветер Йотунхейма взъерошил его волосы. Сквозь боль дышать было трудно. Но он набрал в грудь воздуха, как можно больше.

– Слышу голос из прекрасного далека, – запел Женька, изо всех сил напрягая связки. – Голос утренний, в серебряной росе...

Великаны смотрели на него, склонив головы.

Женька пел песню – старую, детскую, любви к которой стеснялся, но сейчас, в минуту отчаяния, она была единственным, что пришло ему в голову. Он пел и думал о родителях, о своей сестренке, которая должна была вот-вот родиться в том мире, где толстый мальчик метался между мамой и папой после развода и никак не мог определиться, кого и как любить. Думал о своих цвергах – об их ярких глазах, когда он читал им истории, их стихах и низком смехе, их древних корнях и безнадежной тоске, и о Кореннице, которая чувствовала тебя всего и принимала, понимала и любила. О ее неизбежной смерти, о том, что когда-нибудь все умрут, погаснет солнце, из мира вытечет кровь и пространство и время сожмутся в безумной плотности точку, семя нового Игдрасиля.

Женька пел песню, на которую у него никогда не хватало голоса, мучительно выдирая звуки из своего стиснутого горла, и цверги вокруг него плакали.

Девочка-великан положила руку на плечо взрослого. Он поднялся и, тоже хромая, пошел к гномам. Наклонился над тунной, протянул над нею руку и, вскрикнув, выдернул засевший топор. В бочку полилась голубая сияющая кровь – каплями, потом струйкой. Девочка улыбнулась Женьке. Не допев до конца, он почувствовал, как в до предела напряженном горле что-то захрипело и надорвалось. Он качнулся на разбитой ноге и без памяти упал на черную ледяную землю Йотунхейма.

– Спи, Джон-Сон, – говорил Вестри, сидя рядом с ним на платформе, мерно покачивающейся от движения скрукетролла. – Отдыхай. Ты хорошо послужил нашему народу.

Женька хотел спросить про Нара, но не смог – звуки не произносились, будто нечем было. Он повернул голову и увидел, что Нар лежит рядом, голова его все так же вывернута, но он жив – веки поднялись над янтарными глазами и снова опустились.

Тогда и Женька закрыл глаза.

– Спи, Безбородый король, – сказал Вестри. – Спи.

– Мы отпускаем тебя, – сказал Аустри, когда Женька проснулся в своих покоях, ставших такими привычными за последние месяцы. На нем была его старая школьная форма. – Твоя служба окончена. Но прежде чем я отведу тебя к вратам, позволь показать тебе то, чего ты еще не видел, Джон-Сон.

В комнату вошел Вестри и поклонился Женьке. Братья взяли его руки, закинули себе на плечи, помогая идти. Выходило не слишком величаво, но довольно быстро.

– Чертог подземных королей, – сказал Аустри, когда они вошли в огромный зал, заполненный сотнями серебряных статуй. Девочки и мальчики в одеждах всех эпох улыбались, хмурились, смотрели строго.

– Когда служба короля кончается, мы отливаем статую, – сказал Вестри. – Касаясь ее, король оставляет нам свой отпечаток. Вы уходите в свой мир, но новые цверги, выходя из Коренницы, проходят по чертогу и разговаривают с вами. Пройди и ты. Ты можешь стоять?

Шатко, но Женька мог. Любопытство было сильнее боли. Он дотронулся до серебряного плеча худенького вихрастого мальчика и задрожал – образы заполнили его, чужие воспоминания, обрывки мыслей и карусель лиц.

Ферма под Дрезденом, злая толстая гусыня Альбертина, болезнь брата, любимая заводная машинка, которую он подсовывает под его холодную маленькую руку в гробу. Вишни. Он сидит на дереве и ест сладкие вишни, сок наполняет рот.

– Пора в школу, Гюнтер, – кричит мама.

В церкви, через ряд, – красивая девочка с тяжелой светлой косой. Она притворяется, что смотрит в молитвенник, но на самом деле смотрит на него.

– Псалом восьмой, – говорит священник.

Девочка улыбается. Гитлер говорит по радио, захлебываясь своей правотой. Война, новые порядки, папа хмурится: «Нас это не касается, мы – от земли». Американские бомбардировщики в высоком голубом небе, взрывы, старая кладовая под холмом, и мама кричит «забирайся поглубже». И удар, и тишина.

Женька отдернул руку, тяжело дыша. Шагнул дальше.

Двенадцатилетняя Хавронья, провалившаяся в старый колодец, о котором никто в деревне и не помнил, – дедушкины сказки, щенки псицы Марки, отец прячет в бороде улыбку, огромная поляна лисичек, нужно две корзинки, мама дает поносить спеленутого братика, тесто на пирожки поднимается, лезет из кадки, как живое...

Десятилетний Джон-Роланд, заблудившийся в меловых пещерах Малвернских холмов – мамина мягкая рука на его волосах, няня поет старую африканскую песню, с красного цветка на руку прыгает огромный черный паук, бумага подарка рвется, открывая обложку книжки про индейцев, мама не поднимается с постели третий день, мальчишки зовут купаться на речку, учитель в школе бьет линейкой по пальцам, старый дуб шелестит, будто говорит с ним...

– Мы помним всех, – тихо сказал Аустри. – Они все с нами. Коснись своего отпечатка, Джон-Сон. Останься, уходя.

Женька повернулся и оказался лицом к собственному серебряному лицу. Он положил руку на плечо своей статуи. Что он мог в ней отпечатать?

Он едет на шее у папы, хватается за его уши, папа ойкает, смеется. Мама сидит у зеркала в костюме Гвиневеры, ее синяя, как вечернее небо, юбка расшита бусинками, Женька учится считать, водя по ним пальцем. Вкус шоколада во рту – такой сложный, прекрасный, глубокий, как счастье. Елка горит, полыхает жаром, все вокруг кричат, елочные игрушки лопаются с трескучим звоном, ему страшно, мама бросается к нему сквозь язык пламени. Слезы, смех, страх, крики, книги, восторг, тоска – Женька шевелил губами, не в силах произнести ни звука. По щекам катились слезы.

Он обернулся, и оба цверга низко поклонились ему.

– Подземный король Джон-Сон закончил службу, – сказали они хором.

Женька лежал в штольне и смотрел в темноту, туда, где когда-то увидел вырезанные в гладком камне ворота. Под головой у него был рюкзак. Света не было – на прощание он оставил цвергам телефон, пусть играют, он знал, что многие прирастерелись. Идти обратно оказалось очень холодно – туман лип к телу, высасывал живое тепло, нога ломила, как больной зуб.

Но он дошел, врата закрылись, он упал на острые камни. Его дыхание ускорилося, сердце билось часто-часто, в глазах темнело. Аустри сказал, что так будет – телу нужно заново привыкнуть ко времени Мидгарда.

Уже через несколько минут Женьке стало казаться, что все произошедшее было сном, фильмом, который показал ему сломанный отчаянием разум. Что не было ни цвергов, ни великанов, ни космоса под ногами, ни огромных мокриц с острыми жвалами. Он попробовал что-нибудь сказать вслух, но горло не слушалось.

Сверху донесся звук – кто-то кричал в шахту. Женька не мог ответить. Он ждал. Долгое время ничего не происходило, а потом сверху донеслись шуршание, скрежет, голоса. Кто-то спускался в штольню на спасательном тросе. Позвал его. Включил фонарь и Женька увидел свет – яркий, безжалостный, прекрасный.

– Он здесь! Живой! – ликующе закричал человек кому-то наверху. Женька помахал ему рукой.

Наверху было темно, моросил дождь, пахло грибами, землей, жизнью. В свете прожектора стояли люди – мама, папа со своей новой женой Олей, МЧС-ники, почему-то дядя Боря из театра.

Когда Женьку вытащили, мама страшно закричала и бросилась к нему, но тут его нечаянно приложили о камень сломанной ногой, и он отключился.

Очнулся в больнице – понятно было по запаху. Ничего не болело, но тело было онемевшее, чужое. В обеих руках стояли капельницы, а по разные стороны кровати сидели мама и дядя Борис. Он протягивал к ней руку, как тогда, когда был Карандышевым, только без пистолета.

– Всю душу ты мне измотала, Маша! – сказал он. – Измучила! Я тебя люблю все эти годы, кругами хожу, а ты бы мне и не позвонила, если бы не беда с Женькой. Почему мы не можем быть вместе? Почему ты не даешь мне о вас позаботиться?

– Я не хочу быть твоим благотворительным проектом! – прошептала в ответ мама, прижимая руку к изуродованной щеке. – И если ты принимаешь жалость за любовь, то я...

Дядя Боря потянулся, отнял ее руку от щеки и прижал к своим губам.

«Актеры!» – подумал Женька и крепко уснул.

Когда он проснулся, мама была одна. Она сидела в кресле с ногами, обняв колени. В руках у нее была Женькина старая игрушка, белёк Ва-Вась. Она плакала и рассеянно вытирала им слезы.

На этот раз она заметила, что Женька открыл глаза, бросилась к нему, гладила его по лицу, по рукам, по голове, оторваться не могла.

– Как же ты нас напугал, Жека, – говорила она. – Нет-нет, не пытайся говорить, у тебя связки сорваны. Слава богу, слава богу, сыночек. Мы совсем в других местах искали, но тут проходил какой-то странный коротышка в халате и в темных очках, сказал, что видел, как мальчик шел вдоль рва в лес, туда, где шахта когда-то была. У меня сразу будто в голове щелкнуло. Нога срастется, ничего, на физио походим, скоро будешь бегать, как раньше. А час назад у тебя сестра родилась, здесь же, в этой больнице – твой папа с тетей Олей приехали помогать тебя искать, и тут...

Через полчаса в палату зашел дядя Борис. В руках у него была упаковка шоколадных батончиков.

– Вот, – сказал он. – Я же помню, что ты любишь. Ты как, Женья? Молодцом?

Женька кивнул. Молодцом.

Дядя Боря сказал, что отвезет маму домой, поспать, а то она сейчас тут свалится. Мама поотнекивалась, но Женька махнул рукой – иди! – и она позволила себя увести. Она тре-

можно оглядывалась на Женьку, но дядя Боря ей сказал что-то успокаивающее и показал Женьке большой палец.

Женька поднял свой в ответ.

На тумбочке стоял его рюкзак – как новенький, не порвался и даже почти не испачкался. Женька потянулся достать блокнот и ручку и ахнул: карман был забит монетами – золотыми, серебряными, медными, с разными лицами и значками, с неровными краями, некоторые – с пробитыми дырками.

Цверги наградили его за службу.

Женька посмотрел в выпуклые глаза своего Ва-Вася и подумал о Наре.

Он представил, как молодые цверги с янтарными глазами выходят из ожившей Кореницы и идут по чертогу королей, вглядываясь в серебряные лица и дотрагиваясь до сияющего металла. Оба останавливаются перед Женькиной статуей, поднимают к ней руки и улыбаются.

Женька видел это так ясно, будто действительно какой-то своей частью навсегда остался стоять в подгорном зале Нидавеллира и улыбаться им в ответ.

Татьяна Романова Вольденская пустошь

1

Мистер Уиллиг оказался ровно таким, как Эван его представлял: рослым стариканом с колючим взглядом из-под кустистых бровей. А вот железнодорожной станции удалось превзойти худшие ожидания. Собственно, это и станцией назвать было нельзя – скользкая, перепачканная сажей дощатая платформа, от которой тянулась в поля расхлябанная колея дороги.

– Господин доктор, надо полагать? – Уиллиг протянул Эвану руку в грязноватой перчатке. – Честно сказать, не очень-то вы тут нужны. Но раз уж приехали, добро пожаловать.

Он развернулся и, чуть прихрамывая, направился к старой двуколке, запряженной парой гнедых. Эван уныло побрел за ним, поскальзываясь на заледенелых досках и щурясь от яркого мартовского солнца.

– ...Тут, значит, в чем дело. – Уиллиг тронул поводья, и лошади уныло потрусили по мерзлой дороге. – В прошлом году наша управа, не пойми с чего, расстаралась и отгрохала больницу на сорок мест – вот ту самую, в которую вам назначение дали. Больница-то хорошая, спору нет. Только вот, коллега, с практикой тут совсем беда.

Ну, может, прежнего Эвана это бы и огорчило, а Эван нынешний только плечами пожал. Все равно жизнь кончена.

– Из Вольдена сюда добираться неудобно, у шахтеров в поселке своя клиника, а деревенских к нам с вами на аркане не затащишь, – продолжал Уиллиг. – Терпят до последнего, лечатся травками да заговорами, а к нам добираются, только когда... – он размашисто перекрестился. – Да вот хотя бы девчушка эта со швейной фабрики, Карен Гилкрест. Пришла позавчера – мол, все отлично, жалоб нет, только родинка на спине беспокоит. Угадаете, что там была за родинка?

– Меланома?

– И здоровущая, дрянь, – Уиллиг вздохнул. – Такую режь не режь – все уже, ничего не поделаешь. А дуреха эта спрашивает, можно ли, мол, такую мазь выписать, чтоб все поскорее зажило, а то у нее свадьба. Я ей говорю – деточка, да тебе месяц остался! А она смотрит и улыбается. Не понимает. И вот что мне с ней делать? Хорошо хоть, мистер Бойд помог, забрал ее в городской хоспис.

– Что за мистер Бойд? – рассеянно спросил Эван.

– Так вы же вроде сами из Вольдена. Неужели о Бойде не слышали? – удивился Уиллиг. – Хороший человек, благотворительностью занимается. Газету выпускает, у него своя типография в городе. На должность мэра уже черт знает сколько раз свою кандидатуру выставлял, но все без толку.

– Почему?

– Бойд парней из Альянса сильно не любит. В газетке своей постоянно по ним прохаживается. А у нас – да вы сами, небось, знаете – каждый второй за автономию. Террористы – выродки, конечно, но так-то, если посмотреть, – присосалась к нам Империя, как слепень. Люди в шахтах по шестнадцать часов работают, света белого не видят, а денежки все на континент утекают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.